http://dx.doi.org/10.18778/7525-710-6

JAROSŁAW WIERZBIŃSKI

Языковой монументализм в России XX века

(Диахроническая экспликация научных парадигм)

Monumentalizacja języka w Rosji XX wieku

(Eksplikacja diachroniczna paradygmatów naukowych)

JAROSŁAW WIERZBIŃSKI

Языковой монументализм в России XX века

(Диахроническая экспликация научных парадигм)

Monumentalizacja języka w Rosji XX wieku

(Eksplikacja diachroniczna paradygmatów naukowych)

ŁÓDŹ 2012

RECENZENT

Joanna Korzeniewska-Berczyńska

REDAKTOR WYDAWNICTWA UŁ

Bogusława Kwiatkowska

SKŁAD I ŁAMANIE

ESUS – Agnieszka Buszewska

KOREKTA

Bogusława Kwiatkowska

OKŁADKĘ PROJEKTOWAŁA

Barbara Grzejszczak

Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego
90-131 Łódź, ul. Lindleya 8

Wydanie I. Nakład 150 egz. Ark. druk. 16,5
Zam. 4996/2012. Cena zł 38,– + VAT

ISBN 978-83-7525-710-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление

1. Объект исследования. Вводные замечания

Тематический круг и объект настоящего исследования связаны с изучением состояния русского языка и языковой реальности в советской и постсоветской России в XX веке. Данная постановка проблемы предусматривает изучение политического языка в тоталитарном обществе, а также анализ языковых механизмов воздействия на общественное и индивидуальное сознание.

Фундаментальное значение для наших разысканий представляет монография А.М. Селищева, *Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926)*, вышедшая в Москве в 1928 году (см. также 3-е изд.: Москва 2009). Исследователь основательно охарактеризовал языковую ситуацию и речевую деятельность первого десятилетия революционной эпохи, определив как языковые новшества и их функции (номинативную, коммуникативную, эмоционально-экспрессивную), так и семантические изменения слов в различных сферах общения (в городе и деревне, на фабрике и заводе). О масштабах этих процессов дополнительно свидетельствует языковой материал, который в указанной книге систематизирован в обширном Словарном указателе.

Важными являются для нас также наблюдения и выводы о происходящих изменениях в русском языке конца XX века, которые изложил в своей книге А.Д. Дуличенко, *Русский язык конца XX столетия* (München 1994). В ней представлен ряд вопросов, связанных с ломкой политического языка в данный период. Исследователь пишет о лексических доминантах времени перестройки и гласности, о смене лексических парадигм, снятии табу и языковой десоветизации, но также и о своеобразной новой спирали идеологизации языка и общества в постсоветский период.

В западной филологии на первый план выбивается работа французского исследователя Ф. Том *La langue de bois* (1987). Книга переведена на польский язык: F. Thom, *Drewniany język* (Warszawa 1990). В ней рассматриваются различные вопросы тоталитарного советского языка, как генезис *деревянного языка*, его идеологические корни на русской почве, некоторые лексико-семантические, фразеологические, синтаксические

особенности *дубового языка*. Внимания заслуживает также, переведенная на польский язык, очередная книга Ф. Том, *Czas Gorbaczowa* (Warszawa 1990), в которой проанализированы различные проявления посттоталитарного языка.

В польской славистике первой занялась изучением различных вопросов тоталитарного и посттоталитарного языка И. Коженевска-Берчиньска. В своих исследованиях она последовательно проводит социолингвистический анализ, т.е. объясняет языковые явления, исходя из экстралингвистических, социальных установок и факторов. Внимания заслуживают с этой точки зрения как монографические труды (*Новации в языковой картине мира российского человека. На основе современных публицистических текстов*, Olsztyn 1996; *Образ человека в континууме публицистики*, Olsztyn 2001), так и другие разработки (см., напр.: Коженевска-Берчиньска 1992; 1993; 2001, а также: Korzeniewska-Berczyńska 1991; 1992; 1996; 2008).

Помимо ряда имеющихся в научной литературе значительных и ценных исследований по указанным вопросам[1], а также лексикографических разработок[2], автор данной монографии глубоко убежден, что проблема изучения языковых процессов, тенденций и их конкретных проявлений в России XX века далеко не исчерпана.

Заглавный термин *монументализм* используется нами в качестве своеобразной метафоры, чтобы подчеркнуть громоздкость языка коммунистической системы. Выражение *языковой монументализм* отражает соцреалистическую гигантоманию в языке и предельную идеологизацию языковых структур.

Настоящая работа эксплицирует важнейшие языковые ориентиры развития русского языка в XX столетии, включая анализ идеологически маркированных лексем, аксиологических оценок в смысловой структуре слов-идеологем, смысловую трансформацию лексем, а также анализ пропагандистских и партийных лозунгов в русском языке послереволюционного времени.

---

[1] См., напр.: Селищев 1928; Ожегов 1953; Супрун 1969; Будагов 1971б; Стриженко 1980; Протченко 1985; Верещагин, Костомаров 1990; Горбачевич 1990; Караулов 1991; Добренко 1993; Костомаров 1994; Дуличенко 1995; Купина 1995; Лассан 1995; Миронюк 1995; Седакова 1995; Душенко 1996; Земская (ред.) 1996; Алпатов 1997; Ермакова 1997; Баранов, Бельчиков 2003; Гусейнов 2003; Романенко 2003; Чудинов 2003а; Сальман 2007; Цивилева 2007; Вайс 2008; Кутенева 2008; Серио 2008; Шмелькова 2008; Потехина 2009; Drawicz 1992; Korzeniewska-Berczyńska 1992; Lehikoinen 1990; Pazio 1995; Siekierzycki 1997; Suchanek 1999; Żurek 2002.

[2] См., напр.: Котелова, Сорокин (ред.) 1971; Поспелов 1993; Баранов, Караулов 1994; Галочкин, Черняховский 1995; Котелова (ред.) 1995; Душенко 1996; Левашов (ред.) 1997.

Изучению подвергнуты имена собственные, представляющие собой своеобразные кумуляторы национально-культурных знаний о советской эпохе. Многие из этих имен, выступающие как знаковые в силу главенствующей в тот период революционной и коммунистической идеологии, воспринимаются как прецедентные. Рассматриваются топонимы, заключающие в себе национально-культурную информацию о советской эпохе. Национально-культурная информация извлекается также из паремиологических изречений советского периода, поскольку в них отражены различные коммуникативно-прагматические ситуации, передающие и исторический колорит эпохи, и мировоззрение этноса, его мировидение.

Обсуждается также вопрос о новых социальных ролях, функциях и задачах женщин, которые предоставила им советская политическая система. Рассматриваются специализированные революционные и партийные периодические издания советского времени. В поле зрения находится идеологическая речь советского времени, выборочно анализируются словарные материалы в диахроническом аспекте, а также анализируется деидеологизация советизмов в связи с трансформационными процессами перестроечного взрыва, в результате которого в аксиологической характеристике многих советизмов присутствует негативная оценочность.

2. Цель и задачи исследования

Объектом предпринятого нами исследования являются различные аспекты русской языковой картины мира XX столетия.

Цель монографии состоит в том, чтобы системно, комплексно и всесторонне осмыслить тенденции и закономерности развития русского языка в послереволюционный период рождения и построения новой социалистической эпохи, который ознаменовал себя бурными событиями и потрясениями в самых различных областях и сферах жизни. Сказанное сопровождалось и, собственно, осуществлялось посредством особого языка, пришедшего на смену весьма рафинированного и утонченного языка предыдущей эпохи.

Основная задача сводится к анализу наиболее интенсивных процессов в языке на лексическом и коммуникативном уровнях, о которых заявил XX век. Ставится задача воспроизвести эту эпоху в ее звучащем языке, исследуя различные аспекты функционирования этого особого языка, т.е. советского новояза.

На фоне уже существующих разработок о специфике русского языка XX века данная монография отличается рядом особенностей, вытекающих из постановки конкретных задач, которые сводятся к:

– выявлению концептосферы путем определения идеологем и советизмов, а также последующих изменений в их структуре,

– изучению развития лексической семантики таких слов (т.е. после 1917 года) на материале лексикографических источников советского и постсоветского периодов,

– эксплицированию системы личных имен по сравнению с традиционными личными наименованиями,

– эксплицированию тенденций в кругу топонимов в послереволюционный период,

– выявлению специфики советской паремиологической системы во всех ее аспектах – понятийном, коммуникативно-прагматическом и культурологическом в сравнении с паремиологической традицией.

Постановка самой проблемы, как и решение этой многосложной задачи в целом требуют обстоятельного и развернутого анализа. Предварительно они требуют как обоснования самой темы, так и состояния ее изученности.

В течение XX века произошли коренные изменения в русском языке. Они наиболее показательны на лексическом уровне, поскольку лексика более, чем другие уровни языка, реагирует на исторические изменения общественно-политического и культурного характера в жизни народа.

К примеру, в различные периоды советской эпохи появилось множество новых слов и выражений, где широкое распространение получили определения, связанные с революционными и другими общественно-историческими событиями и реалиями, ср.: *агитация*, *класс*, *комиссар*, *коммунистический интернационал*, *комсомол*, *пропаганда*, *ревизионист*, *революция*, *советский*, *трудящийся*, *труженик*. Активизировались слова типа: *антикоммунизм*, *белогвардеец*, *буржуазия*, *коммунизм*, *контрреволюция*, *красный*, *марксизм*, *партия*, *пролетарий* и др. Широко использовались также другие определения и названия, ср.: *борьба с контрреволюцией и саботажем*, *военный коммунизм*, *Красная Армия*, *национализация*, *расказачивание*, *раскулачивание* и др.

С другой стороны, в отмеченный период стала уходить на периферию языка из-за ненадобности лексика, характерная для старой системы, например, названия учебных заведений – *гимназия*, *лицей*, названия чинов, служебных должностей, сословий, формы вежливости – *барин*, *барон*, *барышня*, *господа*, *господин*, *госпожа*, *граф*, *губернатор*, *дворянин*, *дворянство*, *князь*, *помещик*, *статский советник*, *ваше величество*, *ваше благородие*, *ваше сиятельство*, *милостивый государь* и т.п. После 1917 года такие номинации были упразднены, т.е. они вышли из употребления и стали историзмами. Вместо данных номинаций появились новые формы речевого этикета типа *гражданин*, *гражданка*, *товарищ*.

Следует также отметить, что у ряда слов произошло семантическое переосмысление или появились новые значения. Изменения практически произошли во всех лексических пластах, активизировалась, к примеру, антирелигиозная лексика: *антирелигиозник*, *атеизм*, *безбожник*, *безбожничать* и т.д. Те и другие процессы заслуживают самостоятельного изучения. В целом же необходимы фоновые знания о рассматриваемой эпохе.

3. Методологические положения и установки

Выдвинутые нами задачи требуют соответствующих лингвистических методов и приемов.

Методологические установки данной работы следующие:

1. Исследования собранного языкового материала проводятся в междисциплинарном контексте (подробнее об этом в следующем параграфе). Происходящие инновационные процессы послереволюционного периода описываются и исследуются в указанном спектре.

2. Особенность предпринятого анализа обусловлена современной когнитивной парадигмой лингвистики, которая расценивается в качестве важнейшего методологического приема в рамках когнитивистики, представляющей собой набор гносеологических дисциплин и подходов.

3. Внедряется комплексное описание, опирающееся на семантический, онтологический, ономасиологический, культурологический подходы; утверждается необходимость также философского рассмотрения и герменевтического освещения фактов глубинной семантики советской лексики.

4. Восстанавливая языковую картину любого отрезка действительности, необходимо использовать разные типы языковых данных, прибегая к историческим материалам, лингвистическим и словарным разработкам и т.д. Полагаем, что анализ разных типов языковых данных будет способствовать выявлению многих аспектов языковой картины мира.

5. Осуществляется историческое и лингвокультурологическое описание базовых концептов. Полагаем, что благодаря историческим экскурсам полнее будут выявлены и представлены отдельные смыслы слов.

6. Идеологемы рассматриваются в лексикографическом освещении, т.е. составляется их лексикографический портрет.

7. В целях предпринятого анализа диахронический подход углубляется синхроническими наблюдениями.

8. Исследование выполнено на материале разнообразных лексикографических произведений, публицистических данных и художественных текстов. Учитывались при этом факты истории, культуры, а также философские воззрения.

9. Отметим здесь же, что с рубежа веков не существует обзорной работы о языковом монументализме в России XX столетия. Справедливости ради подчеркнем, что различные вопросы, затронутые в данной монографии, рассматривались в определенной степени различными исследователями, однако это делалось по отдельности. В совокупности и в таком объеме они не были представлены. Следует к тому же оговориться, что данная работа не претендует на окончательность и полноту изложения темы, напротив, она имеет открытый характер и представляет общие направления по вопросам

лингвистических доминант и стратегий речевого поведения в русском языковом пространстве XX века.

4. Междисциплинарный характер исследования

Языковая картина мира проявляется через концепты в различных языковых данных. В ее осмыслении и интерпретации используются достижения когнитивной лингвистики[3] и других смежных наук, как лингвокультурологии[4], этнолингвистики[5], социолингвистики[6], психолингвистики[7], теории информации и коммуникации[8], семиотики[9].

Наибольший интерес среди этих дисциплин в новейших исследованиях вызывает когнитивная лингвистика, которая представлена рядом специальных разысканий (см., напр.: Кубрякова 2004; Попова, Стернин 2007; Tabakowska 2000; Tabakowska 2001). Вырастает она из когнитивизма, т.е. общенаучного направления, занимающегося исследованием разумных систем и мыслительных процессов человека, его ментальности. Когнитивная лингвистика мыслится как составляющая когнитивной психологии, т.е. психологии познания и стремится выяснить механизмы интерпретации мира через язык. Когнитивная лингвистика расценивается как разновидность интерпретирующего подхода к различным феноменам языка (см., напр.: Демьянков 1994). Важной с этой точки зрения представляется ментальная репрезентация языкового знания, которая обусловлена в значительной степени национальным началом.

Усилия когнитивистов направлены на раскрытие когнитивной функции языка и на основные механизмы когниции, т.е. узнавание, интерпретацию и понимание. «Когниция – подчеркивает В.З. Демьянков – организует в человеке смыслообразование и использование значений в рамках культуры, – делая значение общим достоянием людей, принадлежащих к этой культуре» (Демьянков 1994: 25). Автор ссылается при этом на высказанные в науке

---

[3] См., напр.: Демьянков 1994; Красных, Гудков, Захаренко, Багаева 1997; Болдырев 2000; Маслова 2007б; Cieśla 1999.

[4] Напр.: Брагина 1981; Снитко 1999; Арутюнова, Левонтина (ред.) 1999; Дубровская 2000; Вежбицкая 2001а; Воркачев 2001; Маслова 2007а; Алефиренко 2010; Bytniewski 1992; Ożdzyński 1993; Anusiewicz 1995; Dubisz 2002.

[5] См., напр.: Сорокин 1995; Тарланов (ред.) 1995; Комарная 2002; Ковалев 2003; Красных 2003; Седых 2004; Магдесян 2007; Тюпа 2008; Bartmiński 2007.

[6] См., напр.: Сятковский 1984; Мечковская 1996; Романов, Шахнарович 1999; Стернин 2000; Bokszański, Piotrowski, Ziółkowski 1977; Searle 1999; Gajda, Rymut, Żydek-Bednarczuk 2002.

[7] Напр.: Леонтьев 1974; Шахнарович, Юрьева 1990; Красных 2002; Фрумкина 2007; Kurcz 1992.

[8] См., напр.: Харрис 2001; Гудков 2003; Awdiejew, Habrajska 2004; Kiklewicz 2006.

[9] См., напр.: Коул, Скрибнер 1977; Выжлецов 1996; Żegleń 2000.

положения и идеи, что: 1) когнитивные процессы находятся в зависимости от конкретного языка, который используется в качестве родного и который формирует картину мира; 2) эти процессы используются людьми при интерпретации текста и при восприятии действительности; 3) язык влияет на пути образования и развития понятий (Демьянков 1994: 28, 29).

По словам В.И. Писаренко, эта лингвистика – главная среди когнитивных наук. Несмотря на тот факт, что даже в пределах когнитивного направления в языкознании возникают разные школы, объединяющим их началом является стремление объяснить лингвистические факты и категории с позиции психологического подхода (Писаренко 2009: 204–205). Другими словами, когнитивная лингвистика устанавливает и постигает связи между познавательными процессами и языком, который рассматривается как механизм, способствующий кодированию и трансформированию информации (Попова, Стернин 2001: 3).

Данный вопрос представляет для нас методологическую значимость в связи с изучением языковых процессов советской эпохи, т.е. в период, когда изменились механизмы когниции у целого поколения. Можно сказать, что ментальность послереволюционного поколения вступила на новый путь мышления заданного тотально партийной пропагандой и коммунистической идеологией. В этот период произошли, как известно, существенные преобразования также на разных уровнях языка, прежде всего изменения лексические и синтактико-семантические.

В русле междисциплинарных исследований языка значительная роль принадлежит также политической лингвистике. Данная научная дисциплина – по словам А.П. Чудинова – «занимается изучением использования ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием» (Чудинов 2007: 3). В другом месте исследователь уточняет предмет ее изучения, подчеркивая, что это «политическая коммуникация, т.е. речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям […]» (там же: 6).

Данная разновидность или направление лингвистики связано с политическим дискурсом. В широком смысле терминологическое выражение *политический дискурс* – это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, и правил публичной политики, учитывающих ряд экстралингвистических факторов (культурно-исторических, социальных, психологических). Политический дискурс имеет полевое строение, в центре которого находятся такие жанры, как парламентские дебаты, речи политических деятелей, агитационная деятельность. Данные жанры составляют ядро политического дискурса, так как они в максимальной степени соответствуют основной функции политической коммуникации – борьбе за власть. В периферийных жанрах, к которым относится,

например политическая реклама, функция борьбы за власть переплетается с функциями других видов дискурса, причем происходит наложение характеристик различных дискурсов (Шейгал 2004).

В лингвистике разработаны различные подходы и приемы анализа политических текстов. Один из таких методов разработала Э. Лассан. Это метод когнитивно-риторического анализа идеологизированных текстов (Лассан 1995), заключающийся в последовательном, взаимосвязанном и взаимообусловленном их рассмотрении на трех уровнях организации: порождения идеи (инвенция), расположения мыслей (диспозиция) и украшения речи (элокуция).

Сущность данного метода по отношению к соответственным текстам заключается в том, что политический дискурс содержит в себе явную или скрытую полемику с ценностями оппонента, т.е. текст строится на оппозиции ценностей, на антитезе, как, например, *демократия – антидемократия*.

Важным источником извлечения информации в русле междисциплинарных исследований является журнал «Политическая лингвистика», выпускаемый под ред. Чудинова в рамках Уральской школы политической лингвистики. Журнал включает три основных раздела: 1) Политическая коммуникация, 2) Язык – политика – культура и 3) Из истории политической лингвистики. Данный перечень предусматривает широкий спектр весьма важных и актуальных для изучения объектов и подходов как для лингвистической науки, так и смежных дисциплин. В нем рассматриваются общие принципы изучения политической коммуникации, способы манипулирования в политическом дискурсе, методология политической лингвистики, лексика и метафорология политической литературы; исследуются проблемы взаимодействия языка, культуры и политики, вопросы медиалингвистики, а также представлены вопросы истории политической лингвистики. Поскольку в журнале помещаются также исследования, посвященные проблемам тоталитарного советского языка, то вполне обосновано, что его материалы полезны и для нашего анализа.

5. Исходные понятия: *языковая картина мира*, *концепт*, *антропоцентризм*

Лингвистика последних десятилетий пересмотрела исследовательские принципы, которые направлены в сторону изучения языковой картины мира, языковой концептуализации действительности. Интерес перемещается, таким образом, в область когнитивных и лингвокультурологических описаний[10].

---

[10] См., напр.: Постовалова 1988; Серебренников 1988; Телия 1988; Верещагин, Костомаров 1990; Лихачев 1993; Нещименко (ред.) 1994; Лассан 1995; Булыгина, Шмелев 1997; Вежбицкая 1997; Сепир 1997; Рахилина 1998; Болдырев 2000; Слышкин 2000; Попова,

Фундаментальной задачей современной лингвистической науки является исследование концептуализации мира посредством языка. Такая модель представленного мира определяется как языковая картина мира.

Методологическим ориентиром понятия *языковая картина мира* в данной монографии являются теоретические положения С.Е. Никитиной, которая, в частности, пишет: «всякая языковая картина мира, построенная на лексических данных, является культурно-языковой картиной, продуктом скрещения языка с определенной культурной моделью» (Никитина 2000: 221). По мнению же А. Камаловой, «В основе построения моделей мира в сознании человека лежат разнонаправленные процессы познания – категоризация и концептуализация. Первый процесс моделирует общее, абстрактное, второй – частное, конкретное» (Камалова 2009: 24).

По данному вопросу интересное мнение высказывает Я. Носович: «Наиболее адекватным пониманием картины мира представляется определение ее как исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего самые главные и существенные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека. Картина мира понимается при такой трактовке как субъективный образ объективной реальности и входит, следовательно, в класс идеального, которое не перестает быть образом реальности». Дальше Носович поясняет, что анализ языковой картины мира предполагает исследование человеческого фактора в языке, поскольку в ней «отражается влияние, во-первых, психофизиологических особенностей человека и, во-вторых, всевозможных социальных аспектов (религиозно-мифологических, философских, научных, художественных, экономических, политических и др.)» (Nosowicz 2002: 108).

Определенные фрагменты мира рассматриваются в научной литературе через понятие *концепт*[11]. Значительный вклад в описание концептов, т.е. основополагающих понятий русской культуры, внес Ю.С. Степанов в своем лексиконе *Константы: словарь русской культуры* (Москва 2001; изд. 3-е, испр. и доп., Москва 2004). Концепты представляют собой объединяющие идеи русской культуры типа: *свои и чужие*, *ментальные миры*, *язык*, *хлеб*, *слово*, *правда и истина*, *мещанство*, *интеллигенция*, *весь мир – театр* и многие другие понятия. Сам термин мыслится как пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, присущих слову-концепту. Концепты

Стернин 2001; Красных 2002; Шмелев 2002; Жидков 2003; Кубрякова 2004; Алефиренко 2006; Григорьев 2006; Стернин, Попова 2006; Воркачев 2007; Маслова 2007б; Карасик 2009; Писаренко 2009; Bartmiński (ред.) 1990; Grzegorczykowa 1990; Grzegorczykowa, Pajdzińska (ред.) 1996; Langacker 1998; Cieśla 1999; Maćkiewicz 1999б; Tabakowska (ред.) 2001; Tokarski 2001; Bartmiński 2006; Chlebda 2007.

[11] В самом общем смысле термин *концепт* рассматривается нами как единица когнитивной лингвистики и как единица культурологии.

понимаются как часть культуры общеевропейской. Подробному толкованию данного термина специально отведена обширная словарная статья (Степанов 2004: 42–83), из которой нами извлекаются следующие выдержки: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее. [...] концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (там же: 43).

Проблема концептов в последние два десятилетия была предметом научных исследований многих ученых[12]. В своей работе З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают: «Концепт – это представление о фрагменте мира» (Попова, Стернин 2007: 32). Небезынтересно также по данному вопросу мнение А.В. Алексеева, который заявляет: «Под концептом мы понимаем всю полноту смысловой репрезентации слова. То есть концепт – это не только переносные образно мотивированные значения, не только прямое основное значение с его понятийным ядром. Концепт – это также (если не в первую очередь) совокупность всех символических со-значений слова, формирующихся в истории» (Алексеев 2009: 179).

Анализ терминологических дефиниций в научной литературе показывает, что под термином *концепт* понимается семантическая единица, обладающая лингвокультурной спецификой и характеризующая определенную этнокультуру. При рассмотрении концепта целесообразно различать ядро и периферию. Ядро – это словарные значения лексемы, периферия – это коннотации, ассоциации, прагматические составляющие лексемы и субъективный опыт. Так, экспликация, например, концептов *большевик*, *красный* или *Октябрьская революция* должна совмещать как словарные смыслы, так и различные коннотативные наслоения и созначения. Следует отметить предварительно, что указанные концепты являются одними из важнейших сегментов ментального поля в Советской России.

В словаре Л.К. Муллагалиевой (2006) термин *концепт* понимается как интегрированная лингвокультурологическая единица, включающая лингвистический и энциклопедические аспекты семантики, соединяющая лексическое значение и лексический фон (см. об этом: Попова, Стернин 2007: 2–6). Взаимодействие и взаимообусловленность языка и культуры в рамках лингвокультурологического подхода к изучению природы концепта

---

[12] Среди них выделяются: Лихачев 1993; Вежбицкая 2001а; Воркачев 2001; Демьянков 2001; Грузберг 2003; Жидков 2003; Зусман 2003; Карасик 2004, 2009; Прохоров 2004; Григорьев 2006; Маслова 2007а, 2007б; Мишатина 2007; Попова и Стернин 2007; Фрумкина 2007; Алексеев 2009; Bartmiński (ред.) 1990; Grzegorczykowa 1999.

А.А. Григорьев поясняет следующим образом: «Естественный язык является одной из высших форм проявления культуры, но и культура своими основополагающими смысловыми характеристиками располагается в сфере естественного языка, который можно назвать ядром культуры» (Григорьев 2006: 64). Из множества толкований этого феномена наше понимание концепта близко тому, которое предложил Степанов.

По рассматриваемому вопросу важным является также утверждение Д.С. Лихачева, что концепт «является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» (цит. по: Маслова 2007б: 173).

В исследованиях языковых явлений все большее значение приобретает человеческий фактор[13]. Сошлемся сперва в этом отношении на авторитетное мнение Е.А. Селивановой: «текстово-дискурсивная категория антропоцентричности проявляется в том, что гносеологическим и коммуникативным центром дискурса и текста является человек, его индивидуальное сознание. [...] в категории антропоцентричности можно выделить подкатегории адресантности и адресатности (адресованности), которые находятся в сложном взаимодействии и имеют различные средства репрезентации. Категория адресантности исходит из личности автора-человека, трансформирующегося в тексте в автора-функцию. [...] Второй стороной антропоцентричности дискурса является подкатегория адресатности. Позиция адресата встроена в макрознак текста в соответствии с замыслом, интенциями автора, его концепцией адресованности данного текста» (Селиванова 2002: 228–231).

Оригинальный взгляд на роль человеческого фактора изложила также Л.В. Шалина: «Принцип антропоцентризма в лингвистике доказывает, что получить адекватное представление о природе языка возможно, лишь исходя из изучения сущности человека, осознающего себя и свое место в мире, свою роль в практической деятельности. В то же время познание человека немыслимо без его языка. Следовательно, диада „человек-язык” должна находиться в центре современных антропологических исследований, т.е. важны функция человеческого фактора в языке и языкового фактора в жизнедеятельности человека» (Шалина 2009: 230).

Несмотря на некоторые отличия и нюансы в интерпретации приведенных мнений, можно заключить, что в лингвистике преобладает антропоцентрический подход в связи с усилением в научных исследованиях личностного начала. Наши разыскания выдержаны в настоящей книге именно в плане антропоцентризма.

---

[13] См. об этом, напр.: Постовалова 1988; Серебренников (ред.) 1988; Архипов 1990; Арутюнова 1998; Сулименко 1994; Чурилина 2003; Караулов 2006; Шалина 2009; Kurcz 1987; Kurcz 1992; Kaczmarek 1995.

I. Парадигмы культуры в России XX века в контексте лингвистики Периодизация в развитии русского языка

1. Общекультурные парадигмы и языковые процессы

Исследования последних десятилетий направлены преимущественно на поиски парадигм культуры XX столетия и, следовательно, тех стержневых параметров, концептов или констант, которые определяют тенденции развития науки вообще. Свидетельствуют об этом, в основном, разработки А. Якимовича, в которых представлены две общекультурные парадигмы (Якимович 1993; 1996; 1997; ср. также: Неизвестный 1989; Зись 1995).

Первой парадигмой XX век обязан идеалам прошлого, гуманности и просвещенности, идеалам разума, морали и духовности. Данная парадигма определяется антропогуманизмом и/или антропоцентрическим цивилизационизмом.

Вторая парадигма имеет альтернативный характер. Ей свойственны дисгармония, хаос, фрагментарность, бессистемность, иррациональность, разрушительная сила. Это антицивилизационистская, биокосмическая, нигилистическая парадигма XX века, основанная на эстетике новой первобытности.

Ссылаясь на парадигмы Якимовича, определяющие контрастные способы восприятия действительности, Е. Покровская пытается соотнести с этими общекультурными процессами языковое развитие. «Представляется – отмечает Покровская –, что те инновации, которые появляются и в языке художественной литературы, и в русском литературном языке вообще, и в речи, образуют процессы, которые тоже формируют перечисленные парадигмы XX века, хотя размышляющие над ними ученые не принимают данные языка во внимание» (Покровская 2007: 212).

Она находит различные параллели и эквиваленты этому в языке, отмечая для первой парадигмы иерархическую организацию коммуникативной единицы, языковую нормированность, стилистическую дифференцированность, языковую гармонию и упорядоченность. Язык XX века получил эту классическую парадигму в наследство от XIX, и многие новые явления вполне

вписываются в нее» (там же: 213). Вторая парадигма сопровождается различными инновациями, которые Покровская прослеживает в области синтаксиса, опираясь на имеющиеся в научной литературе разыскания (Арутюнова 1972; Акимова 1990). Эти синтаксические инновации имеют аналитический характер. Это актуализирующий синтаксис, разрушающий традиционно гармоническую и иерархическую систему классического синтаксиса.

Ссылаясь на Ю. Лотмана, Покровская отмечает, что «минусуется гармония, иерархия, перспектива, мелодия, все то, что является святая святых первой парадигмы, эстетики культур-гуманизма» (Покровская 2007: 216). В итоге происходит нарушение всяческих языковых норм, ослабление и даже распадение синтаксических связей, их либерализация. «В XX веке происходит бурное качественное развитие неполного предложения и резкое повышение его частотности» (там же: 217).

Новой стадией второй парадигмы является постмодернизм, что сказывается также на языковом развитии с его стремлением освободиться от всеобщей регламентированности тоталитарной эпохи. Наблюдается при этом детабуизация всего и грамматическая небрежность. Языковые процессы наиболее показательны на лексическом уровне, о чем дополнительно свидетельствует также новейшая лексикография (см., напр.: Скляревская (ред.) 2001; Лопатин, Лопатина 2001; ср. также: Ефремова 2000).

Характерным языковым процессом является смешение стилей. Оно сопровождается и перераспределением тематических групп лексики. Покровская вполне обоснованно утверждает, что «парадигмы века действуют не только в сфере естественных наук, культуры, искусства, философии и социологии, но и в речи, языке. Происходящие в речи и в языке XX века живые процессы формируют эти парадигмы не в меньшей степени, чем процессы и факты науки и искусства» (Покровская 2007: 223). Итак, языковые процессы вписываются в общую картину парадигм XX века.

Разделяя подобные воззрения, находим необходимым обратиться к некоторым литературным произведениям, в которых запечатлен язык революционной эпохи. В романе Б. Пастернака *Доктор Живаго* одна из значимых оппозиций выстраивается именно по принципу противопоставления „старой” и „новой” речи, что убедительно доказала в своей статье М.Р. Шумарина: «Речь „старая” – это речь цивилизации и культуры, связанная с народной традицией, в ней есть гармония и очарование (*густота и стройность*, по выражению одного из персонажей), творческое начало. „Новая” речь – бессмысленная, непонятная, однообразная, лишенная личностного начала и культурной основы» (Шумарина 2008: 213–214). Повсюду воцарилась революционная фразеология, что осознается героями романа. Ю. Живаго видит в советской печати однообразные лозунги, повторяющиеся заголовки, которые не несут никакой новизны. Первоначальное восхищение языком революции и самой революцией уступило место горькому прозрению. Публикации газет и распоряжения власти доктор

оценивает как «бред на несуществующие темы». Живую мысль вытеснил «дух трескучей фразы»: «теперь надо петь с общего голоса и жить чужими, всем навязанными представлениями. Стало расти владычество фразы». „Фраза" проникла и в частную жизнь, повлияла на домашние разговоры. Осуществляется подавление личного мнения официальной идеологией.

Административно-бюрократический облик языка советской эпохи отражен в различных текстах М. Зощенко. Можно сослаться на его пьесу *Парусиновый портфель*. Директор Баркасов подводит итоги полугодовой деятельности предприятия:

> В январе текущего тысяча девятьсот тридцать шестого года мы уже имели сто два процента плана. Год назад мы были бы довольны достигнутым. Но теперь внешняя обстановка такова, что мы не можем почить на лаврах. И поэтому шаг за шагом движемся вперед... В феврале мы имели сто четыре процента плана, в марте – сто шесть и, наконец, в апреле – сто десять. Эти показатели дают нам великую надежду на дальнейший успех.

Речь продолжил его заместитель Тятин:

> Товарищи! Я взял, понимаете ли, слово для того, чтобы подвести итоги нашей полугодовой работе... Товарищи! Что мы видим в данном отрезке времени? В данном отрезке времени мы, так сказать, наглядно или, проще сказать, воочию видим достаточно, в сущности, яркие показатели. Показатели, которые с полной очевидностью сигнализируют нам, иными словами, дают нам знать, поясняют нам – каковы сами по себе эти показатели как таковые. И как таковые они сами по себе указывают нам, каковы результаты нашей полугодовой работы. И мы, учитывая данные показатели... .

В эти пояснения вмешался с неким раздражением директор Баркасов:

> Иван Силыч, да говори ты нормальным человеческим языком!

И очередные высказывания:

> Тятин: А я как же говорю? Баркасов: А ты какую-то потустороннюю речь загибаешь. Говори проще, без ораторского нажима. Тятин (*расстроившись*): Нет, Алексей Гаврилыч, без ораторского нажима у меня не выйдет. Ведь если говорить проще, так и говорить, понимаешь, не о чем. Сто десять процентов плана. Что же я могу добавить к этой цифре, которая и без этого поясняет картину? (Зощенко 1983: 2, 321–322).

Выступление Тятина, в отличие от Баркасова, не содержит никакой новой информации а повторы, вместо связности текста, полностью размывают его содержание. В примере продемонстрировано пустое фразерство, являющееся одним из типичных элементов советского новояза.

Карикатурный, гротескный образ публичных выступлений партийных деятелей той поры представлен в зощенковском рассказе *Светлый гений*, где товарищ Фиолетов выступает с речью в защиту женщин:

> – Гражданки! Вы которые эти белые рабыни плиты и тому подобное. И которые деспот муж элемент несознательно относится. И кухня которая эта и тому подобное. Шитье одним словом. Довольно этих про этих цепей. Полное раскрепощение, к свету нога об руку и техникой.

В дальнейшем рассказчик поясняет:

> восторженные гражданки […] наперерыв жали ему руки, восхищаясь симпатичной его речью. Какая-то немолодая гражданка […] робко сказала: – Вы этот, как его, светлый гений человечества в окне женщины (Зощенко 1986: 1, 267).

Речь Фиолетова бессодержательна и лишенная элементарной логики, однако его слушатели относятся к ней с полным одобрением, что также проливает своеобразный свет на пропагандистское манипулирование людьми.

Языковая картина революционной и советской России представлена также в сочинениях М. Булгакова, Е. Замятина и других художников слова.

2. Русская парадигматическая система в интерпретации лозаннской группы

В западной науке вопросу парадигм культуры в России XX столетия значительное место отводится в трудах представителей лозаннской группы во главе с Л. Геллером, который в контексте сказанного разработал общие модели трех уровней соцреализма. Данные уровни детерминируют: 1) культурное (художественное) поле; 2) эстетика; 3) поэтика, т.е. формальные структуры произведений.

Дело в том, что в общую парадигматическую систему XX века вписывается соцреализм как мощное и ведущее художественное течение в литературе и искусстве, определяемое также художественным методом. В его системе партия осуществляла всеобщий контроль и цензуру. В поисках художественной преемственности и культурных связей Геллер подчеркивает, что «соцреализм рожден модернизмом, но модернистская парадигма настолько в нем преображается (искажается?), что мы можем с полным правом считать его качественно новым культурным феноменом» (Heller 1993: 154–155). Исследователь проанализировал также триаду канонических понятий соцреализма: идейность, партийность и народность, считая, что доктрина соцреализма формировалась в споре о нормах и категориях (см. об этом: Heller 1994)[1].

Послереволюционный период ознаменовал себя непосредственным воздействием партийных организаций и идеологических инстанций во все сферы общественной жизни. Это было «стремление тоталитарной системы

---

[1] Проблемы соцреализма рассматриваются более подробно в главе II.

взять под учет и контроль все проявления культурной жизни» (Heller 1993: 141). Определились основные черты данной эпохи, для которой характерны: переустройство мира, т.е. рождение нового строя и вместе с ним «нового человека»; ожидание скорого конца капиталистического строя. Характерна также установка на то положение, что действительность можно понять, только овладев марксистско-ленинским учением. Все оценивается в перспективе классовой истории человечества и классовой борьбы. Советская культура приобретает в данный период массовый характер. Считается, что искусство соцреализма призвано от имени партии говорить с широчайшими массами. В лингвистике воцарилась на долгие годы утопическая идея всемирного языка и всемирного общения.

3. Перестройка и парадигма глобализации в России

Перестройка обозначает начало новой эпохи в истории России. Происходит ломка идеологического единства. Осуществляются демократические процессы и это сказывается в появлении свободного дискурса. Отменяется режим цензуры. Свободный русский дискурс характеризуется снятием прежних запретов.

С перестройкой связана парадигма глобализации в российском социокультурном пространстве. В ее пределах определились две тенденции. Первая из них основывается на универсальных, единых и общечеловеческих ценностях, вторая опирается на сохранение и развитие своей этнокультурной самобытности, т.е. национального, языкового и культурного разнообразия в условиях полиэтнических, поликультурных и поликонфессиональных сообществ. На эти и другие факты обращают внимание в своей статье Г. Макарова и Л. Гареева (2002).

В связи со сказанным небезынтересны также следующие наблюдения исследователей: «Под влиянием ряда политических, социально-экономических факторов, а также роста национального самосознания […] народов, понимания ими значимости своей национальной культуры, произошло смещение акцентов в национально-культурной политике республик Российской Федерации, установилось новое соотношение ролей центра и регионов в решении культурно-языковых вопросов. Получив относительную (политическую и экономическую) самостоятельность, власти регионов сосредоточили внимание прежде всего на развитии национальных языков и культур» (Макарова, Гареева 2002: 250). Свои положения они доказывают на примере развития культур народов, проживающих в Татарстане.

4. О новых лингвистических парадигмах

Границы лингвистики в последние десятилетия XX века заметно раздвинулись. Данная отрасль науки погружается в смежные области знаний. Вполне справедлива с этой точки зрения следующая констатация А. Кама-

ловой: «Компетенция лингвиста начинает распространяться на все то, что имеет отношение к существованию и функционированию языка. Современные исследователи нашли применение своим силам в разнообразных направлениях лингвистики, как традиционных – описательная лингвистика, ареальная лингвистика, типологическая лингвистика, сопоставительная лингвистика, так и новых, получивших активное развитие в последней четверти XX века, – психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, лингвофольклористика. Это объясняет существование в современном научном пространстве многих лингвистик» (Камалова 2009: 20).

В науке последних десятилетий сильно заявляют о себе новые течения, именуемые постмодернизмом или постструктурализмом. Определились при этом основные методологические подходы: антропоцентрический, когнитивно-семиологический и когнитивно-синергетический. О новых лингвистических парадигмах имеются разыскания Н.Ф. Алефиренко, Камаловой, Н.Л. Мышкиной и других исследователей.

Камалова, ссылаясь на И.Б. Шатуновского (Шатуновский 1996: 21), справедливо подчеркивает, что «Антропоцентрическая научная парадигма объединила исследователей различных областей знаний и направила их усилия на один объект – на человека, его системы. Проблемы отражения мира в языке являются поэтому не только лингвистическими, но и философскими, гносеологическими проблемами, связанными с соотношением субъективного и объективного в наших знаниях и представлениях о мире» (Камалова 2009: 19).

Как убедительно доказывает Алефиренко, языковая деятельность человека «развертывается не только и не столько в объективной действительности, сколько в мире созданных им языковых образов и символических форм, объективно присущих любой лингвокультуре» (Алефиренко 2009: 9). В другом месте исследователь подчеркивает: «С второй половины прошлого века в мировой лингвистике наметился кризис классической семиотики и логической семантики. Все это вызвало смену научно-исследовательских парадигм в направлении от структуралистского к постмодернистскому стилю лингвистического мышления. Одним из его наиболее сложных направлений является формирование в лингвистике когнитивно-синергетической методологии, обогащающей нашу науку не только новыми гуманитарными категориями (среди них: полифония и интертекстуальность – принципы организации текста), но и категориями других наук, такими как диссипативность, антисциентизм, прагматика и др.» (там же: 12). И дальше поясняет: «Методология когнитивно-синергетического подхода по своему содержанию близка к основным идеям лингвистического постмодернизма и постструктурализма, отрицающих линейное мышление, существование единственной истины о системе языка и механизмах его обновления» (там же: 13).

Камалова полагает, что «научный статус синергетики начинает осознаваться междисциплинарной областью знаний», поясняя: «синергетика значима своими высшими задачами: познать закономерности развития человека, его культуры, общества, полагаясь на законы Природы и Космоса; на этом пути нет преград перед иными, не научными знаниями; здесь должны сойтись философии Запада и Востока, их интерпретация мира и человека. Привлекательность синергетики видится также в том, что она позволяет следовать предмету описания, непредвзято избирая методы и частные методики. В современном научном знании человек, его культура предстают как совокупность огромного множества фактов, зачастую противоречащих друг другу; синергетический принцип способствует представлению человека и его мира как целостного» (Камалова 2009: 21). Исследователь отмечает также: «Синергетика рассматривает язык как биосоциальную самоорганизующуюся динамическую систему. При этом большое значение приобретает диахронический подход изучения языковых единиц» (там же: 22).

По мнению Камаловой, «будущее синергетики видится в качестве ведущей научной парадигмы XXI века» (там же). Лингвистику XXI века ознаменовала также парадигма, определяемая коммуникативизмом (см.: Awdiejew, Habrajska 2004). Таким образом, наметились в новейшем столетии различные парадигматические модели.

5. Этапы развития русского языка в XX веке

Основные процессы в развитии языка прошлого столетия были теснейшим образом связаны с общественно-политическими и культурными преобразованиями этого периода. «Каждый новый этап в развитии общественной жизни – писал С.И. Ожегов – накладывал свой отпечаток на словарный состав языка. С каждым новым этапом развития появлялись новые слова и выражения. Изменялись значения. Выпадали из словарного состава устаревающие слова. Следовательно, на каждом новом этапе развития общественной жизни происходили изменения в соотношении лексических элементов. Порождались новые черты лексической системы» (Ожегов 1974: 168).

В истории языка прошлого столетия четко обозначились следующие основные периоды: I) дореволюционный период (до 1917 г.), II) советский период (гг. 1917–1991) и III) постсоветский период (с 1991 г.).

Самый объемный из них по времени – это советский период. Хронологически в его рамках выделяются: революционный и постреволюционный периоды (гг. 1917–1941), военный и послевоенный периоды (с 1941 г. по 1953 г.), период оттепели (гг. 1953–1964), период застоя (с 1964 г. по 1985 г.) и период перестройки (с 1985 г. по 1991 г.).

Октябрьская революция обозначает ломку всего старого. Она обусловила коренные преобразования всех сторон жизни, которые, в свою очередь,

определили те значительные изменения, которые произошли в русском языке, прежде всего – в сфере лексики.

«Революция – писал А.М. Селищев – вызвала сильнейшее движение в русской общественной жизни, в различных слоях населения России. В эти годы в силу разнообразных общественных условий происходит весьма энергичная языковая деятельность: выразить свое отношение к происходящим событиям, поделиться с близкими лицами своими переживаниями, обсудить те или иные вопросы, подействовать на чувство и волю отдельных лиц и целых групп – все это вызвало усиленную речевую деятельность в среде населения, охваченного революционным движением» (Селищев 1928: 88).

Основной задачей, которую поставила перед собой новая власть коммунистов, стало изменение образа мышления человека, его иерархии ценностей, менталитета. Как утверждает польский философ А. Валицки, суть тоталитаризма выражается не столько в том, чтобы силой подчинить массы государству, а в том, чтобы они добровольно ему служили, не допуская возможности полемизировать с установленными законами и правилами (Walicki 1993: 344–363). Не случайно большевики после прихода к власти, ввели радикальные общественные реформы, которые дали им большую общественную поддержку. Опирая свою власть на самых бедных слоях общества, они стремились уничтожить дореволюционную интеллигенцию, дворянство, понимая, что легче всего подчинить себе необразованного и неимущего человека. Ломка старого мира отразилась в русском языке, который радикально преобразился. Он отражал во все большей степени перемены, которые совершались в умах его носителей.

6. Идеологизация языка. Языковая мода

В послереволюционной России произошли существенные общественно-политические изменения, которые отразились в русском языке. Во всех сферах жизни стала доминировать идеология. Она распространилась также на все уровни языка и сказалась непосредственно на речевой деятельности его носителей. В условиях идеологического государства высказывания стали превращаться в политический акт. В языке активизировались различные идеологизмы. Приведем некоторые примеры из области топонимии городов от первого наименования, через идеологическое название и до постсоветского переосмысления: Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград, Санкт-Петербург; Юрьевка, Алчевское, Ворошиловск, Коммунарск, Алчевск (город Луганской области на Украине) и т.д.

Идеологизация лексического состава языка нашла отражение в толковых и энциклопедических словарях. Есть и другие проявления идеологизации языка, напр.: особый набор военизированных метафор (*идеологический фронт*); манипуляция местоименными словами: *все*, *всегда*, *везде*, *каждый* (все советские люди, весь советский народ, каждый советский человек).

В результате манипуляции именами собственными возникают совершенно неожиданные соотнесения понятий в партийных лозунгах. Примером может послужить, сочиненный М. Горьким, популярный в сталинский период истории России лозунг: *Сталин – это Ленин сегодня!* Своеобразной иллюстрацией является также фраза из поэмы *Владимир Ильич Ленин* В. Маяковского, ставшая лозунгом: *Говорим Ленин – подразумеваем Партия, говорим Партия – подразумеваем Ленин*.

Происходящие изменения в языке обусловлены историческими факторами. Определяющими были события и последствия Октября 1917 года. Годы 1922–1991 – это время существования СССР. В данный период был создан особый официальный язык, получивший различные названия: *дубовый язык*, *деревянный язык*[2], *язык искусственный*, *язык ненастоящий*, *официальный язык*, *официальный язык эпохи тоталитаризма*, *язык эпохи тоталитаризма*, *тоталитарный язык*, *квазиязык*, *новоречь*, *новояз*, *советский новоязык*, *советский язык*, *язык Совдепии*, *партийный язык*, *общесоюзное косноязычие*. Однако новояз в советском обществе не вытеснил обыденный язык, а существовал параллельно с ним. Официальные идеологические тексты сосуществуют с обыденными. Как реакция на советский язык появился также антитоталитарный язык[3]. Важную роль в дискредитации официальной политической речи играл и жаргон.

На сложившуюся ситуацию в языке в различные периоды XX века откликнулись не только языковеды, но и писатели, критики и общественные деятели. Среди ценителей русского языка были мастера слова. За его народный облик ратовал и А. Солженицын. Писатель, огорченный небрежностью словоупотребления, обеднением речи, беспрепятственным вхождением заимствований и необоснованным вытеснением полнокровных русских слов, составил даже *Русский словарь языкового расширения* (Солженицын 1990). Писатель одобряет названия ряда технических устройств и новшеств типа *компьютер*, *лазер*, *ксерокс*, однако он против таких слов, как *уик-энд*,

---

[2] Характеристика *деревянного языка* представлена в отмеченной уже нами книге Ф. Том (Thom 1990). См. также: A. Drawicz, *Język zwycięzców. O sowieckiej nowomowie*, [в:] *Spór o Rosję*, Warszawa 1992, с. 113–128; S. Bal, *Poetycka dywersja w nowomowie*, „Brulion" (Kraków) 1987, nr 2–3, с. 115–132; M. Głowiński, *Marcowe gadanie. Komentarze do słów 1966–1971*, Warszawa 1991.

[3] Данный вопрос исследовала, в частности, И. Коженевска-Берчиньска, которая в своей статье пишет о политической диглоссии в тоталитарном обществе и двух разновидностях – эзоповской и самиздатовской – антитоталитарного языка. Ученая проводит социолингвистические разыскания в области антитоталитарного языка на материале манифеста-эссе Солженицына *Как нам обустроить Россию*, который в 1990 году почти одновременно был напечатан в зарубежной и советской прессе. В статье содержится обширный список определений, которые характеризуют, во-первых, систему-аппарат, во-вторых, отвечают на вопрос: что с нами произошло и, в-третьих, отвечают на вопрос: что делать? как обустроить Россию? (Коженевска-Берчиньска 1992).

брифинг, *истеблишмент*, *имидж* и т.п. (там же с. 3). Составляя свой словарь, Солженицын воспользовался сокровищницей словарного фонда В. Даля и лексикой русских писателей XIX–XX вв. от Пушкина до Замятина, Шукшина и Распутина.

Исследователи по различным периодам используют понятие *вкуса*. Его можно соотнести с понятием *моды*. В.Г. Костомаров одну из своих монографий озаглавил *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа* (Москва 1994).

О художественном вкусе имеются высказывания критика и литературоведа П.В. Палиевского. Одно из своих выступлений на конференции Международной Ассоциации литературных критиков в Москве 1973 года он посвятил идее литературного вкуса во времена перемен и научно-технической революции. Палиевский ссылается на вышедший к этому времени Словарь-справочник *Новые слова и значения*, в котором помещено 3500 нововведений, отобранных авторским коллективом по материалам печати 60-х годов прошлого века. Небезынтересны его рассуждения по поводу этих слов: «Большинство их представляет как бы цепи раздробленных комбинаторных частиц. *Эти слова – членистоногие, они образуются из количественных добавлений и мозаичных сочетаний, а не из жизни корня*, его обновления, как когда-то. Вот они: „агрохимлаборатория”, „автоцементовоз”, „агрегатироваться”, „аденовирусы”, „биогеоценология”, „биосинтетический”, „газофракционирующий”, „недиссертабельно”, „помреж”, „завгар” (т.е. заведующий гаражом, пример – строка из А. Вознесенского) и т.п. Очевидно, что они распространяются не только у нас, но в разной степени повсюду, это международное явление. Если сказать терминологически, то *это язык, в котором убита внутренняя форма слова* [выделение курсивом здесь и выше, наше – Я.В.]. Но ведь в этой внутренней форме живет художественный образ, его способность извлекать скрытую истину, особенность и природа искусства. Без нее все обращается в материал для сочетаний, набор, готовый подчиниться любой схеме. Внутреннее сопротивление, память, лицо – все исчезает, и остаются варианты комбинаций, интерес к которым заменяет мысль» (Палиевский 1974: 218–219).

XX век, как в зеркальном отображении, представлен рядом парадигм. Минувшее столетие открыла парадигма гуманности и разума, но в связи с революционными событиями 1917 года ее место заняла парадигма нигилизма и дисгармонии, заполнившая культурное пространство России на долгие годы, вплоть до перестройки. Происходящие общественно-политические процессы того времени не могли не отразиться на состоянии языка и речевой деятельности. В прежнюю языковую гармонию стали вторгаться разрушительные процессы. Вписывается в эту парадигму языковая картина революционной и советской России с ее тоталитарной системой. В язык обильно вводились идеологизмы и повсюду воцарилась революционная

фразеология. Художественные рамки определила эстетика соцреализма с ее лозунгом массовой культуры. Это время рождения коммунистического строя и вместе с ним «нового человека»[4] с его полным подчинением политике и идеологии большевиков.

Вместе с перестройкой произошла ломка прежних идеологических установок. На смену пришла парадигма глобализации. В российском социокультурном пространстве начали осуществляться демократические процессы, в которых общечеловеческие ценности переплетаются с этнокультурной самобытностью и разнообразием.

В лингвистике нашли применение как традиционные, так и междисциплинарные исследования, которые определили свои научные парадигмы: антропоцентрическую и когнитивно-семиологическую.

---

[4] О концепции „нового человека" и ее реализации в русской литературе см., напр.: Stepnowska (2001).

II. Общественно-политический фон и языковая ситуация Агитация и пропаганда

1. Россия после революции

В октябре 1917 года обострилось социально-экономическое положение в Российской империи. Вся промышленность, финансовый сектор, транспортная система и сельское хозяйство были разрушены. Рост цен на продовольствие сопровождался понижением заработной платы во всех отраслях промышленности и бюджетных сферах, отсутствовал план по выводу страны из затяжного кризиса буржуазным Временным правительством – все это обостряло политическую ситуацию между «верхами и низами». В результате революции 24–25 октября 1917 года было свергнуто Временное правительство, а к власти пришел Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Октябрьская революция была организованной акцией вооруженных отрядов солдат, рабочих и матросов под руководством Российской социал-демократической партии большевиков. Имеется обширная научная литература, в которой отражены различные вопросы, касающиеся общественно-политической ситуации в России данного периода[1].

Революция 1917 г. усилила многие противоречия, которые были обусловлены первой мировой войной, усугубляя разруху и бедность. Социальные контрасты становились более заметными, чему в 20-е годы способствовали экономический кризис и голод. С введением новой экономической политики[2],

---

1 См., напр.: История... 1953; Безансон 1984; Синявский 1989; Бердяев 1990; Некрич 1995; Липатов 1997; Вайскопф 2000; Пайпс 2002; Соколов 2004; Симмонс 2008; Lukacs 1988; Miedwiediew 1990; Mikeln 1990; Smaga 1992; Smoleń 1994; Montefiore 2004; Baker, Glasser 2005; Bruneteau 2005; Pipes 2005.

2 Решение о переходе к новой экономической политике было принято на X съезде партии в 1921 году. Важнейшей задачей нэпа было привлечение народных масс к управлению государством. Нэп заменил политику «военного коммунизма», введенного во время Гражданской войны. «Новая экономическая политика имела целью восстановление народного хозяйства и последующий переход к социализму. Главное содержание НЭП – замена продразвёрстки продналогом в деревне (при продразвёрстке изымали до 70% зерна, при продналоге – около

вопреки официальным намерениям власти, внутренняя ситуация в России значительно ухудшилась. В период нэпа все коренным образом изменилось. М. Слонимский таким образом описывает этот период: «Зло ходило по улицам, хамило, врывалось в дома и в души» (Слонимский 1981: 116). Трудные условия жизни способствовали развитию безнравственных поведений. В языке увеличилось количество вульгарной лексики и инвективных обращений.

В послереволюционный период «пышным цветом» расцвело мещанство как образ жизни и мышления граждан нового государства. «Разбогатевшие нэпманы – частные торговцы, лавочники и ремесленники, не озабоченные романтическим революционным духом всеобщего счастья или конъюнктурными соображениями об удачном служении новой власти, оказались в этот период на первых ролях. Новых богачей мало интересовало классическое искусство – для его понимания у них не хватало образования. Они устанавливали свою моду. Главным развлечением стали кабаре и рестораны»[3], где пелись часто пошлые песенки и ставились смешные фельетоны и скетчи. Они приобретали часто огромную популярность. Примером такого рода творчества стали песни: «Бублики», «Лимончики», «Мурка», «Фонарики», «Крутится-вертится шар голубой». Автором текстов «Бубличков» и «Лимончиков» был опальный поэт Я. Ядов.

Мещанство как социальное явление характеризовалось низким моральным качеством людей. Мещанству были присущи: ограниченность жизненных идеалов эгоистическими, мелкими, собственническими интересами; индивидуализм и стяжательство; безыдейность, аполитичность и приспособленчество в политическом отношении; узкий мировоззренческий кругозор; вульгарность и пошлость во вкусах. С. Антонов пишет о «вирусе мещанства» того периода (Антонов 1984: 210).

После революции российское население оказались в совершенно новых условиях. Многие не привыкли к тому, чтобы принимать решения, действовать. С. Антонов следующим образом описывает мещанина того времени: «Злобствующий обыватель, согнанный с насиженной лежанки, думать не умел, трудиться не желал, в коммунизм не верил. Главной его задачей было – маскироваться и ждать [...] Пройдохи разного калибра рядились в рабочие блузы, толкали революционные речи, старались войти в доверие к новой власти» (там же). Тот же мещанин старался любой ценой приспособиться к окружающей действительности. Данная тенденция нашла свое отображение не только в изменении внешнего вида, способа поведения, но также в речи людей того времени.

30%), использование рынка и различных форм собственности, привлечение иностранного капитала в форме концессий, проведение денежной реформы (1922–1924), в результате которой рубль стал конвертируемой валютой» (см.: *Новая экономическая политика*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Новая_экономическая_политика).

[3] Там же.

В период нэпа люди стали разговаривать на совсем другом языке, охватывающем все более широкие круги. Его отличия от нормативной речи отображены прежде всего в области лексики. Следует притом учитывать тот факт, что изменения в словарном составе вызывали ряд преобразований в сочетаемости слов, что в свою очередь, вызвало очередные изменения в области синтаксиса и других уровней языка.

Измененная действительность вызвала у писателей потребность использования новых форм выражения. Многие из них старались в своих произведениях отобразить языковые явления этой послереволюционной действительности, зафиксировать различные изменения в области языка. Среди них был Зощенко, который в свое время писал: «Старой России нет... Передо мной – новый мир, новые люди, новая речь» (цит. по: Ершов 1973: 6).

Речь стала вычурной. Люди стали говорить *зеленый массив* вместо *лес*, *головной убор* вместо *шапка* (вспоминает К. Чуковский). Наблюдается стремление к усложнению языка. Язык постоянно пополнялся за счет слов иностранного происхождения. Проблема заключалась не только в их слишком частом употреблении, но также в их неуместном применении. На самом деле, за таким языком скрывается трагедия людей того времени, стремящихся любой ценой показать себя образованными, красноречивыми, хотя это были чаще всего неграмотные люди. Они не замечают того, что их усилия вызывают неожиданный другой эффект.

Так, к примеру, зощенковские персонажи включают в свою речь слова из лозунгов и плакатов. Поэтому их речь насыщена политической лексикой. Такая лексика в определенных контекстах звучит смешно, напр.: «Разные произошли общественные столовые и вообще раскрепощение домашних хозяек» (*Материнство и младенчество*, Зощенко 1986: 1, 433); «А курей пущай кушает международная буржуазия» (*Медик*, Зощенко 1986: 1, 222). Его герои постоянно употребляют в своей речи политическую терминологию, модные имена, что вызвано их сильным желанием «идти в ногу с прогрессом». Они любят хвастаться умением высказываться на любые темы. Иногда теряется тема разговора и трудно понять, о чем они толкуют.

Ярым противником мещанства и его менталитета стали писатели разных политических ориентаций. В. Маяковский считал мещанство пережитком старого мира и угрозой для нового политического порядка в России. Данная тема наиболее полно представлена в пьесе *Клоп*, где главный герой – Иван Присыпкин, бывший рабочий и бывший партиец, желая улучшить свое материальное положение, женится на Эльзевире Давидовне Ренесанс – парикмахерской дочери, маникюрше и кассирше. Присыпкин меняет свое имя и свою фамилию на Пьер Скрипкин. Метаморфоз Присыпкина проявляется в очень забавной попытке изменить свою речь на более подходящую к его будущей семье. Скрипкин постоянно смешивает понятия и выражения старого мира с новой политической лексикой, что говорит о полной

безграмотности и ординарности героя. Например, он покупает не только перед свадьбой бюстгальтер, принимая его за чепчик для возможной будущей двойни, но и игрушку «танцующие люди из балетных студий», говоря Олегу Баяну (бывшему Бочкину), который обещал ему за пятнадцать рублей и бутылку водки организовать свадьбу, следующее: «Мои будущие потомственные дети должны воспитываться в изящном духе» (Маяковский 1973: 3, 465). Изъятое большевиками из активного словарного запаса словосочетание «потомственные дворяне» (дворяне, получившие свое звание по наследству), Скрипкин заменяет словосочетанием «потомственные дети», не понимая значения слова *потомственный*, т.е. передающийся по наследству. Комичным представляется факт, что официально Присыпкин против мещанства. Он говорит Баяну: «Товарищ, Баян, я против этого мещанского быту – канареек и прочего... Я человек с крупными запросами... Я – зеркальным шкафом интересуюсь...» (Маяковский 1973: 3, 466). В этой сцене выявляется отсутствие знания героем значения слова *мещанство*, поверхностность его политических взглядов, мелочность души, ведь как раз зеркальный шкаф – это типичная мебель в мещанском доме, причем герой собирается приобрести его на деньги родителей невесты. С одной стороны, Присыпкин на каждом шагу подчеркивает свою принадлежность к классу победителей. Обращаясь к Баяну, он требует, «чтобы была красная свадьба и никаких богов!» (там же: 467). Матери Эльзевиры он не разрешает обращаться к себе словом *товарищ*, говоря: «Не называйте меня товарищем, гражданка, вы еще с пролетариатом не породнились» (там же: 465). С другой стороны, Присыпкин, хитро используя современные образцы демагогических доказательств, всячески оправдывает свое желание сыто пожить за счет других. Например, товарищам в общежитии он заявляет: «За что я боролся? Я за хорошую жизнь боролся. Вон она у меня под руками: и жена, и дом, и хорошее обхождение. Я свой долг, на случай надобности, всегда исполнить сумею. Кто воевал, имеет право у тихой речки отдохнуть. Во! Может, я весь свой класс своим благоустройством возвышаю. Во!» (там же: 473).

Обличение мещанства стало одной из более важных тем творчества Маяковского, о чем свидетельствуют также поэма *Облако в штанах*, стихотворения *Бюрократиада*, *О дряни*, *Прозаседавшиеся* и многие другие произведения поэта.

Рассматриваемый период был исключительно трудным в жизни России. Революция породила приход авторитарной власти. Это было время репрессий, когда одно неосторожно сказанное слово, искаженное упоминание имени или невольно возникающие каламбуры из-за неточного цитирования могли обозначать арест и тюрьму, а то и можно было лишиться жизни.

Не случайно многие русские художники слова этого периода не могли даже рассчитывать на публикацию текстов, в которых осуждались пороки нового общества, в том числе мещанство. Например, роман *Мастер*

и Маргарита М. Булгакова вышел только 26 лет после смерти писателя (1966). Тема мещанства особенно остро звучит в «московских» главах произведения. Кроме Мастера и Маргариты, большинство героев, которые сталкиваются с Воландом и его свитой, в той или иной степени являются носителями мещанской морали. Свидетельствует об этом наглядно сцена в Варьете (глава *Черная магия и ее разоблачение*), когда публика жадно стремится словить как можно больше червонцев, падающих с потолка, а женщины, которым Фагот предложил поменять старые вещи на новую одежду прямо из Парижа, в магазине на сцене, узнав, что до закрытия лавки остается минута, «наскоро, без всякой примерки, хватали туфли. Одна, как буря, ворвалась за занавеску, сбросила там свой костюм и овладела первым, что подвернулось, – шелковым, в громадных букетах, халатом и, кроме того, успела подцепить два футляра духов» (Булгаков 2007: 7, 156).

Булгаков с большим чувством юмора вскрывает мнимость нравственного перерождения человека после революции 1917 года. Жадность, беспощадное стремление к наживе любой ценой, безнравственность, т.е. типичные мещанские черты, характеризуют «новых русских» послереволюционного периода. Спектакль Воланда заканчивается сценой разоблачения не фокусов, как требовал один из зрителей – Аркадий Аполлонович, а его самого. Публика с удивлением узнает, что этот на вид солидный и честный семьянин ведет двойную жизнь, имеет любовницу – артистку, которой предложил по блату роль Луизы.

В *Мастере и Маргарите* безнравственными оказываются не только представители простого народа, но и интеллектуальная элита Москвы – поэты, писатели, члены Массолита (глава *Было дело в Грибоедове*). Они заняты погоней за деньгами, дачами, что становится темой их постоянных разговоров во время встреч в доме литераторов, подобно как и меню, находящегося там ресторана (самого лучшего в столице). Большинство героев романа Булгакова изо всех сил стремится угодить новым властелинам России, всячески демонстративно оказывая поддержку коммунистической партии и ее руководству, ибо от этого зависит их безопасность и материальное благополучие.

Подчинение человека и его языка политике в это время приобретало формы, граничащие с идеологическим фанатизмом, что имело весьма чреватые последствия. Средствами художественного творчества это представлено, например, в произведении В.Ф. Тендриакова *Параня*[4].

---

[4] На его основе была снята венгерским режиссером П. Бацсо (P. Bacso) сатирическая кинокартина «Невеста Сталина», где основным персонажем является умственно отсталая девушка из украинской деревни, втянутая в круговорот событий 30-х годов, в результате которых не только она сама становится жертвой происходящего, но и косвенно вызывает репрессии многих совершенно неповинных людей, указывая на них и называя одним магическим в то время словом *шпион*.

Эпизод такого рода описан в романе А. Рыбакова *Дети Арбата*, герои которого, играя с цитатой-лозунгом «Кадры решают все. Сталин», изменяют его формулу: «Кадры. Решает все Сталин».

Революционный и послереволюционный периоды были ознаменованы тысячами невинных жертв. Имеется множество свидетельств на данную тему, и существует богатая документальная литература, которая посвящается, в частности, сильно развитой в то время системе лагерей для политических заключенных. Одной из таких точек был город Красновишерск в северо-восточной части Пермского края России. С 1926 г. там находилось 4-е отделение Соловецкого лагеря особого назначения, а с 1929 г. – самостоятельное управление Вишерских лагерей. У въезда в город установлен щит с надписью: «Здесь с 1928 по 1934 гг. находился концлагерь «Вишералаг». Узниками этого лагеря были тысячи невинно осужденных жертв сталинских репрессий, среди них был и русский писатель В. Шаламов, автор *Колымских рассказов*.

2. Аксиологическая система в советскую эпоху

Каждый исторический период имеет свои доминантные точки отнесения, систему ценностей или определенные универсалии. В литературе предмета они именуются по-разному: константы, постоянные величины, идеологемы. В послереволюционный период эта система ценностей опиралась в значительной мере на семантическое противопоставление *свое*, *наше – чужое*. Все сводилось к оппозиции *мы – они*, *здесь – там (за границей)*. В такой оценочности доминировал естественно классовый подход. Поэтому все, что было связано с буржуазным, капиталистическим обществом оценивалось как чужое и, следовательно, негативное, в то время как социалистический строй воспринимался положительно и наделялся позитивными смыслами. С положительной коннотацией были слова: *большевик*, *большевизация, большевизм*; с отрицательной коннотацией – слова типа *белогвардеец*, *буржуа*, *кулак*, *корниловщина* и т.д.

Государство ориентировало массовое сознание в заданном сверху направлении. В массовом сознании укоренялись идеологемы при помощи стереотипов. Можно сказать, что преобладало стереотипное мышление и это выражалось, в частности, в образе политического врага.

Ключевым стало определение *враг народа*. И. Коженевска-Берчиньска отмечает, что «устойчивой категория „враг народа” стала лишь в тридцатые годы, примерно во время Московских процессов. В то же время, и это совпадение, по всякой вероятности, не случайно, развивается широчайшая кампания выковывания с о в е т с к о г о ч е л о в е к а, которому было строго приказано стать новым „по форме и содержанию”» (Коженевска-Берчиньска 1993: 52). В своих трудах исследователь приводит семантическое гнездо, которое возглавляет название *враг народа*, напр.: «враг советского народа, член семьи

врага народа, член семьи изменника родины, злейший враг народа, враг социализма, враг партии, классовый враг, пособник классового врага, прихвостень классового врага, враг рабочего класса, заклятый враг рабочего класса, вражеский элемент, социально опасный элемент, вражеский подкидыш, чуждый элемент, кулацкий элемент, космополит, изменник родины, изменник социалистической родины, антипатриот, антисоветчик, наймит, оппозиционист, террорист, контрреволюционист, активный контрреволюционист, троцкист, скрытый троцкист, троцкистско-бухаринский бандит, лишенец, недорезанный, враг нации, инородец, сионист, русофоб» (Коженевска-Берчиньска 1991: 12–15; 1993: 52–55)[5]. Некоторые из указанных определений *врага народа* сопровождаются историко-социологическим комментарием.

Официальная советская пропаганда описывала и изображала врагов в самых различных метафорических образах вредителей, паразитов, насекомых и разлагательных процессов, т.е. гниения и плесени (ср. некоторые определения: *загнивающая буржуазия*, *загнивающий Запад*, *загнивающий капитализм* и др.). Характерной была метафора зооморфного происхождения, проявляющаяся в образах пауков, клопов, змеев и т.п.)[6].

Д. Вайс поясняет, что «самым популярным из использовавшихся метафорически животных раннего советского зверинца был паук. Его иконографический эффект был двояким. С одной стороны, паук олицетворял кровососа, и, соответственно, классового врага. […] С другой стороны, паутина индицировала все старое, запущенное, пришедшее в упадок, что представлялось особенно привлекательным в 1920-х гг. в связи с повсеместным использованием противопоставления „старый мир” – „новый мир” (= социалистическая система)» (Вайс 2008: 18).

Отметим, что это нашло свое отражение в художественной литературе, например в рассказе Е. Замятина *Слово предоставляется товарищу Чурыгину*, где герой сравнивает помещика с пауком:

> Но как все это существует в минуту капитализма, то имеется также противный класс в трех верстах, а именно бывший паук, то есть помещик Тарантаев, который, конечно, сосал нашу кровь, а обратно из-за границы привозил себе всевозможные предметы в виде голых статуй... (Замятин 1990: 1, 498).

В свою очередь, в рассказе *Торговый день на колесах* Булгакова пауком становится владелец частной лавки на станции «Мелкие дребезги», конкуренцию которому пытается составить кооперативная лавка-вагон для железнодорожников. На ее афише написано:

---

[5] Исследователь отмечает, что образ нового врага создают некоторые сторонники гласности и перестройки, о чем свидетельствуют определения типа: «враг перестройки, противник перестройки, антиперестройщик, русофил» (Коженевска-Берчиньска 1993: 55).

[6] Образ врага в советской пропаганде представил в ряде своих работ профессор Цюрихского университета (Швейцария) Д. Вайс (D. Weiss) (см., напр.: Вайс 2008).

Железнодорожник! Зачем тебе высасываться в лавке частного паука (Булгаков 1989: 2, 402).

Собравшаяся возле магазина публика следующим образом комментирует афишу:

– Ги-ги, здорово! – восхищались транспортники. – Паук – это наш Митрофан Иванович. Станционный паук Митрофан Иванович мрачно глядел из своей лавчонки (там же).

Кроме названий с использованием зоологической метафоры, врагов и противников называли в советский период также нечистью и сорняками. Затем на смену пришла метафора грязи и мусора. Такие образы долго хранились в коллективном сознании, между тем как они зачастую касались мнимых иностранных противников и даже выдуманных внутренних врагов в рядах партии. Лексема *нечисть* употреблялась в сталинский период для обозначения множества врагов. «Советская пропаганда – подчеркивает Вайс – кишела самыми разнообразными образами врага, каких только можно было выдумать» (Вайс 2008: 21). Врагов находили внутри страны и в самых разных местах на Западе. К ним применялись различные определения: *уклонисты*, *предатели*, *кулаки*, *вредители*, *саботажники*, *шпионы*, *агенты*, *диверсанты* и др. В те времена практически каждый человек мог оказаться потенциальным *сообщником внешнего и внутреннего врага*.

Стереотипы задавались в советскую эпоху также лозунгами. На первый план выдвигаются: *Коммунистическая партия – авангард и вождь пролетариата*; *Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей*. Данная риторическая традиция не выдержала испытания временем и потерпела полное крушение.

В разработке языковых процессов важным оказывается социальный фактор, на что обращают пристальное внимание многие исследователи. «Человек, находящийся в обществе, склонен к приобретению взглядов, точек зрения и привычек тех людей, с которыми он заинтересован в общении [...] принятые нормы и условности общественной жизни самым непосредственным образом влияют на характер речевого поведения» (Недобух 1999: 75). На значение социального фактора указали также в своей книге Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров: «человек складывается всегда как член определенной общности людей, он воспринимает материальные и духовные ценности, характерные для культуры этой общности людей. Так как становление человека, если отвлечься от биологических особенностей личности, – это всегда социализация, т.е. формирование его внутреннего мира под воздействием норм и ценностей, характерных для определенного социального коллектива» (Верещагин, Костомаров 1990: 38). Таким образом, подчеркивается принципиальная значимость воздействия общественного

компонента на формирование личности, а следовательно, и на ее речевое поведение.

В постсоветскую эпоху, т.е. в период перестройки, прежняя система ценностей подверглась коренному пересмотру, чему способствовали демократические процессы и преобразования. Устоявшаяся картина меняется вследствие глобальной переоценки прошлого. В соответствии с тем, как в последние два десятилетия раскрываются различные исторические факты, заново прочитывается культурная традиция.

3. Ситуация в религиозной области

До революции 1917 года Русская Православная Церковь (РПЦ) в Российской империи имела статус государственного института и выполняла ряд связанных с ним функций. Она охранялась государственным законодательством, что обеспечивало в России систему государственной церковности. Подданные империи по закону обязаны были исповедовать религию: «Все народы в России пребывающие, славят бога всемогущего, благословляя царствование российских монархов». «Внеисповедальное состояние», напротив, законом запрещалось. Пропаганда атеистических взглядов решительно запрещалась. Критика религии и Церкви рассматривалась церковными и светскими властями как антигосударственная деятельность.

Ситуация в религиозной области резко изменилась с приходом к власти большевиков в 1917 г. Церковь была отделена от государства. В январе 1918 г. государство прекратило выдачу денежных средств на содержание церквей. Раздаются призывы бороться с религией не как с «отвлеченной идеей о боге», а как с «контрреволюционной силой». Популяризировался заодно лозунг: «Борьба с религией есть борьба за социализм». В это время усилилась антирелигиозная пропаганда. Отношение к РПЦ было крайне враждебное.

Со временем размах антирелигиозной пропаганды становился все шире. Разрушались православные храмы. В Москве в июле 1919 г. уничтожили часовню Иверской Божией Марии, а в 1930 г. – Симонов монастырь, в 1931 г. взорвали Храм Христа Спасителя. Тысячами сжигались иконы. Закрытие храмов и уничтожение святынь сопровождалось массовыми арестами священнослужителей. Главным местом заключения архиереев и священников был Соловецкий монастырь, превращенный в лагерь особого назначения.

Многие монастыри и церкви вошли в систему лагерей ГУЛАГа. Такая участь постигла в 20-е годы островок Свияжск, который расположен на месте слияния рек Свияги и Волги. После Октябрьской революции Советская власть национализировала монастырскую собственность в поселке Макарьево. Монахи были изгнаны из обители, которая была затем использована последовательно в самых различных целях (как интернат, военный госпиталь, школа).

Следующий виток антирелигиозной кампании был спровоцирован начавшейся коллективизацией. Раскулачиванию подвергаются не только зажиточные сельские жители (кулаки), но и служители культа.

Целью большевистской стратегии и антирелигиозной политики было полное уничтожение Церкви и духовенства. В России при активной поддержке властей действовала одна из самых массовых организаций Союз воинствующих безбожников (1925–1947 гг.). Активную антирелигиозную пропаганду проводила газета «Безбожник» и журнал «Безбожник у станка». Проводилась широчайшая кампания за вступление граждан в «Союз воинствующих безбожников»: с 1929 по 1932 гг. его ряды выросли с 465,5 тыс. до 8 млн. членов. «15 мая 1932 года Декретом правительства за подписью И. Сталина была объявлена «безбожная пятилетка», поставившая цель: к 1 мая 1937 «имя Бога должно быть забыто на территории страны». Должны были быть закрыты все культовые учреждения на территории страны»[7].

В годы Великой Отечественной войны[8], чтобы объединить народ для победы над фашизмом, антирелигиозная пропаганда частично прекратилась, однако уже в сентябре 1944 года вышло постановление ЦК КПСС с призывами усилить «антирелигиозную пропаганду через пропаганду научного мировоззрения». Вскоре после окончания войны оно было дополнено постановлением об усилении атеистической пропаганды в средствах массовой информации.

1947 год был отмечен усилением антирелигиозной борьбы. «Комсомольская правда» провозгласила, что членство в Комсомоле несовместимо с верой в бога. «Учительская газета» отметила, что учитель не может быть верующим человеком, а образование должно быть не «безрелигиозным», а исключительно антирелигиозным. Журнал «Большевик» провозгласил, что борьба против религии – это борьба против реакционной буржуазной идеологии. В том же году было создано общество «Знание», которое начинает вести активную антирелигиозную пропаганду. Во многих городах открываются местные «Дома научного атеизма».

В 50-е годы партийные постановления призывали Министерство образования, комсомол, профсоюзы усилить антирелигиозную пропаганду.

На борьбу за «преодоление религиозных пережитков капитализма» в сознании советских людей настаивала в 1958 г. политическая программа Н. Хрущева. Началась новая антирелигиозная кампания. Вновь осуществлялось закрытие церквей. При Хрущеве пострадали многие церкви, но особенно монастыри – их количество сократилось с 90 в 50-х гг. до 18 спустя десятилетие.

---

[7] См.: Религия... – *Религия в СССР*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Религия_в_СССР

[8] Великая Отечественная война была составной частью Второй мировой войны на территории советского государства. СССР вступил в войну с фашистской Германией и ее союзниками 22 июня 1941 г., а закончил ее летом 1945 г.

В 70-е годы продолжалась антирелигиозная пропаганда. Большинство населения России составляло поколение, воспитанное вне Церкви, так как верующие люди многие годы подвергались всяческим преследованиям со стороны властей вплоть до ареста, тюремного заключения и ссылки.

Антирелигиозная пропаганда проводилась до половины 80-х годов. Ю. Андропов в 1983 г. призывал «[...] активнее вести пропаганду научно-материалистических взглядов [...] уделять больше внимания атеистическому воспитанию [...] настойчивее внедрять советскую обрядность». Отношение к религии К. Черненко в 1984 г. было еще более жестким. Комсомолу поручалось разработать систему мер для «выработки у молодежи атеистических вкусов».

Коренные изменения в религиозной сфере, в отношении к Церкви, принесла перестройка. Понятия равно вероисповедания, и Церкви в целом, были существенно пересмотрены. В 90-е годы было признано, что обучение атеизму становится таким же частным делом граждан, как и обучение религии. Религиозные и атеистические организации были, таким образом, отделены от государства.

Церковь активизировала свою деятельность во всех сферах общественной жизни. Было открыто множество храмов и монастырей, возвращенных Церкви (как, например, упоминаемая нами ранее обитель в поселке Макарьево), духовные академии и семинарии готовят священнослужителей, открываются православные гимназии. Праздники Рождества и Пасхи стали национальными праздниками России.

4. Новая пролетарская социалистическая литература и партийный контроль

В связи с рассматриваемым в этой главе вопросом нелишне напомнить основные моменты из литературной жизни в условиях революционных преобразований. В ранние годы после революции в литературно-писательских кругах можно говорить об определенной доле свободы. «К 1922 году в Москве – подчеркивает Э. Симмонс – действовало 220 частных издателей, они опубликовали 803 печатных работы (газеты, журналы, книги), но отказ цензуры последовал только в 5,3% случаев» (Симмонс 2008: 156). В такой достаточно либеральной обстановке появились многие писательские организации и группы. «Пролеткульт», «Серапионовы братья» и «Формалисты» заявили, что пролетарской литературе не нужен государственный контроль. Партия поначалу отнеслась к такого рода заявлениям толерантно, поскольку была занята установлением и укреплением своей позиции и власти.

В последствии литературные группы размежевались, образуя два крыла – левое и правое. Представители левого крыла были за партийным контролем, правого же – за полной свободой творчества вне политики и партийного контроля. Вторым поддержку оказал даже Н.И. Бухарин. Свою поддержку

выразила также специальная комиссия Центрального Комитета. Ее выводы были отражены в либеральной и компромиссной резолюции Политбюро по вопросу литературы 1925 года.

Однако вскоре партийные круги изменили свою позицию и стали осуществлять контроль за литературой. Всесоюзная конференция 1928 г. выработала в этом отношении официальную точку зрения Центрального Комитета, которая была выражена в резолюции. В это время партия оказала свою поддержку одной, но мощной литературной организации, какой была Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП). РАПП контролировал практически всю литературную деятельность и проводил линию реалистического отображения советской жизни со всеми ее плюсами и минусами. Критические тенденции не были одобрены партийными кругами. Поскольку РАПП не оправдал доверия партии, то он был распущен в 1932 году.

В резолюции Центрального Комитета было одновременно предложено создать единый Союз Советских писателей, который и был организован в 1934 году. Учреждение единого союза только усилило партийный контроль за литературой. Ключевые посты в Союзе заняли коммунисты, которые все контролировали. Писатели вынуждены были соблюдать партийную дисциплину. Проверялась идеологическая корректность их произведений, которые должны были получить одобрение правительственного отдела цензуры (Главлит). Ведущим литературным методом был признан социалистический реализм, требующий от писателей единого мировоззрения и идеализации реальной жизни[9]. Художественными средствами данный вопрос представлен в фельетоне Зощенко *Происшествие на Олимпе*, где рассказывается о перевозе имущества на пароходе во время эвакуации. Людей и весь груз удалось спасти, однако пароход тонет. Данный сюжет лег в основу рассказа начинающего писателя. Факт потери парохода вызвал резкое сопротивление редактора, который велел переработать текст «чтобы он достиг, так сказать, своего художественного потолка» (Зощенко 1986: 2, 464). Вмешательство редактора имеет политический подтекст и ассоциируется с деятельностью цензора.

После 1932 г. считалось, что только литература, созданная с позиций марксизма-ленинизма может рассматриваться как настоящее искусство. Военные условия и потребность в патриотической военной литературе некоторым образом смягчили партийную цензуру, но не на долго, поскольку позиция партии была представлена в резолюции 1946 года. Она требовала пропагандировать антизападные настроения и прославлять коммунистическое руководство. В литературе позже появилась тема враждебного СССР образа Запада и особенно Америки. Точку зрения от имени Центрального Комитета изложил член Политбюро А. Жданов. Резолюция обозначала полное господство партии в литературе и искусстве. Партия различными

---

[9] Более подробно о сути соцреализма см.: Куренная (ред.) 1995.

способами установила абсолютный контроль за литературными произведениями. При Центральном Комитете был организован Отдел Пропаганды и Агитации, обязанностью которого было соблюдение идеологической линии в литературе и всеобщий контроль. Литература должна пропагандировать идеалы революции, она должна подчиняться официальной идеологии партии. Итак, «партийное вмешательство в литературу развивалось – как утверждает Симмонс – от осторожного отношения в период, когда партия была относительно слабой и позволяла больше свободы в литературе, до стадии абсолютного контроля…».

Проводилась политика идентификации партии с литературой. Показательны высказывания и заявления представителей литературы того времени, ср.: «И партия и художественная литература в нашей стране имеют одну цель, – заявил А. Фадеев в Париже. – Ни партия, ни правительство в Советском Союзе не вмешивается в личное творчество писателя; они никогда не диктовали и никогда не пытались диктовать темы и образы, не говоря уже о художественных формах» («Литературная газета», 2 марта, 1949 г.). Другой писатель, К. Симонов, написал в «Правде» (26 ноября, 1946 г.): «Публично, с трибуны искусства на весь мир, мы заявляем и будем продолжать заявлять, что боремся за коммунизм и считаем коммунизм единственной дорогой человечества в будущее, наши коммунистические идеалы были, есть и будут незыблемыми, и никто не изменит их» (цит. по Симмонс 2008: 161). В рядах деятелей советской литературы состояли писатели исключительно преданные партии вплоть до фанатизма, как, например, Д. Бедный, и находящиеся в большей или меньшей степени в оппозиции по отношению к ней, например Булгаков. Парадоксально, даже партийные фанатики не могли быть уверены в своем будущем. Например, «в 1938 году Демьян Бедный был исключен из партии и из Союза писателей с формулировкой „моральное разложение”. Его перестали печатать»[10]. Он оказался в 30-х годах в таком же сложном положении как и Булгаков, травлей которого Бедный с большим азартом занимался в 20-е годы. Об этом свидетельствуют дневниковые записи Булгакова с 23 декабря 1924 года (Булгаков 2002: 8, 97). Партия между тем уверяла в окончательном триумфе социалистических принципов, провозглашая лозунги о прекрасной и свободной жизни в СССР.

Представители литературных кругов призывали, чтобы писатели приняли самое деятельное участие в процессе изображения советской жизни. Критик А. Тарасенко в конце 40-х гг. («Советская литература» 1949, № 5, с. 145) заявил, что «писатель, который в изображении наследия прошлого в сознании людей, просто записывает события без вмешательства в их ход, без принятия чьей-либо стороны, такой писатель не является социалистическим реалистом, его позиция чужда реализму...» (цит. по Симмонс 2008:

---

[10] *Демьян Бедный.* Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Демьян_Бедный

163). Однако в рядах советских писателей и литературных деятелей были также авторы, взгляды которых отличались от официальных. Они находились в оппозиции и сопротивлялись коммунистической доктрине.

5. Язык, общество и время

Н.С. Валгина в своей книге отметила: «Язык и время – извечная проблема исследователей. Язык живет во времени (имеется в виду не абстрактное время, а общество определенной эпохи), но и время отражается в языке. Язык изменяется. Это эволюционное качество заложено в нем самом» (Валгина 2003: 4). В другом месте она продолжила и расширила интерпретацию данного положения: «Обслуживая общество в качестве средства общения, язык постоянно претерпевает изменения, все более и более накапливая свои ресурсы для адекватного выражения смысла происходящих в обществе перемен. Для живого языка этот процесс естественен и закономерен. Однако степень интенсивности этого процесса может быть различной. И тому есть объективная причина: само общество – носитель и творец языка – по-разному переживает разные периоды своего существования» (там же: 12).

На становление, развитие и состояние словарного фонда русского языка XX века повлияли различные экстралингвистические факторы исторического и общественно-политического характера. Содержание лексического состава русского языка определили преимущественно такие события, как мировые войны, революции и трансформационные процессы 80-х и 90-х годов, связанные с перестройкой. Следует согласиться с мнением, что «каждый период кардинальных изменений в России сопровождался специфическими явлениями в области лексики и семантики русского языка» (Lehikoinen 1990: 12). Они поддерживаются также собственно языковыми факторами.

Отметим следующие тенденции языковых изменений:

Во-первых, словарь русского языка пополнился большим количеством новой лексики, в том числе, заимствованных терминов и аббревиатур, связанных с революционными деятелями и событиями, партийными организациями и социалистическим строительством, названиями советских учреждений и т.д. Важнейшее место занимает революционная лексика. Используется шаблонная речь с различными идеологическими штампами и лозунгами.

Во-вторых, из активного употребления вышли многие наименования.

В-третьих, можно отметить склонность языка тоталитаризма к сверхмерной гиперболизации.

В-четвертых, в условиях тоталитаризма происходило смещение акцентов в семантике ряда лексем в сторону их идеологизации. Такие языковые процедуры представлены в различных трудах[11].

---

[11] См., напр.: Горбачевич 1990; Земская 1992; Дуличенко 1994; Купина 1995; Thom 1990; Głowiński 1991; Drawicz 1992.

Весьма справедливо положение Н.З. Котеловой, что «наиболее интенсивное обогащение словарного состава отмечается в эпохи больших социальных изменений» (Котелова 1978: 6). Словарный состав в такие переломные периоды претерпевает большие изменения[12]. Проявляется это таким образом, что одни слова выходят из употребления, другие попадают на периферию лексической системы, третьи – меняют свое значение, коннотативные признаки или получают новые стилистические характеристики, четвертые же – вводятся в язык в результате словообразовательных процессов или заимствований. Разумеется, дело обстоит здесь в значительной интенсивности отмеченных процессов, поскольку открытый характер лексической системы обеспечивает постоянные изменения в области словарного состава языка[13].

С. Карцевский отмечает: «Уже 1905 год оставил после себя некоторое лингвистическое наследие в виде целого ряда слов, частью новых, частью мало известных, которые в ту пору проникали во все углы России и в самые широкие слои населения. Слова эти были, главным образом, политические термины, появившиеся для обозначения новых политических явлений – партий, партийных органов и лозунгов думской деятельности... С тех пор мы пережили грандиозные события – война, революция, большевизм, гражданская война – все это неминуемо должно было оставить свои следы и на русском языке» (Карцевский 2000: 207).

Развитие науки, техники и других областей обуславливает непрерывное вхождение новой лексики, отражающей новые факты и явления. Обновление и пополнение лексического состава языка – с одной стороны, точно так же как выход из употребления различных слов – с другой стороны, носит перманентный характер.

6. Пропагандистская литература (газеты и журналы)

В революционный и постреволюционный периоды в качестве важнейших задач общественно-политического характера выдвигаются агитация и пропаганда. Осуществлению этих задач способствовали партийные и революционные газеты, журналы и другие пропагандистские издания.

---

12 Различные аспекты данной проблематики изложены в ряде специальных исследований, см., напр.: Селищев 1928; Брагина 1981; Филин 1981; Горбачевич 1990; Костомаров 1994 и др.

13 Особого внимания заслуживают с этой точки зрения периодические разработки словарных материалов под ред. Н.З. Котеловой, см. напр.: Котелова (ред.) 1980; Котелова (ред.) 1987. Особо ценными источниками новой лексики являются специальные лексикографические разработки, см.: *Словарь перестройки* под ред. В.И. Максимова (Максимов (ред.) 1992) и *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения* под ред. Г.Н. Скляревской (Скляревская (ред.) 1998). Об изменениях в лексическом составе русского языка можно также судить на основе сопоставления выпусков МАС и МАС-2 или очередных выпусков словаря С.И. Ожегова.

Идейным организатором первой общерусской марксистской газеты был В.И. Ленин. В декабре 1900 г. в Лейпциге вышел первый номер газеты «Искра». Последующие ее номера выходили в Мюнхене, затем в Лондоне и Женеве. По замыслу Ленина газета должна была помочь создать российскую социал-демократическую партию, а стихийному рабочему движению придать целенаправленность, сплотить трудящихся на принципах и идеях революционного марксизма[14]. Эпиграфом к газете послужили слова из ответа декабристов А.С. Пушкину: «Из искры возгорится пламя!».

Под руководством Ленина в Женеве издавалась в 1905 г. нелегальная большевистская еженедельная газета «Пролетарий» – она продолжала линию ленинской «Искры» и большевистской газеты «Вперед».

В 1912 г. была создана по инициативе петербургских рабочих ежедневная легальная большевистская газета «Правда». Ее первый номер вышел 5 мая в Петербурге. Газетой руководил практически Ленин, который переехал из Парижа в Краков и оттуда почти ежедневно писал для нее статьи. «Правде» предшествовала «Пролетарская правда».

Стоит отметить, что идеи ленинской «Искры» последовательно проводила грузинская газета «Брдзола» («Борьба»), которая стала выходить с 1901 г. по инициативе и под руководством И.В. Джугашвили и В.З. Кецховели. Затем идеи Ленина пропагандировала большевистская газета «Пролетариатис брдзола» («Борьба пролетариата»), издававшаяся под руководством Джугашвили в Тифлисе с апреля 1903 г. по октябрь 1905 г. Под его руководством в Тифлисе с 1903 г. по 1904 г. выходила нелегальная газета «Пролетариатис брдзолис пурцели» («Листок борьбы пролетариата»); газета выходила на грузинском, армянском и русском языках. В Петербурге он руководил большевистской газетой «Звезда». Участвовал также в подготовке материалов для ленинской газеты «Правда», а затем редактировал ее.

Революционные газеты выпускались партийными органами как областными и городскими комитетами большевиков, так и Советами народных депутатов. С 1918 по 1924 год выходила «Петроградская правда», переименованная затем на «Ленинградскую правду».

О масштабах издательской деятельности данного типа свидетельствуют, в частности, следующие названия:

«Сталинградская правда» – областная ежедневная газета бывшего Сталинградского обкома и горкома КПСС. Издавалась в Сталинграде с 1935 г.;

«Ульяновская правда» – областная ежедневная газета, которая издавалась с февраля 1943 г., была органом Ульяновского обкома и горкома КПСС;

«Комсомольская правда» – ежедневная газета, была органом ЦК ВЛКСМ, выходила с мая 1925 г.;

---

[14] За 1900–1903 гг. был издан 51 номер этой газеты. С 52 номера газета стала органом печати меньшевиков-оппортунистов, поэтому Ленин вышел из ее редакции.

«Горьковская правда» – областная газета, которая выходила под этим названием с 1951 г., она была органом Горьковского обкома и горкома КПСС.

Обращают на себя внимание также названия:

«Красный флот» – газета Военно-Морских Сил СССР, издававшаяся в 1938–1953 годы;

«Красная новь» – первый советский литературно-художественный и публицистический журнал (годы 1921–1942);

«Красная звезда» – центральная газета, которую с января 1924 г. выпускал орган Министерства обороны СССР;

«Большевик» – теоретический и политический журнал ЦК КПСС был основан в апреле 1924 г. и под таким названием выходил до ноября 1952 г., затем функционировал как «Коммунист».

Определенную роль сыграли также другие издания:

«Борьба» – ежедневная большевистская газета, выходившая с ноября по декабрь 1905 г. в Москве, была закрыта за воззвания к всеобщей стачке и вооруженному восстанию;

«Пролетариат» – первая марксистская армянская нелегальная газета ленинско-искровского направления, была основана в 1902 г. С.Г. Шаумяном, в 1903 г. объединилась с грузинской газетой «Брдзола» и выходила под названием «Борьба пролетариата» на русском, грузинском и армянском языках;

«Пролетарский голос» – нелегальная газета, была органом Петербургского комитета РСДРП (б), выходила с февраля 1915 г. по декабрь 1916 г. вместо газеты «Рабочий голос».

Массовым тиражом в рассматриваемый период стали выпускаться республиканские газеты и журналы, а в их числе:

с 1919 г. – ежедневная газета «Коммунист» на азербайджанском языке, печатный орган ЦК и Бакинского комитета компартии Азербайджана;

с 1934 г. – ежедневная газета «Коммунист» в Армении, орган ЦК и Ереванского горкома компартии Армении;

с 1940 г. – газета «Ленинское знамя», которая была органом городского комитета Компартии Карело-Финской ССР;

с 1932 г. – ежедневная газета «Коммунист Таджикистана» на русском языке, орган ЦК Сталинабадского горкома КП Таджикистана и Верховного Совета Таджикской ССР;

с 1952 г. издавался на таджикском языке в г. Сталинабаде (ныне г. Душамбе) теоретический и политический журнал ЦК компартии Таджикистана «Коммунисти Тоджикистон» («Коммунист Таджикистана»);

с 1952 г. на русском языке выходил в Алма-Ате теоретический и политический журнал ЦК компартии Казахстана «Комунист Казахстана»;

с 1952 г. издавался в Ашхабаде на туркменском языке ежемесячный политико-экономический журнал ЦК компартии Туркменистана «Туркменистан коммунисти» («Коммунист Туркменистана»).

Из приведенных материалов следует, что всеми печатными изданиями руководила партия. Партийные организации создавались массово в советский период.

7. Другие проявления коммунистической партийной пропаганды

Различные партийные органы власти проводили большую пропагандистскую работу среди рабочих, крестьян и в кругах молодежи. В поле зрения партии оказывались буквально все области общественно-политической жизни, а также культуры, художественной литературы и науки.

В 1946–1950 годы ЦК партии принял рад важнейших постановлений по вопросам литературы и искусства; под его руководством прошли научные дискуссии по философии, биологии, языкознанию и политической экономии. В июне 1950 года И.В. Сталин принял участие в дискуссии по вопросам языкознания, организованной на страницах газеты «Правда», затем опубликовал работу *Марксизм и вопросы языкознания*. Нелишне будет напомнить, что еще в декабре 1939 года Сталин был избран почетным членом Академии наук СССР.

Партии отводятся все значительные заслуги, о чем языком пропаганды в Энциклопедическом Словаре (ЭС)[15], изданном в годы 1953–1955, сказано следующее: «Под знаменем Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина Коммунистическая партия привела советский народ к всемирно-исторической победе социализма в СССР и уверенно ведет к победе коммунизма» (ЭС 1955: 3, 313).

Интенсивно развивается политическая литература пропагандистского типа, в которую активно вовлекается лексика типа: *авангард* (из фр.), *лозунг* (из нем.). В целях партийной пропаганды по всей стране устраиваются специальные агитпункты. В первые годы революции и в послереволюционные годы были популярны *агитки* (например, агитки Маяковского) – краткие произведения, агитационные пьесы, преследующие пропагандистские, агитационные цели. Слово *агитка* в ТССРЯ-ХХ (2001) получило следующее толкование: «*Разг*. В советск. время: небольшое произведение литературы или искусства, имеющее целью политическое воздействие на население. *Музыкальная а. Публиковать агитки в газете»*. Новейшее употребление слова относится к предвыборной борьбе – о листовке агитационного содержания (с. 6–7). В словаре Кузнецова (2003) данное слово сопровождается пометой *пренебр*., что указывает на его оценку (БТС: 16).

В Советской России велись не только сугубо пропагандистские компании, но также заслуживающие одобрения мощные идеолого-просветительские

---

[15] Принятые нами сокращения словарей см. в части *Условные сокращения*. Они отмечены также в *Библиографии*. Рядом с сокращением словаря указывается год его издания.

акции, например, по ликвидации неграмотности, определяемые сокращенным словом *ликбез*. Кампания ликбеза была узаконена декретом от 26 декабря 1919 года. Было подготовлено для этой задачи специальное пособие: *Ликвидаторам неграмотности. Практическое руководство*, под ред. Д. Элькиной (Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности, Москва 1921).

Поскольку после революции эпидемическая обстановка в стране была очень трудной, власть проводила, начиная с 1919 года, ряд агитационных мероприятий и приняла специальные меры по борьбе с эпидемиями, особенно сыпного тифа как в армии, так и среди гражданского населения. Часто устраивались недели чистоты, банные недели. Массовая профилактическая помощь сочеталась с санитарным просвещением, что было особенно важным в борьбе с туберкулезом, венерическими заболеваниями, оспой, тифом и другими опасными болезнями[16].

Несмотря, однако, на указанные общественно полезные мероприятия, советская агитация в большинстве случаев была подвластна политическим задачам коммунистов и стала мощным оружием порабощения человека, лишения его свободы во всех сферах жизни.

8. Лексикографический образ агитатора

Особо важную роль во всех партийных, революционных и трудовых начинаниях и действиях партия возлагала на *агитаторов*. В словарном определении начала 50-х годов XX столетия *агитатор* – это «лицо, ведущее агитац. работу среди населения и в армии. В СССР миллионы А. ведут повседневную агитац. работу, разъясняя трудящимся массам политику Коммунистической партии и Советского правительства, мобилизуя население на выполнение задач строительства коммунизма. [...]» (ЭС: 1, 24).

Словарь Ожегова (изд. 9-е 1972 года, далее сокращенно О-9) поясняет данный термин следующим образом: «Лицо, занимающееся агитацией» и приводит также женскую форму *агитаторша* с пометой разговорное (О-9: 21). Новейший выпуск словаря Ожегова и Шведовой (ОШ-4) собственно повторяет данное толкование. В Словаре под ред. Скляревской (2001 г.) отмечена дефиниция: «тот, кто на общественных началах или профессионально проводил политическую агитацию среди населения»; данное толкование сопровождается семантическим конкретизатором *в советское время* (ТССРЯ-XX: 6). Итак, агитатор занимался идеологической работой среди населения.

---

16 *Основные этапы здравоохранения в России.* Режим доступа: http://medvuz.info/ load/ozz_obshhestvennoe_zdorove_i_zdravookhranenie/osnovnye_ehtapy_razvitija_zdravookhranenija_v_rossii/36-1-0-628.

Пропагандистской деятельностью, т.е. агитацией занимались партийные работники, которые, распространяя политические идеи партии, побуждали общество к идеологической активности. Эти политические идеи распространялись в устной и/или печатной форме с целью воздействия на общественное мнение. Агитация осуществлялась путем докладов и выступлений на собраниях и митингах, а также через газеты, книги, брошюры, листовки, радио и кино. О значительной роли печати того периода в БСЭ (1950) сказано: «Большевистская печать гигантски выросла: в СССР издается 7.200 газет (май 1949) с разовым тиражом 31 млн. экземпляров. На предприятиях, в колхозах, учреждениях, учебных заведениях издаются сотни тысяч стенных газет» (БСЭ: 1, 300). Использовались для этого и средства изобразительного искусства в форме плакатов и лозунгов (подробнее см.: глава V).

В агитационных целях широко применялся цитатный материал из Ленина, что отражено в лексикографических материалах, напр. в БСЭ (1950): «Без ясного, продуманного идейного содержания – говорил Ленин – агитация вырождается в фразерство» (БСЭ: 1, 295–296). Агитация считалась важнейшим средством политической борьбы.

В ТССРЯ-ХХ (2001) термин *агитация* толкуется с семантическим конкретизатором «в советск. время: распространение политических идей с целью воздействия на сознание, настроение, общественную активность масс» (ТССРЯ-ХХ: 6).

В ЭС (1953) отмечено следующее: «Основные качества коммунистической агитации – высокая идейность, правдивость, целеустремленность, содержательность и политич. заострённость. В годы строительства Коммунистической партии политич. А. связывала партию с массовым рабочим движением. Агитационная работа партии в массах сыграла огромную роль в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, в разгроме интервентов и белогвардейцев, в построении социалистического общества в СССР, в разгроме фашистской Германии и империалистич. Японии» (ЭС: 1, 25). Агитационная деятельность отражала собственно политику советского государства. В помощь агитаторам был основан в 1923 году одноименный журнал ЦК КПСС «Агитатор», про который в БСЭ сказано: «Журнал освещает вопросы внутренней и внешней политики КПСС и Советского правительства, обобщает опыт массово-политической работы, публикует информацию о политической, экономической, культурной жизни страны и международном положении, помещает материалы в помощь идеологическим кадрам и учреждениям партии, популяризирует передовые методы труда в промышленности и сельском хозяйстве, дает консультации и ответы на вопросы читателей» (БСЭ: 1, 295–296).

Словообразовательные возможности названной идеологемы весьма значительны, ср.: *агитатор*, *агитаторша*, *агитационный*, *агитация*, *агитировать* и *сагитировать*, *агитка*. Прилагательное *агитационный* выступает

в составе сложных слов: *агитбригада*, *агитколлектив*, *агитпункт*, *агитплакат*, *агитпоезд*, *агитпроп*. Дефиниции сложных образований обычно сопровождаются семантическими конкретизаторами: *в СССР* или *в советское время*, напр.:

Агитбригада. В СССР: небольшой самодеятельный или профессиональный коллектив, занимающийся агитационной и культурно-просветительской работой среди населения (БТС: 28);

Агитпоезд. В СССР: поезд, специально предназначенный для работы агитбригад среди населения отдаленных районов (БТС: 28);

Агитпункт. В советск. время: учреждение, ведущее массовую политико-просветительскую работу среди населения (ТССРЯ-ХХ: 7);

Агитпроп. В СССР: отдел агитации и пропаганды при ЦК и местных комитетах ВКП(б) (БТС: 28) – название данного отдела употреблялось до 1934 г.

Подобные идеологизмы свидетельствуют о невероятно крупных масштабах пропагандистской деятельности, которую проводило партийное руководство в послереволюционный период. Власть пыталась всячески подчинить сограждан коммунистической идеологии и политическим целям.

III. Язык идеологии советского типа

1. Дефиниция *идеологии* и ее разновидности, а также другие ключевые понятия

Термин *идеология* в МАС (1981) определяется как «Система идей, представлений, понятий, выраженная в разных формах общественного сознания – философии, политике, праве, морали, искусстве, религии, и отражающая коренные интересы классов, социальных групп». Данный термин проиллюстрирован примерами: *Марксистско-ленинская идеология. Буржуазная идеология* (МАС-2: 1, 630).

ЭС (1953) шире поясняет природу данного понятия. За основным определением идеологии дается также следующая информация: «В современном мире борются две основные идеологии: социалистическая и буржуазная. Неотъемлемые черты современной буржуазной идеологии – это отказ от науки, идеализм, поповщина и мракобесие, проповедь шовинизма и расизма, пропаганда космополитизма. Пролетарская, социалистическая идеология, основанная на идеях марксизма-ленинизма, есть идеология мира и творческого созидательного труда, патриотизма и пролетарского интернационализма, дружбы народов и революционного, коммунистического преобразования общества. В советском социалистическом обществе нет классовой базы для господства буржуазной идеологии. Здесь социалистическая идеология, основу которой составляет марксизм-ленинизм. Но в советском обществе еще сохранились остатки буржуазной идеологии, пережитки частнособственнической психологии и морали. Коммунистическая партия ведет решительную борьбу против пережитков капитализма в сознании людей, воспитывает трудящихся в духе советского патриотизма, дружбы народов и пролетарского интернационализма» (ЭС: 1, 663).

Дефиниция *идеологии* как системы определенных ценностей отражает классовый подход к понятию и это подтверждается полюсными примерами двух противоположных определений – идеологии буржуазной, с одной стороны, и идеологии большевистской, социалистической – с другой. Эти определения включают социально-оценочное отношение к идеологии. Внушаются превосходства социалистической идеологии, имеющей якобы жизненное значение для трудящихся различных стран, поскольку только она

в состоянии обеспечить независимость и их насущные интересы, в то время как буржуазная идеология расценивается как отжившая, реакционная и защищающая коренные интересы капиталистов.

Идейные платформы этих классов различные, у каждого свои установки и интересы, каждый преследует свои практические цели. Идейное размежевание обоих типов идеологии служило пропагандистским целям. В послереволюционной России в пример ставилась идеология советского типа. В предметной литературе представлены различные определения идеологии. Одно из них предложил Ю. Шрейдер, который назвал ее «механизмом воздействия на умы, целиком подчиняющим жизнь общества реализации заданной цели» (Шрейдер 1989).

Самым мощным инструментом внедрения той или иной идеологии является язык. Язык марксистско-ленинской идеологии характеризуется целым рядом показателей и свойств. Они ярко представлены в словарных и энциклопедических источниках, которые составлялись в советский период. Целесообразно сослаться на ряд примеров соответствующих словарных статей. Показательны в этом отношении статьи о В.И. Ленине и И.В. Сталине, в которых акцентируются одни достоинства и самые положительные их качества с помощью ряда эпитетов и определений. О Ленине, в частности, сказано: *величайший гений*, *создатель*, *основатель*, *вождь и учитель*, *руководитель*, *простой и скромный*, *великий корифей науки*; о Сталине же – *верный ученик и соратник*, *вождь и учитель*, *неутомимый борец*, *выдающийся деятель* и др.

Словарная статья, посвященная Ленину (22 апреля 1870 – 21 января 1924), занимает в ЭС более 7 страниц текста с 22 столбцами и сопровождается на всю страницу портретом вождя. Статью открывает следующая характеристика: «величайший гений человечества, создатель Коммунистической партии Советского Союза, основатель Советского социалистического государства, вождь и учитель трудящихся всего мира» (ЭС: 2, 238). Ср. еще следующие выдержки из этой статьи: «В.И. Ленин – вождь и учитель рабочего класса и всех трудящихся, руководитель нового типа – простой и скромный, тесно связанный с массами, поднявшимися на борьбу за свое освобождение. [...] В.И. Ленин – великий корифей науки – обогатил марксистскую теорию новыми положениями и выводами. [...] Учение Ленина является высшим достижением русской и мировой культуры». Статью завершает фраза: «Имя Ленина является знаменем трудящихся всего мира в борьбе за дело мира, демократии и социализма, за светлое будущее народов» (ЭС: 2, 245).

Биографии Сталина (21 декабря 1879 – 5 марта 1953) в том же ЭС отводится почти 5 страниц текста с 17 столбцами и с портретом на отдельной странице. Словарная статья составлена в приподнятом, пафосном стиле. Ср. некоторые фрагменты: «ученик и соратник В.И. Ленина, великий продолжатель его бессмертного дела, вождь и учитель Коммунистической партии

Советского Союза, советского народа и трудящихся всех стран» (ЭС: 3, 307); «И.В. Сталин был неутомимым борцом за мир и мирное сотрудничество народов. Он являлся выдающимся деятелем великого движения всего прогрессивного человечества за сохранение мира» (312); «Имя Сталина бессмертно. Оно вечно будет жить в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества» (313).

Внушаются, таким образом, незаурядные способности и почти ничем неограниченные возможности обоих руководителей партии на всех уровнях общественно-политической жизни. Их портреты поражают своей необычностью, своими особыми свойствами и умениями, что для рядового гражданина граничит с фантастическим обликом. В приведенных описаниях Ленин и Сталин производят впечатление деятелей, которые выделяются среди других своей мощностью и величием. Их образы намеренно идеализированы, так как коммунистические вожди должны были восприниматься как образцы «нового человека» для всего народа.

В начале XX столетия возникли слова, которые почти на весь век стали ключевыми, господствующими. Одно из них *большевик*. Оно появилось в 1903 году на 2-м съезде Российской социал-демократической рабочей партии, когда при выборах сторонники Ленина получили большинство голосов, и поэтому их называли *большевиками*, а оставшихся в меньшинстве – *меньшевиками*. Большевики пришли к власти в конце 1917 г., что коренным образом изменило общественно-политическую систему. С 1917 по 1952 гг. термин *большевик* стал элементом названия партии: *Российская КП (большевиков)*.

Широко использовались также производные слова *большевизм* и *большевистский*. Их понятийное содержание представлено в словарных формулировках. *Большевизм* определяется в Словаре Ожегова (1972) как «последовательно революционное течение в международном рабочем движении, возникшее в России в начале XX в. и базирующееся на марксистской теории, развитой и обогащенной В.И. Лениным в новых исторических условиях»; *большевистский* объясняется как «относящийся к большевизму, основанный на принципах большевизма» (О-9: 54)[1].

---

[1] О степени пропагандистского заряда, имеющегося в толковании термина *большевизм*, можно судить, к примеру, на основе словарной статьи, приведенной в ЭС (1953), ср. отдельные фрагменты: «Большевизм возник на прочной базе теории марксизма, в новую эпоху всемирной истории, в условиях империализма, когда центр мирового революционного движения перемещался в Россию и когда в стране поднималась величайшая народная революция. […] Большевизм – это ленинизм, его стратегия и тактика, это марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи победы социализма в СССР и строительства коммунизма. […] Большевизм есть явление интернациональное, является обобщением опыта революционного движения всех стран мира. […] Большевизм проделал историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной на

Итак, исторические изменения после 1917 года широко отразились в языке. Появились новые слова и выражения. Одно из таких словосочетаний – это *диктатура пролетариата*, которое выражало характер власти большевиков. Появилось множество слов, связанных с послеоктябрьской ситуацией: *агитация*, *комсомол*, *национализация*, *пропаганда*, *пятилетка*, *совет*, *трудодень*, *комбайн* и др.

2. Политические термины, отражающие реалии и категории советской эпохи

Происходящие изменения в общественно-политической жизни России оказывают сильное воздействие на политическую лексику, которая меняет свои коннотативные признаки. Примером может послужить термин *коммунизм*, который особенно в демократических кругах воспринимается с негативной оценкой и расценивается как утопическая идеология, ср. его толкование в БТС (2003): «[от лат. communis – общий, всеобщий] 1. Одна из разновидностей утопического социализма, основывавшаяся на принципе социального равенства: общности имущества, обязательном труде, справедливом распределении; бесклассовое общество» (БТС: 445).

Более ранние лексиконы однозначно толкуют *коммунизм* как: 1) идеологию, направленную на построение бесклассового общества, 2) высшую общественно-экономическую формацию, идущую на смену капиталистической формации, 3) теорию и тактику пролетарской революции (ср.: МАС-2: 2, 84; О-9: 264; ЭС: 2, 116–117).

Проследим словарные определения идеологемы *класс*.

О-9 (1972) приводит следующую характеристику *класса*: «Большая общественная группа людей с определенным положением в исторически сложившейся системе общественного производства и с определенной, обычно законодательно закрепленной, ролью в общественной организации труда, объединенная одинаковым отношением к средствам производства, к распределению общественного богатства и общностью интересов. *Борьба классов*. *Дружественные классы советского общества*» (О-9: 253–254).

ОШ-4 (1997) собственно повторяет эту дефиницию (ср.: О-9), заменяя и тем самым смягчая, однако, иллюстрации употребления другим примером: *Общественные классы* (ОШ-4: 275).

Любопытно, что и БТС (2003) воспроизводит данную дефиницию, иллюстрируя ее рядом примеров: *Класс капиталистов. Антагонистические классы*. *Общественный класс. Борьба классов* (БТС: 431).

свете. История большевизма есть история трех революций, […] Глубокое изучение этой героической истории укрепляет веру в торжество коммунизма во всем мире» (ЭС: 1, 205–206).

МАС-2 (1983) трактует слово как многозначное, в отличие от О-9, ОШ-4, и приводит во втором значении, в буквальном смысле этого слова, ленинское определение из «Великого почина»: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению […] к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают». Данное определение проиллюстрировано следующими примерами: *Рабочий класс*. *Класс капиталистов*. *Антагонистические классы*. *Борьба классов* (МАС-2: 2, 54).

Нетрудно заметить, что отмеченные определения в О-9, ОШ-4 и БТС также покоятся на ленинской дефиниции *классов*.

В ЭС (1954), хотя значение *класса* как социальной группы открывает перечень семем полисемичного слова (ЭС: 2, 86), то оно отсылает соответствующей пометой к отдельной словарной статье *классы*. Ленинское определение в данной словарной статье, нами уже процитированное (см. МАС--2), сопровождает исторический комментарий, в котором капиталистический строй представлен как антагонистическая формация, с присущим особым способом классовой эксплуатации, тогда как «в СССР ликвидированы эксплуататорские классы, и советское общество состоит из двух дружественных классов – рабочих и крестьян. Советская интеллигенция вместе с рабочими и крестьянами строит новое, коммунистическое общество» (ЭС: 2, 89).

ТССРЯ-XX (2001), интересующее нас понятие *класса* как социальной группы, описывает в двух значениях: 1) с графическим знаком его актуализации в языке: «Слой общества, занимающий определенное место в системе общественного разделения труда и распределения общественного богатства, прибыли и т.п.» (приводится устойчивое сочетание: *Средний класс*, т.е. люди со средним достатком – учителя, врачи, рабочие и т.д.); 2) со знаком ухода значения в пассив, поскольку оно связано с марксистской философией. Это ленинская дефиниция, которая приводится в МАС-2. Затем следуют примеры употребления: *Антагонистические классы*. *Эксплуататорские классы*. *Класс рабочих, крестьян*. *Класс буржуазии, капиталистов*. *Рабочий класс*. *Борьба классов* (ТССРЯ-XX: 341).

Итак, в советский исторический период, рассматриваемый термин имеет статус идеологемы, т.е. единицы, отражающей марксистскую философскую концепцию, на что указывает последняя дефиниция. Однако, впервые эту особенность отметили в своем словаре с 1995 года составители Большого толкового словаря иностранных слов (см. на эту тему Надель-Червиньска 2006: 149).

В послереволюционный период деятельное участие в общественно-политической жизни России принимал идеологический актив, состоящий из пропагандистов, политинформаторов, агитаторов.

В ТССРЯ-XX (2001) слово *актив* сопровождается хронологической пометой *в советское время* и толкуется как «наиболее деятельная, передовая часть какой-л. общественной организации, коллектива» (ТССРЯ-XX: 12).

ЭС (1953) содержит описание следующих коллективов: «1) партийный – руководящие партийные кадры, активные работники Коммунистической партии Советского Союза. Актив созывается для обсуждения важнейших решений партии и правительства; является выразителем общественного мнения партии и проводником партийных решений. 2) А. комсомольский – наиболее деятельные члены ВЛКСМ. 3) А. профсоюзный – члены профсоюзов, активно участвующие в работе профсоюзных органов. 4) А. хозяйственный – наиболее деятельная часть работников хозяйственных органов» (ЭС: 1, 44). Итак, актив – это группа наиболее деятельных лиц какой-либо организации (ср: О-9: 24; ОШ-4: 21; МАС-2: 1, 30; БТС: 33).

В активном корпусе лексики советского периода находились также слова *активист* и *активистка*, относящиеся к тем, кто принадлежит к активу, т.е. деятельным членам данного коллектива (ср.: О-9: 24; ОШ-4: 21; МАС-2: 1, 30; БТС: 33).

В активном употреблении находились слова и выражения, отражающие понятия, факты и реалии советской эпохи, как напр.: *агитбригада*, *агитплакат*, *агитпоезд*, *агитпроп*, *агитпункт*, *доска почета*, *пятилетка*, *соцлагерь*, *соцреализм* и др. Ср., к примеру, некоторые толкования.

В ЭС (1955) понятие *пятилетка* раскрывается в статье *Пятилетние планы развития народного хозяйства СССР*: «перспективные планы хозяйственного и культурного развития СССР, рассчитанные на срок в 5 лет. С 1929 по 1950 в СССР были выполнены 4 пятилетки (3-я пятилетка, рассчитанная на 1938–42, была прервана войной). В 1951 СССР приступил к выполнению 5-й пятилетки (1951–55). Пятилетние планы разрабатываются в соответствии с основным экономическим законом социализма и законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства» (ЭС: 3, 51).

В собственно толковых словарях дефиниции на много короче, напр.:

О-9 (1972): «1. Период в 5 лет. 2. Пятилетний план развития народного хозяйства» (О-9: 586).

ОШ-4 (1997) собственно воспроизводит данное объяснение, изменяя однако порядок семем: «1. Пятилетний план развития экономики. 2. То же, что пятилетие» (ОШ-4: 637). МАС-2 (1984): «1. То же, что пятилетие. 2. Пятилетний план развития народного хозяйства СССР, а также период, охватываемый этим планом». Данное значение проиллюстрировано примером из стихотворного текста *Первый из пяти* В. Маяковского: *Гори на всем трудящемся мире, лозунг «Пятилетка – в 4 года!»* (МАС-2: 3, 573).

БТС (2003): «1. Разг. О том, кто (что) в возрасте пяти лет. 2. В СССР: пятилетний план развития народного хозяйства; период охватываемый этим планом» (БТС: 1053).

Более развернутое толкование, также с хронологическим конкретизатором, дано в ТССРЯ-ХХ (2001): «В советск. время: пятилетний план развития народного хозяйства СССР, принимавшийся обычно на очередном съезде коммунистической партии; период действия такого плана». Данное толкование сопровождается следующей информацией: «Первая пятилетка была в 1929–1932 гг., ее план был принят на 15 съезде ВКП(б); последняя (двенадцатая) пятилетка в 1986–1990 гг.» (ТССРЯ-ХХ: 647).

Словосочетание *Доска почета* фиксируется в рамках словарной статьи *доска*:

ЭС (1953): «в СССР и странах народной демократии средство поощрения передовых рабочих, инженерно-технических работников, служащих, колхозников, учащихся – передовиков социалистического соревнования. На доске почета пишутся имена передовиков, краткие сведения об их основных достижениях, вывешиваются их фотографии и т.п.» (ЭС: 1, 577).

Ср. также в О-9 (1972) устойчивое словосочетание *Доска почета* в значении: «с вывешенными списками, портретами лучших работников» (О-9: 162).

МАС-2 (1981): «Доска почета или красная доска – доска с именами и фотографиями лучших производственников и т.п.» (МАС-2: 1, 434–435).

В ТССРЯ-ХХ (2001) оно приводится с хронологическим конкретизатором: «(в советск. время: стенд с фотографиями тех, кто отличался особыми достижениями – перевыполнением плана, успехами в учебе, идеологической работе и т.п.)» (ТССРЯ-ХХ: 233).

В БТС (2003) данное выражение объясняется следующим образом: «(в СССР: с портретами и именами лучших работников)» (БТС: 278).

3. Идеологическая нагрузка прежде нейтральной лексики

В советское время характерен негативный подход официальной власти к дореволюционным и капиталистическим формам собственности, управления, государственности и т.д. Существование частной инициативы, предприятий и, в целом, частной собственности не находило одобрения. Поэтому различные лексикографические труды подвергали лексику, связанную с капиталистическим обществом и частным предпринимательством, идеологической интерпретации и резко отрицательной оценке.

Весьма показателен в этом отношении термин *буржуазия*, определяемый в ЭС (1953) как «господствующий класс капиталистического общества, обладающий собственностью на средства производства, живущий и обогащающийся за счет эксплуатации наемных рабочих, лишенных средств производства и вынужденных продавать свою рабочую силу. […] История Б. – история насилия, жестокой эксплуатации трудящихся, гибели и разорения мелких производителей, порабощения других народов и кровопролитнейших

войн […] Могильщиком Б. является пролетариат, борющийся за коммунизм» (ЭС: 1, 239).

Данную характеристику, приведенную в первом фрагменте, последовательно отражают лексикографические разработки советского и постсоветского периодов (ср.: О-9: 61; МАС-2: 126; БАС-2; ОШ-4: 64; БТС: 104).

Из новейших словарей более сдержанное описание семантики слова *буржуазия* отражено в ТССРЯ-ХХ (2001): «Слой состоятельных людей (о предпринимателях, финансовых олигархах и т.п.)» (ТССРЯ-ХХ: 96).

Отметим также описание других лексем терминологического характера. В ЭС (1953) слово *акционер* рассматривается в составе статьи *акционерное общество*: «предприятие, капитал которого составляется из взносов пайщиков (акционеров). В эпоху империализма А. о. капиталистических стран используются финансовой олигархией для установления своего господства над чужими капиталами и ограбления массы мелких акционеров. [...]» (ЭС: 1, 46).

В О-9 (1972) слово *акционер* получило толкование: «Капиталист, владелец акций, совладелец акционерного предприятия» (О-9: 24), где определение *капиталист* однозначно ассоциировалось негативно.

Новейшие разработки объясняют термин *акционер* без этого определения, т.е. нейтрально (ср.: МАС-2: 1, 31; ОШ-4: 21; ТССРЯ-ХХ: 13; БТС: 34).

К рассмотренной лексеме примыкает слово *банкир*, которое в О-9 имеет толкование: «Владелец или крупный акционер банка в капиталистических странах» (О-9: 36). Такое же толкование с пояснением *в капиталистических странах* приводит и МАС-2: 1, 60[2].

В других словарях указанный семантический конкретизатор отсутствует (ср.: ОШ: 35; ТССРЯ-ХХ: 48; БТС: 58).

С категориями буржуазного общества ассоциировались также многие другие слова, которые в лексикографических трудах сопровождаются хронологическими комментариями типа *в буржуазном обществе* или *в капиталистических странах*. Таким словом является, например, *безработица*.

В ЭС (1953) о *безработице* сказано, что это «присущее капиталистическому строю явление, когда в силу действия всеобщего закона капиталистического накопления масса рабочих выбрасывается на улицу, не может найти работу и обретается на голод и нищету. Б. – бич рабочего класса. В период общего кризиса капитализма Б. приобретает хронический характер. В начале

---

2 Небезынтересно отметить, что в МАС-2 слово *банк* получило идеологизированное толкование, ср.: «1. а) В социалистических странах: государственное учреждение, осуществляющее в соответствии с народнохозяйственным планом кредитирование текущей деятельности предприятий и финансирование капиталовложений […]; б) в капиталистических странах: предприятие, концентрирующее ссудный капитал и предоставляющее его в распоряжение капиталистов для получения прибыли и сверхприбыли» (МАС-2: 60).

1950 в капиталистических странах число безработных и полубезработных составляло ок. 45 млн. ч., в том числе в США – 18 млн. ч. СССР не знает безработицы. По Конституции СССР граждане СССР имеют право на труд, на получение гарантированной работы. Осуществление этого права обеспечено успешным развитием социалистического хозяйства, не знающего кризисов и безработицы. С проведением социалистических преобразований и восстановлением народного хозяйства Б. ликвидирована и в странах народной демократии» (ЭС: 1, 158–159).

О-9 (1972) поясняет, что безработица это «наличие безработных» и приводит следующие примеры употребления: «*Социализм не знает безработицы. Массовая безработица в капиталистических странах*» (О-9: 42).

МАС-2 (1981) описывает безработицу как «экономическое явление, типичное для капиталистического общества, когда часть трудящихся не находит применения своему труду» (МАС-2: 1, 75).

Любопытно, что в ОШ-4 (1997) имеется то же толкование что в О-9, однако примеры употребления другие, ср.: *Рост безработицы. Пособие по безработице* (ОШ-4: 41).

Новейшие словари изменяют характер прежних толкований, напр.:

ТССРЯ-ХХ (2001): «*Соц.* Социально-экономическое состояние, при котором определенная часть трудоспособного населения не может найти работу вследствие отсутствия рабочих мест, несоответствия квалификации работника и т.п.» (ТССРЯ-ХХ: 57);

БТС (2003): «1. Наличие безработных где-л. *Рост безработицы. Избавиться от безработицы.* 2. Состояние безработного. *Пособие по безработице*» (БТС: 68).

Рассмотрим также термин *многопартийность*. Любопытно указать на тот факт, что в ЭС, О-9, МАС-2 и БТС данный термин не отмечен. Это свидетельствует о том, что *многопартийность* как явление полностью не согласуется с идеологией советского времени. Наличие многих партий в советских условиях с идеологических позиций было исключено. При советской власти допускалось существование лишь одной коммунистической партии, многопартийность полностью отвергалась.

Изменение данного положения стало возможным лишь в результате проведения демократических преобразований[3] во время перестройки и гласности. Термин *многопартийность* находит отражение только в новейших лексиконах.

Он фиксируется в ОШ-4 (1997) в статье *многопартийный*: «Об общественной системе: имеющий несколько или много политических партий» (ОШ-4: 360).

---

[3] О партиях в политической и общественной жизни постсоветской России см. в нашей статье (Вежбиньски 2010).

В ТССРЯ-ХХ (2001) *многопартийность* дефинируется следующим образом: «*Полит*. Наличие в государстве различных официально зарегистрированных партий; противоп. однопартийность» (ТССРЯ-ХХ: 469).

4. Идеологические коннотации религиозных терминов и понятий

Идеологические установки прослеживаются также в кругу религиозной лексики. Рассмотрим выборочно несколько примеров, начиная со словарной статьи *Библия.*

В ЭС (1953) данный термин поясняется, что это: «священная книга иудеев и христиан. [...] Наиболее древняя часть Б. – Ветхий завет – совокупность различных произведений др.-евр. литературы и фольклора, [...] – составляет священное писание иудаизма. [...] Библейские легенды и предписания используются церковью в интересах эксплуататорских классов для затемнения сознания трудящихся» (ЭС: 1, 183).

В О-9 (1972) и МАС-2 (1981) термин получил следующее толкование: «Книга, содержащая мифы и догматы еврейской и христианской религии» (О-9: 47; МАС-2: 1, 89).

В ОШ-4 (1997) содержится более полное и корректное описание, начиная с пояснения: «(Б прописное). Канонизированное собрание священных книг иудейской и христианской религий. *Дохристианская часть Библии* (Ветхий завет). *Христианская часть Библии* (Новый завет)» (ОШ-4: 47), ср. также объяснение в БТС: 77 и ТССРЯ-ХХ: 61. Новейшие словари приводят филологическое толкование, в то время как более ранние разработки ссылаются на мифическую основу Библии, рассматривая ее как своеобразное оружие, которое служит интересам эксплуататорских классов.

О степени идеологизации лексики в советский период можно судить на основе сравнения очередных словарных определений термина *религия*, напр.:

БТС (2003): «[от лат. religio – набожность, святыня]. 1. Одна из форм общественного сознания; совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения» (БТС: 1116). См. также: ОШ-4: 675; ТССРЯ-ХХ: 672.

МАС-2 (1984): «1. Мировоззрение, несовместимое с научным миропониманием, основанное на вере в существование бога, сверхъестественных сил, управляющих миром. 2. *перен*. То, чему поклоняются, во что слепо верят» (МАС-2: 3, 704).

О-9 (1972): «Одна из форм общественного сознания – совокупность мистических представлений, покоящихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения» (О-9: 623).

ЭС (1955): «вера в существование сверхъестественного мира, в управление мира божественными силами; извращенное, фантастическое отражение в сознании людей господствующих над ними природных и общественных сил. Всякая религия противоположна науке. Религиозные верования – явление, исторически преходящее. Они возникли в глубокой древности из темных и наивных представлений людей о своей собственной и внешней природе, из их бессилия в борьбе с природой. […] Преодоление религиозных предрассудков в сознании отдельных граждан является составной частью коммунистического воспитания членов советского общества» (ЭС: 3, 93–94).

Понятие *религия* в более ранних источниках сопровождается определениями пейоративного характера, как *мистическое*, *извращенное*, *фантастическое*, *преходящее* и *несовместимое с наукой миропонимание*. Толкования в ОШ-4, ТССРЯ-XX и БТС лишены столь отрицательных оценок в раскрытии смысла данного понятия. ОШ-4 трансформирует толкование термина, заменяя определение *мистических* прилагательным *духовных* (ОШ-4: 675).

Сопоставим словарные определения лексемы *Бог*.

Бог толкуется в ЭС (1953) как «мифическое, выдуманное существо. Основное понятие всякого религиозного мировоззрения. Бог, указывает В.И. Ленин, есть „прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом, – идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу”. Ликвидация религиозных пережитков и главного из них – веры в Бога – составляет одну из задач коммунистического воспитания трудящихся» (ЭС: 1, 196).

Сравним способ толкования данного понятия в других словарных материалах.

БАС (1950): «1. В древнейших религиях (политеистических) одно из высших, стоящих над миром неземных существ; в монотеизме и идеалистической философии – некая высшая сила, верховное существо, стоящее над миром (по одним учениям – являющееся только творцом вселенной, по другим – также управляющее миром и оказывающее помощь при упрашивании, молитве и т.п.)» (БАС: 1, 525).

О-9 (1972): «По религиозно-мистическим представлениям: верховное существо, управляющее миром, или (при многобожии) одно из таких существ» (О-9: 51).

МАС-2 (1981): «По религиозному представлению: верховное существо, сотворившее мир и управляющее им, или (при многобожии) одно из таких существ» (МАС-2: 1, 100).

БТС (2003): «1. [с прописной буквы]. По религиозным представлениям: творец неба и земли, всего сущего; всеведущий высший разум, управляющий миром; всеобщее мировое начало (имеет множество имен: Творец, Создатель, Всевышний, Вседержитель, Всемогущий и др.; в христианстве

един в трех лицах: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой)» (БТС: 86). См. также: ОШ-4: 52, ТССРЯ-XX: 80.

Приведенные дефиниции *Бога* различаются. Более ранние лексиконы пользуются в своих описаниях определениями, которые непосредственно или опосредованно, ставят под сомнение истинность, подлинность и значимость *Бога*. Он характеризуется с помощью неопределенного местоимения *некая* (сила) и ряда эпитетов как *существо мифическое*, *мистическое*, *выдуманное*. В дефинициях преобладают оценочные элементы пейоративного характера. Толкование *Бога* в новейших словарных разработках (ОШ-4, ТССРЯ-XX, БТС) не навязывает подобных оценок.

Аналогичные наблюдения можно сделать на основе сравнения словарных дефиниций смежного названия *Христос*, напр.:

БТС (2003): «[от греч. Christos – помазанник], [с прописной буквы]. Согласно христианскому вероучению: основатель христианства, культ его лежит в основе христианской религии». За данным определением приводится справка энциклопедического характера: «Богочеловек, рожденный девой Марией и принявший смерть на кресте во искупление человеческих грехов, затем воскресший и вознесшийся на небо; одна из ипостасей Святой Троицы; земная жизнь Иисуса Христа описана в Евангелиях; в Талмуде сохранилась другая (враждебная христианству) версия биографии Иисуса Христа, согласно которой он был незаконным сыном пряхи Марии и беглого римского солдата Пантеры (Пандири); занимался чародейством, был объявлен вне закона и забит камнями» (БТС: 1454).

МАС-2 (1984): «(*с прописной буквы*). Название Иисуса, который в церковном учении является основателем христианства и культ которого лежит в основе христианской религии» (МАС-2: 4, 626).

Любопытно, что в О-9 1972 года данное слово вообще отсутствует.

В ЭС (1955) оно представлено следующим образом: «(Иисус Христос), мифический основатель *христианства*. По христианскому вероучению – „сын божий”, принявший человеческий облик. Легенда о Христе имеет много общего с языческими культами „умирающей” (увядающей осенью) и „воскресающей” (расцветающей весной) растительности» (ЭС: 3, 565). Приведенная дефиниция указывает на нереальность, выдуманность Иисуса Христа.

Ср. также другие примеры:

Богословие. ЭС (1953): «церковное учение о боге и религиозных догматах; главный предмет преподавания в учебных духовных заведениях. Господствующие классы эксплуататорского общества используют Б. для пропаганды реакционных философских взглядов» (ЭС: 1, 197–198). О-9 (1972): «Схоластическое церковное учение о боге и догматах религии» (О-9: 52). Аналогичное определение приведено в МАС-2: 1, 101.

ОШ-4 (1997): «Совокупность доктрин какой-н. религии» (ОШ-4: 53).

ТССРЯ-ХХ (2001) объясняет этот религиозный термин следующим образом: «Систематическое изложение, обоснование и защита учения о Боге; теология» (ТССРЯ-ХХ: 82–83).

Рождество. ЭС (1955): «(рождество Христово), один из главных христианских праздников в честь «рождения» мифического Иисуса Христа, празднуется большинством церквей 25 декабря. Заимствован христианством из дохристианских культов «умирающих и воскресающих богов» (особенно из культа бога света Митры), «рождение» которых праздновалось в период зимнего солнцестояния» (ЭС: 3, 114).

МАС-2 (1984): «Христианский зимний праздник, посвященный рождению мифического основателя христианства – Христа» (МАС-2: 3, 726).

В ряде других словарей приводится филологическое толкование без каких-либо ассоциаций, напр.:

О-9 (1972): «Христианский праздник рождения Христа» (О-9: 629).

ОШ-4 (1997): «1. (Р прописное). Один из христианских (у православных – один из двенадцати основных) праздников в память рождения Иисуса Христа (25 декабря/7 января). 2. Само рождение Иисуса Христа». В конце данной словарной статьи приводится также выражение «Рождество Богородицы – один из двенадцати основных православных праздников в память рождения девы Марии – матери Иисуса Христа (8/21 сентября)» (ОШ-4: 682). См. также толкование в БТС: 1126), которое почти повторяет определение, отмеченное в ОШ-4.

ТССРЯ-ХХ (2001): «[Р прописное]. *Рел*. = Рождество Христово». Данное выражение затем поясняется: «[Р и Х прописные] (великий христианский праздник, в православии относящийся к двунадесятым, отмечаемый 25 декабря католиками (по юлианскому календарю) и 7 января православными (по григорианскому календарю) в память о рождении Иисуса Христа)» (ТССРЯ-ХХ: 677–678)[4].

Пасха. ЭС (1954): «весенний праздник в иудейской и христианской религиях. Христианская П. установлена, по учению церкви, в память «воскресения» мифического основателя христианства – Христа. Обряды П. сложились под влиянием языческих культов «умирающих и воскресающих богов» (ЭС: 2, 616).

О-9 (1972): «1. Весенний религиозный праздник у евреев. 2. У христиан: весенний праздник так наз. воскресения Христа. [...]» (О-9: 453).

---

4 Конец статьи отсылает к устойчивому словосочетанию *Двунадесятые праздники*: «*Рел*. (12 наиболее значительных праздников русского православия: Рождество Христово, Сретение, Крещение Господне, Преображение, Вход Господень в Иерусалим, Вознесение Господне, Троица, Воздвижение Креста Господня, Рождество Богородицы, Благовещение, Успение Богородицы, Введение во храм Богородицы)» (ТССРЯ-ХХ: 199).

БТС (2003): «[от др.-евр. pesah – прохождение]. 1. [с прописной буквы]. В иудаизме: ежегодный весенний праздник, посвященный выходу евреев из Египта. 2. [с прописной буквы]. В христианстве: ежегодный весенний праздник, посвященный чудесному воскресению распятого на кресте Спасителя; Светлое воскресение Христово. [...]» (БТС: 786). К данному толкованию примыкает также дефиниция в ОШ-4: 495.

ТССРЯ-ХХ (2001): «[П прописное]. Главный праздник православной Церкви в честь воскресения Иисуса Христа» (ТССРЯ-ХХ: 562). Далее содержится пояснение: «Истоки христианской Пасхи лежат в иудейской Пасхе, празднуемой в память об исходе евреев из египетского плена. В православной традиции праздник Пасхи чрезвычайно почитаем в народе. Об этом говорит и тот факт, что даже в годы советской власти (атеистической пропаганды и преследования верующих) празднование Пасхи сохранилось во многих семьях, хотя бы в форме соблюдения некоторых обычаев: крашения яиц, приготовления творожной пасхи, куличей и т.п.» (ТССРЯ-ХХ: 562–563).

Процесс идеологизации значения лексики в зависимости от господствующей политической доктрины является неотъемлемой частью развития языка, который постоянно отражает характер общественной жизни человека и его менталитет. Возрастающая в современной России роль церкви, находит, например, свое отражение в попытке духовенства вернуть свой дореволюционный облик и утраченный в результате революции 1917 года авторитет. Не случайно в феврале 2011 года служитель церкви из Армавира отец Павел переиздал сказку *О попе и работнике его Балде* А.С. Пушкина, заменив главного героя. Вместо жадного попа появился купец. Книга была издана тиражом 4 тысячи экземпляров. При жизни Пушкина сказка не издавалась. Ее рукопись с рисунками поэта сохранилась. Сказку после гибели Пушкина изменил В. Жуковский, который готовил посмертное издание его произведений. По всей вероятности он сделал это из цензурных соображений. После революции сказке вернули ее первоначальный облик. Как объяснял духовный: «Ведь Жуковский, как и сам Пушкин, был христианином и отчетливо сознавал, что нападки на духовенство в конечном итоге обернутся нападками на православие»[5]. Возвращение к варианту сказки, созданного Жуковским, является началом нового моделирования значения слова *поп*, которое не может ассоциироваться с отрицательными человеческими качествами в связи с общественно-политическими преобразованиями в России и возрастающей ролью православной Церкви.

---

[5] *Вариант известной сказки Пушкина*. Режим доступа: http://rus.ruvr.ru/2011/02/25/46218962.html

5. Агитационная деятельность советского государства

На фоне приведенных толкований любопытно рассмотреть описание семантики термина *атеизм.*

О-9 (1972): «Отрицание существования бога, отказ от религиозных верований» (О-9: 32). Обращает на себя внимание тот факт, что в выпуске этого словаря с 1952 года дефиниция начинается с оценочного определения: «*научно обоснованное* отрицание […]». МАС-2 (1981) повторяет собственно толкование данного термина, отмеченное в О-9, но приводит к тому же его синоним *безбожие* (МАС-2: 1, 50).

Словарная дефиниция атеизма в ТССРЯ-XX (2001) в ее иллюстративной части сопровождается двумя устойчивыми сочетаниями характерными для советского периода, что отмечено соответствующей пометой. Первое из них – *Воинствующий атеизм* с пояснением: «государственная идеология и политика, направленные против религии проявляющиеся как в антирелигиозной пропаганде, так и в закрытии и разрушении церквей, преследовании священнослужителей и верующих (аресты, ссылки, расстрелы)». И второе сочетание – *Научный атеизм*: «дисциплина, преподаваемая в учебных заведениях и пропагандируемая в различных формах в обществе» (ТССРЯ-XX: 39).

Атеизм как мировоззренческая доктрина, отрицающая религию в целом и все ее догмы, в том числе веру в Бога, ссылается на марксистско-ленинскую идеологию, что отражено в словарных определениях, см. пояснение в ЭС (1953): «Марксизм-ленинизм создал непоколебимый теоретический фундамент атеистических верований, впервые дал научное объяснение социально-исторических корней возникновения и развития религиозных верований […]» (ЭС: 1, 114).

Советская лексикография была целиком подчинена воздействию марксистско-ленинской идеологии. В словарных дефинициях наблюдается весьма критическое отношение ко всему, что связано с капиталистическим устройством жизни, либо с дореволюционным периодом. Отсюда появление в ряде случаев пояснений типа: *в капиталистических странах*; *в буржуазном обществе*; *в старину*; *в дореволюционной России*; *в царской России*. Там, где ставилась под сомнение реальность каких-то событий, в целях антирелигиозной пропаганды и дискредитации Церкви, в лексикографических описаниях появляются такие языковые средства, как модальная частица *якобы*, вставные конструкции *так называемый* или *в христианской мифологи*. Характерно в таких случаях также помещение определенных слов в кавычках. (Употребление кавычек ставит под сомнение реальность какого-то происшествия).

В новейших лексикографических трудах их составители освобождают лексику от политических оценок. Идеологизированная лексика советского периода в новейших словарях приводится с хронологическими пояснениями: *в советское время* или *в СССР*.

6. Преломление языка идеологии в художественной литературе

Язык идеологии, который в послереволюционный период завоевал народные массы, стал материалом художественной литературы через своих героев. Язык советского человека сатирическими средствами представили М. Зощенко (ср. *Обезьяний язык*), М. Булгаков, Ю. Олеша и другие мастера слова.

Особую сатирическую направленность и тональность языка зощенковских текстов, которые далеки от литературных стандартов, предопределяют различные языковые деформации. Они обнаруживаются в авторской речи, но отражены преимущественно в языке представителей различных социальных слоев.

Проиллюстрируем сказанное несколькими примерами, где различные слова и выражения, в том числе терминологического характера, используются упрощенно и извращенно, напр.: об «аристократке», которую рассказчик пригласил в театр говорится: «В театре она и развернула свою идеологию во всем объеме» (Зощенко 1986: 1, 170); описывается случай в ресторане, куда не пускают Конопатова, поскольку он в рабочем костюме: «Тут поднялась катавасия. Потому народ видит – идеология нарушена. Стали пищевиков оттеснять в сторону. Кто бутылкой машет, кто стулом...» (Зощенко 1986: 1, 302); мнение рассказчика о Катюше из трепального отделения: «По виду никогда не скажешь, что мещанка. Потому поступки видны, идеология заметна, ругаться по матери может» (Зощенко 1986: 1, 287).

Во всех текстах, из которых извлекаются примеры, речь идет о самых простых, заурядных и мелких происшествиях, которые, однако, в речи героев выдвигаются в ранг значительных, принципиально важных событий. Рассказчики «вооружены» по существу одним словом *идеология*, которое сориентировано ими на поиски политических смыслов в этих обыкновенных поступках. В первом примере, по мнению рассказчика, «аристократка» своим поведением проявила типичные черты, свойственные реакционным (буржуазным) кругам общества; во втором – нарушены интересы рабочего класса; в третьем же – обнаруживаются мещанские отклонения от пролетарских принципов. То, что должно оцениваться в аспекте нравственности, моральных качеств переключается в серьезную политическую оценку.

В начале этой главы мы привели словарное определение термина *идеология*, из которого следует, что он включает множество взаимосвязанных элементов, образующих определенное единство. Философские и политические воззрения, которые содержатся в дефиниции термина *идеология*, являются определяющими, исходными (см. порядок расположения соответствующих понятий в этой дефиниции). В сознании индивида данный термин получает оценочную коннотацию на основе противопоставления двух основных политических систем, из которых одна может ассоциироваться с истинными,

прогрессивными представлениями, другая – с ложными, извращенными взглядами. В рассматриваемых нами «изречениях» слово *идеология* не соответствует той семантической роли, на которую оно претендует в повествовательной речи. Оно функционирует в искаженном виде, но является удобным и действенным средством в механизме подтасовки фактов и оценок в советский период.

Особенно интересный материал с этой точки зрения представляют произведения Булгакова, в прозе которого нашла отражение вся абсурдность советской эпохи. Писатель наглядно продемонстрировал невежество и тупость нового советского человека не только как создателя дьявольской действительности, но как опасного для будущего России существа, которое лишено элементарных знаний о мире и каких-либо моральных норм (*Дьяволиада*, *Собачье сердце*, *Мастер и Маргарита*).

Например, в рассказе *Электрическая лекция* безграмотный учитель неумело пытается объяснить ученикам строительного техникума, что такое электричество. Преподаватель всячески пытается скрыть отсутствие знаний, хитро уклоняясь от ответа:

> – Прежде чем сказать, что такое электричество, [...] – я вам... э... скажу про пар. В сам деле, что такое пар? Каждый дурак видел чайник на плите... Видели? – Видели!!, – как ураган ответили ученики. – Не орите... Ну, вот, стало быть... кажется со стороны, простая штука, каждая баба может вскипятить, а на самом деле это не так... Далеко, я вам скажу, дорогие мои, не так... Может ли баба паровоз пустить? Я вас спрашиваю?
>
> Нет-с, миленькие, баба паровоз пустить не может. Во-первых, не ее это, бабье, дело, а в-третьих, чайник – это ерунда, а в паровозе пар совсем другого сорта. Там пар под давлением, почему под означенным давлением, исходя из котла, прет в колеса и толкает их к вечному движению, так называемому перпетуум-мобиле.
>
> – А что такое перпетуум? – спросил Куряковский – ученик. – Не перебивай. Сам объясню. Перпетуум – такая штука... это братишки... ого-го! (Булгаков 1989: 2, 400).

Речь учителя отражает характерный для необразованных политических агитаторов примитивизм и отсутствие логики. Герой по сути дела не знает точных определений слов «электричество» и «петуперум-мобиле», но он должен провести занятия. Это типичная для советской действительности ситуация, когда разного рода задачи и поручения выполняли люди совершенно к ним неподготовленные, не имеющие нужного образования. Отсюда возникало много неправильных решений и абсурдных постановлений. Лекция напоминает публичные агитки, отсюда учитель обращается к своим ученикам как к товарищам, употребляя такие слова как «миленькие», восклицая «не орите» и давая им примеры из повседневной жизни (рассказ о чайнике и бабе, бабе и паровозе).

В рассказе *Просвещение с кровопролитием* заведующий школой, не имея возможности наказать ученика, который не стер вовремя доску, сгоняет

свое зло на учителя географии. Он обвиняет его в совсем независящих от него делах, проявляя при этом полное незнание географии и истории своей страны. Заведующий кричит:

> Это карта?.. Это карта, я вас спрашиваю?! Пач-чему она не на мольберте?! Почему Волга на ней какая-то кривая? Почему Ленинград не Петроград?! На каком основании Черное море – голубое?! (Булгаков 1989: 2, 410).

Заведующий не знает, что Петроград был переименован 26 января 1924 года на Ленинград. Он также, видимо, никогда не видел на карте, как выглядит Волга, не понимает, что все моря и океаны обозначаются на картах голубым цветом, а в Черном море нет черной воды. Такого рода безграмотность и невежество Булгаков постоянно высмеивал вербально в своих произведениях.

Писателем, которого творчество было близко к Булгакову по своему духу и отношению к советской действительности, был в двадцатые годы Олеша. В романе *Зависть* он с большой дозой иронии охарактеризовал новый мир и менталитет партийной элиты. Новое поколение русских, воспитанных «красными», теряет человеческий образ, превращаясь в машины не способные любить, сочувствовать другому человеку, относиться с уважением к достояниям прошлого.

Это наглядно демонстрирует образ студента и футболиста Володи Макарова, которого воспитал крупный советский хозяйственник, директор треста пищевой промышленности Андрей Бабичев. Смысл его жизни заключается в изобретении нового сорта колбасы и полном подчинении своей личной жизни государству. В письме к своему наставнику Володя пишет:

> Подражаю тебе во всем, чавкаю даже, как ты, в подражание

и в другом месте:

> Я – человек-машина. Не узнаешь ты меня. Я превратился в машину. Если еще не превратился, то хочу превратиться. Машины здесь зверье! Породистые! Замечательно равнодушные, гордые машины[6].

Бабичеву и Володе противостоит Николай Кавалеров – новый русский лишний человек, который не может найти себе место среди людей-машин. Его двойником в повести Олеши становится брат Бабичева – Иван, изобретатель фантастической машины, способной испытывать и переживать самые сложные человеческие чувства – Офелии. Иван обвиняет новых людей в отсутствии высших духовных чувств, в разрушении родины, в уничтожении спокойной жизни миллионов граждан. В ответ на речь, произнесенную Андреем Бабичевым по поводу открытия столовой «Четвертак», Иван говорит:

---

[6] Ю. Олеша, *Зависть*. Режим доступа: http://royallib.com/book/olesha_yuriy/zavist.html. Все цитаты даются по этому источнику.

> От вас хотят отнять главное ваше достояние: ваш домашний очаг. [...] Он учит вас забывать что? Что хочет вытолкнуть он из сердца вашего? Родной дом – дом, милый дом! Бродягами по диким полям истории он хочет вас сделать. Жены, он плюет в суп ваш. Матери, он мечтает с личек младенцев ваших стереть сходство с вами – священное, прекрасное семейное сходство. Он врывается в закоулки ваши, шмыгает, как крыса, по полкам, залазит под кровати, под сорочки, в волосы подмышек ваших. Гоните его к черту!.. Вот подушка. Я король подушек. Скажите ему: мы хотим спать каждый на своей подушке. Не трогай подушек наших! Наши еще не оперившиеся, куриным пухом рыжеющие головы лежали на этих подушках, наши поцелуи попадали на них в ночи любви, на них мы умирали,– и те, кого мы убивали, умирали на них. Не трогай наших подушек! Не зови нас! Не мани нас, не соблазняй нас. Что можешь ты предложить нам взамен нашего умения любить, ненавидеть, надеяться, плакать, жалеть и прощать?.. Вот подушка. Герб наш. Знамя наше. Вот подушка. Пули застревают в подушке. Подушкой задушим мы тебя... (там же).

В высказываниях Макарова и Андрея Бабичева писатель демонстрирует их полное подчинение советской послереволюционной действительности, что способствует обезличиванию героев. Они не допускают уже возможности оспаривать государственные директивы и установленный регламент жизни. Они презирают и готовы уничтожить всех, кто иначе мыслит и не одобряет их взглядов. Андрей постоянно угрожает во время ссор со своим братом, что убьет его или вызовет милицию. Володя постоянно уговаривает Андрея выбросить из дома Кавалерова. На каждом шагу Андрей Бабичев демонстрирует свой примитивизм и отсутствие элементарной культуры (ест яичницу прямо из сковородки, относится с верхоглядством к Кавалерову и Ивану, употребляет вульгаризмы: «– Вот! – кричит на меня Бабичев. – Вот, полюбуйтесь. Братец мой Иван. Какая сволочь!», «– Лопайте, Кавалеров, – пригласил он меня и сам навалился»). Особенно в этом отношении показательны первые сцены произведения, когда Кавалеров наблюдает за утренним туалетом Бабичева, например:

> Он поет по утрам в клозете. Можете представить себе, какой это жизнерадостный, здоровый человек. Желание петь возникает в нем рефлекторно. Эти песни его, в которых нет ни мелодии, ни слов, а есть только одно „та-ра-ра”, выкрикиваемое им на разные лады, можно толковать так: „Как мне приятно жить... та-ра! та-ра!.. Мой кишечник упруг... ра-та-та-та-ра-ри... Правильно движутся во мне соки... ра-та-та-ду-та-та... Сокращайся, кишка, сокращайся... трам-ба-ба-бум! (там же).

В романе *Зависть* Олеши дешевая колбаса становиться символом благополучия и счастья. Новая коммунистическая идеология изменила не только общественную и политическую жизнь граждан СССР, но и преобразила самого человека, его нравственность, иерархию ценностей, ведь Андрей и Володя вполне довольны своей жизнью, а судьба других (врагов системы) их абсолютно не волнует.

Как отметил в своей монографии *Сдача и гибель советского интеллигента* эмигрантский исследователь А. Белинков, в произведении Олеши

представлена победа толпы (ее олицетворяет образ Андрея Бабичева) над поэтом (образ Кавалерова), гибель интеллигенции в послереволюционных реалиях. «В книге, написанной человеком, пережившим первое десятилетие нового государства, конфликт художника и общества возникает из-за того, что художник ждал от революции нечто иное, чем то, что она могла или должна была дать. Художник ждал от революции свободы, но в том значении которое придается этому слову в предреволюционном обществе. Предреволюционное общество, прочитавшее очень много книжек по истории, знало, что революции, которые бывали раньше, приносили людям духовную свободу. Так как книги были серьезными и эрудиция русского интеллигентного общества была обширной, то имелось серьезное основание предполагать, что и эта революция будет не хуже других»[7].

Однако, революция большевиков, вместо ожидаемой свободы, принесла диктатуру и угнетение, цензурные запреты, создала нового лишнего человека – интеллигента, не умевшего найти себе места среди толпы, действующей по указанию партийных (часто) совсем необразованных руководителей. Это стало одной из существенных причин упадка социалистического общества и причиной очередной трагедии следующих поколений россиян.

Из сказанного следует, что политика прямым образом влияла на язык художественной литературы, отражая происходящие перемены в обществе, которое все более подчинялось новой власти. Это вызывало различные реакции художников слова. С одной стороны, появились произведения восхваляющие новый порядок и коммунистическую идеологию, например, стихи одной из первых групп пролетарских поэтов – «Кузница» (до 1921) или произведения РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей), целью которой стало укрепление коммунистической линии в пролетарской литературе. С другой – писатели создавали сатирические произведения, где высмеивали абсурдность советской действительности, хотя это не до конца отражало их политические взгляды, так как авторами сатиры становились и художники-коммунисты (напр., Маяковский) и писатели, которые не до конца одобряли новую власть (напр., Булгаков). Независимо от руководивших ими мотивов, их тексты насыщались живым языком, отражали реальные проблемы новой русской действительности, в которой впервые в истории России политика приблизилась к литературе и искусству в неизвестных до сих пор масштабах, а политическая лексика стала на долгие годы постоянным элементом речи художественных героев.

---

[7] А. Белинков, *Сдача и гибель советского интеллигента*. Период появления в самиздате: 1966–1974. Режим доступа: http://antology.igrunov.ru/authors/belinkov/sdacha_and_gibel.html

IV. Пути становления и развития лексических фондов. Словарные дефиниции

1. Советизмы в лексическом составе русского языка

После революции в лексическом составе русского языка появилось огромное количество так называемых советизмов, т.е. слов, рожденных Октябрем. Они очень быстро прижились в советских реалиях и приобрели повсеместный характер. Об их масштабе могут свидетельствовать следующие данные[1]: в рассматриваемый период выходило свыше 800 газет, которые в своем названии содержали определение *красный* (его идеологический смысл и символика общеизвестны), около 300 газет было маркировано термином *коммунизм* или *коммунист*, более 70 заглавий отличалось словом *большевик*.

После революции были введены в русский язык такие слова, как: *субботник*[2], *пятилетка*[3], *передовик*, *коллективизация*, *комиссар*, *митинг*, которые отражают суть новой жизни и связаны с политическими и общественными переменами в послереволюционное время.

2. Сложносокращенные слова и аббревиатуры

Важнейшими и весьма репрезентативными фрагментами русской культурно-языковой картины мира советского периода являются сложносокра-

---

1 Цит. по: Дуличенко 1995: 200.

2 Это форма коллективной, общественной и безвозмездной работы. Впервые его провели в мае 1919 года рабочие Московско-Казанской железной дороги. В бывшем СССР они проводились обычно накануне дня рождения В.И. Ленина, отсюда название: Ленинский субботник.

3 Первая пятилетка, вернее: Первый пятилетний план развития народного хозяйства Союза СССР (1928/29–1932/33) был принят XVI партийной конференцией в 1929 году и затем утвержден съездом партии в 1930 году. «Под руководством Коммунистической партии – читаем в ЭС – советский народ выполнил этот план раньше срока – в 4 года и 3 месяца» (2, 628). Партия развернула социалистическое соревнование за успешное и досрочное выполнение пятилетних планов. План четвертой пятилетки в 1946–1950 годы был выполнен досрочно в 1949 году. Пятая пятилетка была намечена в 1951–1955 годы и т.д.

щенные слова и аббревиатуры, засоряющие язык. В послереволюционный период появляется их целое множество во всех сферах общественно-политической и государственно-административной жизни. Многие из них связаны с партийной и профсоюзной жизнью. Обильно стали распространяться сокращенные названия центральных органов, главных комитетов, советских административных учреждений, организаций и их представителей, например, сокращенные образования типа:

Пролеткульт – Пролетарская культура: культурно-просветительская организация пролетарской самодеятельности при Народном комиссариате просвещения (действовала в 1917–1932 годы),

военкомиссар и *военком* – военный комиссар,

военкор – военный корреспондент,

горисполком – городской исполнительный комитет,

горком – городской комитет,

госаппарат – государственный аппарат,

госбюджет – государственный бюджет,

госплан – государственный план,

колхоз – коллективное хозяйство (слово создано в период коллективизации),

комсомол – Коммунистический союз молодежи,

комсорг – комсомольский организатор,

краском – красный командир,

партбюро – партийное бюро,

партком – партийный комитет,

парторг – партийный организатор,

политбюро – политическое бюро,

политком – политический комитет,

райисполком – районный исполнительный комитет,

райком – районный комитет,

совхоз – советское хозяйство,

соцстраны – социалистические страны и т.п.

В структурном отношении приведенные образования объединяют прилагательное и существительное. Среди них имеются двуслоговые сокращения, слого-словные образования, а также трехслоговые сокращения. Следует отметить высокий словообразовательный потенциал таких, например, сокращений: *комсомол* и производные от него суффиксальные образования: *комсомолец*, *комсомолка*, *комсомольство*, *комсомольский*.

Исключительную активность проявляют в этом процессе морфемы и компоненты типа *сов-*, *соц-*, *ком-*, *парт-*, *полит-*, которые вступают в самые различные сочетания, напр.:

соваппарат – советский аппарат,
совнарсуд – советский народный суд,
совработник – советский работник,
совпартшкола – советская партийная школа,
соцсоревнование – социалистическое соревнование,
комсубботник – коммунистический субботник,
компартия – коммунистическая партия,
партактив – партийный актив,
партбилет – партийный билет,
парторганизация – партийная организация,
партстаж – партийный стаж,
партстройка – партийная стройка,
партработа – партийная работа,
партсъезд – партийный съезд,
партшкола – партийная школа,
политработа – политическая работа,
политсуд – политический суд,
политотдел – политический отдел.

В системе русского языка исключительно сильна тенденция к сокращению и усечению слов, выражений и словосочетаний. Самые активные аббревиации – это звуковая, буквенная, а также с использованием слогов. Составные наименования заменяются в этом случае однословными.

Очередные выпуски *Словаря сокращений русского языка* под ред. Д.Н. Алексеева фиксируют значительный их удел в лексическом фонде: издание 1963 года регистрирует 10 тыс. 500 сокращений, тогда как издание 1977 года насчитывает уже 15 тыс. таких лексических единиц. Это говорит о значительной продуктивности данного способа словообразования: за отмеченный период их количество возросло почти на третью часть. Примечательно то, что в *Новом словаре сокращений русского языка* под ред. Е.Г. Коваленко (Москва 1995) дается расшифровка около 32 тыс. аббревиатур и других сокращений. Их основная масса употребляется в современном русском языке, но в словаре представлена также значительная группа сокращений дореволюционного и советского, а также постсоветского периодов[4]. В 2008 году вышло обновленное издание *Нового словаря сокращений*, около 35 тысяч аббревиатур и других сокращений под редакцией И.В. Фаградянца.

---

[4] Согласно справочно-информационному порталу Грамота.ру, данный словарь считается также наиболее полным онлайн словарем сокращений русского языка на сегодняшний день, см.: Е.Г. Коваленко (ред.), *Новый словарь сокращений русского языка*. Режим доступа: http://www.gramota.ru/slovari/types/17_20

3. Морфология аббревиатурных образований

Среди типичных сокращений оказались буквенные аббревиатуры: еще в 1917 году появилось сокращение *ВЧК* [вэ-че-ка] – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (название существовало до 1922 года). В годы 1918–1922 в употреблении было также сокращение *ЧК* [чэ-ка] – Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. В 1923 году они замещаются аббревиатурой *ОГПУ* [о-гэ-пэ-у] – Объединенное государственное политическое управление. Очередное изменение относится к 1934 году, когда был создан *НКВД* [эн-ка-вэ-дэ] – Народный комиссариат внутренних дел. Широко известно также название *КГБ* [ка-гэ-бэ] – Комитет государственной безопасности.

Приведем другие примеры буквенных аббревиатур:

ВКП(б) [вэ-ка-пэ-бэ] – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) (название существовало в годы 1925–1952),

ВЛКСМ [вэ-эл-ка-эс-эм] – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи,

КПСС [ка-пэ-эс-эс] – Коммунистическая партия Советского Союза,

РКИ [эр-ка-и] или *Рабкрин* – Рабоче-крестьянская инспекция (название существовало в годы 1920–1934),

РКП(б) [эр-ка-пэ-бэ] – Российская Коммунистическая партия (большевиков) (название существовало в годы 1918–1925),

РСФСР [эр-эс-эф-эс-эр] – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика,

СССР [эс-эс-эс-эр] – Союз Советских Социалистических Республик (в декабре 1922 года на 1-м Всесоюзном съезде Советов было принято решение о государственном объединении всех советских народов в Союз Советских Социалистических Республик).

Данным типом были созданы названия различных серий (марок) паровоза, напр.:

СО [эс-о] – Серго Орджоникидзе,

ФД [эф-дэ] – Феликс Дзержинский,

ИС [и-эс] – Иосиф Сталин.

Буквенная модель аббревиатуры представлена также в маркировке электровоза *ВЛ* [вэ-эл] – Владимир Ленин.

Весьма показательны примеры звуковых аббревиатур, напр.:

ЗИС – в маркировке эксклюзивного лимузина, который выпускали в СССР до войны и в годы 1946–1951; данная аббревиатура имела отношение к Московской автомобильной фабрике известной под названием *Завод имени Сталина*, или

ФЭД – в маркировке фотоаппаратов, образование от первых звуков революционного деятеля Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Ср. также другие примеры:

БАМ – Байкало-Амурская магистраль,

ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения (слово возникло в 30-е годы),

ЗАГС – отдел записи актов гражданского состояния,

НЭП, *нэп* – новая экономическая политика: в 1921 г. была принята особая политика, рассчитанная на временное допущение капиталистических элементов и имеющая целью построение основ социалистической экономики,

нэпман – частный предприниматель, торговец времен нэпа (производное от нэп).

Распространенным типом сокращений являются в советский период также слоговые аббревиатуры, напр.:

ГОЭЛРО – Государственная комиссия по электрификации России: в программе преобразования народного хозяйства Советской страны была электрификация. Планом электрификации страны занималась названная комиссия;

Коминтерн – Коммунистический Интернационал;

Ликбез – слово обозначает идеолого-просветительскую кампанию в Советской России по ликвидации неграмотности. Производным от рассматриваемого слова было суффиксальное образование *ликбезник*, т.е. работник *ликбеза*;

Совнарком – Совет Народных Комиссаров: вечером 25 октября 1917 года в Смольном открылся 2-й Всероссийский съезд Советов, провозгласивший переход власти в руки Советов. На этом съезде было создано рабоче-крестьянское Советское правительство – Совет Народных Комиссаров. Председателем Совнаркома был избран Ленин.

Многие из приведенных имен принадлежали к самым употребительным. Они встречались регулярно в периодической печати и общественно-политической литературе. В расшифровке, как правило, тогда они не нуждались. Однако ныне они требуют соответствующих пояснений и комментариев.

4. Тематические разряды аббревиатур

Другие аббревиатурные образования, появившиеся в советский период в меньшей степени или вовсе не нуждаются в пояснениях в силу своей функциональной активности. Такими являются названия самолетов слогового типа, образованные от фамилии конструкторов, напр.:

АН, *Ан* – самолет конструкции О.К. Антонова,

ИЛ, *Ил* – самолет конструкции С.В. Ильюшина,

ТУ, *Ту* – самолет конструкции А.Н. Туполева,

ЯК, *Як* – самолет конструкции А.С. Яковлева.

Примеры звукового типа в данной группе сокращений единичны, напр.: *МИГ*, *Миг* – самолет конструкции А.И. Микояна и М.И. Гуревича.

Среди звуковых аббревиатур имеются названия заводов и марки выпускаемых ими автомобилей:

ГАЗ – Горьковский автомобильный завод, а также автомобиль этого завода,

ЗИЛ – Московский автомобильный завод имени И.А. Лихачева; автомобиль этого завода,

МАЗ – Минский автомобильный завод; автомобиль этого завода.

К данному тематическому разряду примыкает аббревиатурное образование смешанного типа, поскольку первым компонентом является слог, напр.: *КамАЗ* – Камский автомобильный завод.

В советский период были образованы аббревиатуры различных учреждений, предприятий, организаций и т.д., ср. звуковые аббревиатуры:

АЭС – атомная электрическая станция,

ВАК – Высшая аттестационная комиссия,

ГУМ – Государственный универсальный магазин,

ГЭС – гидроэлектрическая станция,

ЖЭК – жилищно-эксплуатационная контора,

МИД – Министерство иностранных дел,

МУР – Московский уголовный розыск,

МХАТ – Московский Художественный академический театр СССР имени М. Горького,

НАТО – организация Северо-Атлантического договора (англ. North Atlantic Treaty Organization),

ОВИР – отдел виз и регистрации иностранцев,

ООН – Организация Объединенных Наций,

США [сша и эс-ша] – Соединенные Штаты Америки,

СЭВ – Совет экономической взаимопомощи,

ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза при Совете Министров СССР,

ТЮЗ – театр юного зрителя,

ЦУМ – Центральный универсальный магазин.

Нередки также буквенные аббревиатуры, ср. названия изданий, школьных учреждений, различных организаций, министерств и даже государств:

БСЭ [бэ-эс-э] – Большая советская энциклопедия,

ВВС [вэ-вэ-эс] – Военно-воздушные силы,

ГТО [гэ-тэ-о] – «Готов к труду и обороне СССР» (физкультурный комплекс),

МВД [эм-вэ-дэ] – Министерство внутренних дел,

МГУ [эм-гэ-у] – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

МСЭ [эм-эс-э] – Малая советская энциклопедия,

ПТУ [пэ-тэ-у] – профессионально-техническое училище,
ФРГ [фэ-эр-гэ] – Федеративная Республика Германии,
ЦРУ [цэ-эр-у] – Центральное разведывательное управление (США),
ЭКГ [э-ка-гэ] – электрокардиограмма.

Аббревиатурное словообразование охватило промышленно-производственную, общественно-политическую, административно-правовую и официально-деловую сферы. В таком контексте, неудивительно мнение современного лингвиста: «Создание аббревиатурных наименований – самый продуктивный способ компрессии многословных названий, особенно названий учреждений, организаций (партийных, общественных, государственных), высших и средних учебных заведений и т.п. Однако эти краткие наименования могут оказаться непонятными для всей массы населения, и в этом их очевидное неудобство» (Валгина 2003: 148).

5. Авторские новообразования. Поиски в области формы и содержания

Новая эпоха изобилует экспериментальными поисками в области формы и содержания, которые предопределяются окказиональными, в том числе идеологизированными, образованиями. Авторские неологизмы того периода наиболее показательны в творчестве В. Маяковского. Они стали самым выразительным средством художественной изобразительности и своеобразной доминантой в его произведениях, воспевающих зачастую идею революции и созидательного труда, например, в поэмах *Облако в штанах*, *Владимир Ильич Ленин*, *Хорошо!* и других текстах. Они продемонстрированы также в сатирических текстах, например, в пьесах *Баня* и *Клоп* или в таких стихотворениях, как *Взяточники*, *Протекция*, *Бюрократиада*, *Канцелярские привычки*, *Прозаседавшиеся*, *Искусственные люди*, *Бумажные ужасы*. Это произведения обличительного характера.

Беспощадным откликом на злобу дня является также стихотворение *Изобретательская семидневка*[5]. Оно адресовано изобретателям, с тем, чтобы они освободили советского человека от тупых чиновников, от бюрократизма, от «зажимателей самокритики», кто тормозит развитие и прогрессивное начало в жизни своим незнанием, равнодушием, разгильдяйством. Ставится задача изобретателям – придумать, сочинить для искоренения различных недостатков ряд приборов и приспособлений, таких как: *электроразжиматель*,

---

[5] Стихотворение было написано в связи с проходившим в Москве 12 и 13 сентября 1929 года Всесоюзным слетом изобретателей. 12 сентября стихотворение передавалось по радио в *Рабочей радиогазете*. Читал сам Маяковский, в приветствии участникам этого съезда. Стихотворение было напечатано в журнале «Изобретатель» в 10 номере за 1929 год.

ватман-ковер, *автоуховерт*, *автомехановышибалу*, *ком-ватер-пас*, *антиволокитоаппарат*. Прокомментируем коротко данные сложения.

Окказиональное образование „*электроразжиматель*" состоит из усеченной и полной основ. Неологизм образован с помощью суффикса. Таким образом, он представляет собой сложносуффиксальный способ словопроизводства. Первая часть словосложения, т.е. усеченный отрезок слова *электрический*, указывает на прибор, работающий с применением тока. Второе слово – глагол *разжимать* (от *разжать*) обозначает раскрытие сжатого, например кулака, увеличение пространства, объема (зажатой пружины), используется поэтом для создания неологизма, который выражает желание художника получить от власти больше свободы, пространства для самостоятельного творчества и активности, зажатых цензурой. Семантика анализируемого фрагмента текста призывает к тому, чтобы не подавлять самокритику, чтобы не сковывать, не ограничивать инициативу личности, а позволить ей свободно проявляться и реализовывать свои планы.

Словосложение *ватман-ковер* образовано на базе двух основ. Первое слово *ватман* восходит к фамилии английского фабриканта Д. Ватмана старшего, которого предприятие изготовило в середине 50-х гг. XVIII века сорт особой очень плотной качественной белой бумаги без ярко выраженной фактуры. Ею охотно пользовались художники и издатели. «Сам Ватман назвал свое изобретение *wove paper* (т.е. веленевой, или буквально, «тканной бумагой»). В русском языке прижилось название в честь изобретателя»[6]. Маяковский, создавая неологизм *ватман-ковер,* подчеркнул не только значительный размер листа, но и напомнил первоначальное ее название «тканная бумага», которое невольно ассоциируется с ковром, как особым видом ткани, которую производят с помощью ткацких станков. Семантика неологизма касается листа бумаги значительных размеров, чтобы наглядно представить новое изобретение, каким является „*автоуховерт*".

А*втоуховерт* – это сложносокращенное слово, где первая основа *авто* соответствует по значению прилагательному *автоматический*. В неологизме содержится также образующая основа глагола *вертеть*, которая определяет характер движения забавного фантастического прибора. Речь идет об изобретении самодвижущегося, самоходного приспособления для чистки ушей чиновников с целью улучшения их слуха, чтобы они наконец услышали голос масс.

Очередная задача изобретателям – придумать „*автомехановышибалу*". Семантика новообразования мотивирована объединением трех основ в одно целое: двух усеченных прилагательных *автоматический*, *механический* и глагола *вышибать*, т.е. резким толчком, ударом прогнать, удалить бюрократов и тех чиновников, которые выполняют свои обязанности формально,

---

[6] *Ватман*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Ватман

бездушно, в ущерб делу. Любопытно также образование „*ком-ватер-пас*”, которое обозначает измерительный аппарат. Неологизм напоминает, разделенный дефисами, термин *компас*, хотя словари отмечают словоформу *ватерпас*. Между его слогами вставляется термин *ватер*.

Необычным значением характеризуется также словоформа „*завтраками*”, которая имеет отношение к советским учреждениям и канцеляриям (ср. «*...если „завтраками” вас томят – ...*»). Это семантический неологизм, поскольку уже существующее в языке слово используется для выражения нового понятия. Общеупотребительная номинация в данном случае подвергается своеобразному переосмыслению. Истолкование фразы с этим словом следующее: вместо того, чтобы помочь посетителю в оформлении его служебных дел, многие чиновники медлят с выполнением задач, тянут время, отсылают на завтра. Необходимо поэтому изобрести „*антиволокитоаппарат*”. Семантика неологизма мотивирована сложением аффикса *анти-* и двух слов *волокита* и *аппарат*. Повествуется о создании устройства, способного преодолеть формализм и бюрократизм, противостоящего волоките, т.е. недобросовестному, нарочито-медлительному решению административных дел.

Рассмотренные новообразования примыкают преимущественно к научно-технической терминологии, хотя сами по себе названия приборов, машин и механизмов являются юмористическими. Неологизмы образованы от известных слов по определенным нормативным схемам. Значительная группа слов представляет собой объединение двух и трех основ. Некоторые из них выступают в усеченном виде, другие отличаются от производящих словообразовательным формантом – наличием префикса или суффикса.

Круг неологизмов Маяковского, с помощью которых поэт обновляет традиционную структуру стихотворной речи, самый разнообразный[7]. Показательны с этой точки зрения, в частности, и такие образования, как *пианинить* (играть на пианино), *виолончелить* (играть на виолончели), *разрозились* (надушились духами), *голоштанный* (бедный), *бюрократиада* (песнь о бюрократизме), *обывателиада* (героическое повествование об обывателе), *редакторат* (коллегия редакторов), *рассоциализм* (иронически о социализме в высшей степени), *социалистичничать* (выдавать себя за социалиста; быть социалистом на словах), *рассерьезничались* (стали слишком серьезными), *пионята* (то же, что пионеры младшего возраста), *нэпчик* (пренебрежительно о частном предпринимателе периода нэпа) и даже вульгаризмы, например в выражении *задолицая полиция* (с лицом подобным заду).

---

[7] Созданные поэтом неологизмы представлены в специальном лексиконе: Н.П. Колесников, *Словарь неологизмов В.В. Маяковского*, под ред. Н.М. Шанского, Тбилиси 1991. В нем представлено около двух тысяч словарных статей, содержащих толкование неологизмов и примеры их употребления.

Подобные неологизмы являются весьма образным и ярким приемом поэтического изложения, который оживляет слог писателя. Важно отметить, что неологизмы Маяковского представляют собой яркие примеры окказионализмов, но именно они как раз и усиливают выразительность художественного повествования поэта. Его неологизмы стали приметой своего времени, не теряя, в ряде случаев, оттенка новизны и сегодня.

6. Структурно-семантические особенности новообразований

Некую произвольность и абсурдность аббревиатурных новообразований сатирически высмеивали писатели. Образование сложносокращенных слов в советский период интересно описывает средствами художественной литературы М. Зощенко. Особенно нелепыми и смешными казались писателю длинные и уродливые сокращения типа *райжилстройброй* или *кройбейшвей*. Вопрос продемонстрирован в фельетоне *О вывесках*, где рассказчик негодует по этому поводу: «В другой раз глядишь на вывеску, будучи уже, как говорится, взрослым оболтусом, и вроде как не понимаешь, что к чему. В другой раз даже мысль отказывается работать в данном направлении. По-моему, некоторые вывески могут даже создать тревожное состояние у ребенка. Не скажу, что ребенок от этого заболеет или станет умственно отсталым, но некоторая тень может лечь на неокрепший мозг. Особенно озадачивают такие вывески, например: „Райжилстройброй" или „Кройбейшвей"» (Зощенко 1986: 2, 438).

Исходное словосочетание в случае отмеченных образований затемнено. Структура данных сокращений имеет неясную внутреннюю форму и нуждается в пояснении. В такого типа сокращенных образованиях понимание их содержания строится на одних догадках.

Нагромождение в русском языке непонятных монументальных и нелепых сокращений является своего рода проявлением порабощения властями человека, для которого становятся неясными даже названия, действующих в государстве организаций. Очень забавно представил это в сатирическом рассказе *Три копейки* Булгаков. Со старшего стрелочника станции Орехово, который пришел за своим скромным жалованием (25 р. 80 к.), плательщик берет плату на разного рода непонятные организации: ТПО, Москвошвей (Булгаков 1989: 2, 472). За бедным рабочим, от зарплаты которого остаются лишь три копейки, выстраивается длинная очередь представителей таинственных учреждений, ожидающих материальной поддержки. Это – МОПР, Доброхим и Доброфлот (там же).

В данной главе были продемонстрированы различные аббревиатурные образования, передающие реалии советской эпохи. Многие из них перешли в разряд устаревших, в пассивный лексический запас. Приобретая статус историзмов, они стали свидетельством разросшейся в советское время

бюрократии, часто подавления личности человека. Некоторые аббревиатуры (напр.: *ЧК*, *НКВД*) в истории русского языка превратились в мрачные символы насилия, преступных действий, красного террора. Их ужасающее значение останется в памяти потомков, как позорная страница неудачного социально-политического эксперимента коммунистов после 1917 года, ценой которого была жизнь миллионов невинных человеческих жертв.

V. Язык политических лозунгов, воззваний и цитат

1. О ключевых понятиях в смысловой структуре лозунгов

Октябрьская революция 1917 года внесла существенные изменения во многих областях жизни. Политической индоктринации большевиков служили определенные лозунги, которые должны были стать новым моральным кодексом для масс. Чтобы элиминировать политическую оппозицию в этой области, коммунистами «Уже через две недели в числе первых распоряжений власти был издан декрет „О введении государственной монополии на объявления”. Важнейшим „достижением” большевиков было запрещение печатать объявления где-нибудь, кроме газет, издаваемых Советами в провинции и Центральным Советом в Питере для всей России. Декретом была введена монополия на печатание за плату объявлений в периодических изданиях, равно в сборниках и афишах, а также сдача объявлений в киоски, конторы и учреждения» (Полюшкова 2005). Таким образом, государство стало полностью контролировать язык рекламы и лозунгов, что способствовало монументализации и увеличению значения новой власти в сознании граждан.

После революции в пропагандистских целях использовался ряд терминов. Они имеются в составе многих лозунгов, пройдя определенный путь в своей эволюции, о чем свидетельствуют лексикографические материалы. Рассмотрим с этой точки зрения термин *авангард* (из фр.), который вошел в состав ряда лозунгов, напр.: *Коммунистическая партия – авангард и вождь пролетариата*; у В.И. Ленина: *Передовой авангард и рядовая рабочая масса*; *Комсомол – авангард наших сил в деревне*.

Отмеченный выше термин в приведенных лозунгах соотнесем в сравнительно-сопоставительном аспекте со словарными определениями, которые составлялись в разное время:

В ЭС (1953) содержится следующая дефиниция: «АВАНГАРД, соединение, часть или подразделение, следующее на определенном расстоянии впереди главных сил в качестве органа походного охранения на марше. [...] Задача А. – обеспечить охраняемым войскам беспрепятственный марш и выгодные условия вступления в бой» (ЭС: 1, 12).

Ср. толкование в О-9 (1972): «1. Часть войск (или флота), находящаяся впереди главных сил. 2. *перен*. Передовая, ведущая часть какой-н.

общественной группы, класса. *Коммунистическая партия – закаленный в боях а. советского народа. В авангарде борьбы за мир* (впереди, в первых рядах)» (О-9: 20);

в ОШ-4 (1997): 1-е значение совпадает с О-9. «2. *перен*. Передовая, ведущая часть какой-н. общественной группы. *В авангарде демократического движения* (впереди, в первых рядах)» (ОШ-4: 16).

Ср. также словарную статью в ТССРЯ-ХХ (2001): «В советск. время: лидирующая часть господствующей общественной группировки, класса (о коммунистической партии, пролетариате и т.п.). *Большевистский а. Находиться в авангарде рабочего класса. А. коммунистической партии.*[...]» (ТССРЯ-ХХ: 2). Итак, данная дефиниция содержит семантический конкретизатор *в советское время*. Статья к тому же сопровождается графическим знаком, указывающим на переход слова в пассив.

Из сравнения следует, что в советский период понятие *авангард* расширило свою семантику, выходя за пределы военного термина и приобретая идеологические коннотации. На особенности его употребления указывают приведенные речения в О-9 и ТССРЯ-ХХ.

2. Язык марксистско-ленинских лозунгов и воззваний

Революционные и партийные лозунги имели своей целью возбуждать и направлять революционно настроенную молодежь, а также рабочие массы и «передовое крестьянство», на революционный подвиг и защиту классовых интересов. Ниже представлены характерные марксистские и ленинские лозунги:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Лозунг коммунистического манифеста. Этим призывом заканчивается первый программный документ марксизма «Манифест Коммунистической партии». Написан К. Марксом и Ф. Энгельсом по поручению 2-го конгресса (1847 год) Союза коммунистов. Данный лозунг был постоянно на вооружении советских партийных властей.

Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма

Это начальная фраза, открывающая «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Лозунг впервые прозвучал в 1848 г. в Лондоне. Для большевиков это был своеобразный предвестник неизбежных грядущих революционных изменений в мире. Данное заявление в условиях Советской России имело статус одной из программных фраз. Ср.: R-PSSS: 442.

Вся власть Советам!

Известный лозунг Ленина, провозглашенный им в Апрельских тезисах в Петрограде на собрании большевиков 4 апреля 1917 г. Лозунг был практическим руководством захвата власти силой, путем вооруженного восстания,

что нашло также отражение в исторических письмах, которые в сентябре 1917 г. пишет Ленин комитетам партии: *Марксизм и восстание* и *Большевики должны взять власть*. Все это и осуществилось в ночь с 25 на 26 октября (7–8 ноября), когда началась Октябрьская социалистическая революция. В итоге предпринятых революционных действий власть перешла тогда фактически к большевикам.

Социалистическое отечество в опасности!

С данным декретом-воззванием к народу обратился Ленин в феврале 1918 г. в связи с тем, что Советской России угрожали немецкие интервенты. Призыв Ленина вызвал мощный революционный подъем в стране. В его итоге создаются отряды новой армии – Красной Армии, которая 23 февраля 1918 г. одержала первую победу под Псковом и Нарвой над немецкими оккупантами. Эта дата стала днем рождения Красной Армии.

Всё для фронта!

Данный лозунг выдвинул Ленин в связи с начавшейся летом 1918 г. иностранной военной интервенцией и гражданской войной. В помощь фронту рабочие организовали в тылу субботники. Первый массовый субботник провели 10 мая 1919 г. рабочие Московско-Казанской железной дороги.

Любопытно отметить тот факт, что после смерти Ленина в 1924 г. осуществлялось массовое вступление в Компартию (было принято ок. 250 тыс. человек). Оно известно под лозунгом *Ленинский призыв в партию*.

Коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация всей страны.

Эта программная фраза содержится в статье Ленина «Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии», а также в его докладе, с которым выступил 22 декабря 1920 г.: «Если не перевести Россию на иную технику, более высокую, чем прежде, не может быть речи о восстановлении народного хозяйства и о коммунизме. Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны, ибо без электрификации поднять промышленность невозможно» (ср.: R-PSSS: 247).

Каждая кухарка должна научиться управлять государством.

Данная фраза соотносится с содержанием статьи Ленина 1917 г. «Удержат ли большевики государственную власть?», в которой отмечено: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас вступить в управление государством. Но мы […] требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т.е. к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту». Таким образом,

возлагается большая ответственность за управление государством на простых трудящихся (ср.: R-PSSS: 231).

Лучше меньше, да лучше.

Данный лозунг использовал Ленин в названии своей статьи 1923 г. Это контаминированное образование, восходящее к пословице *Лучше поздно, чем никогда* и крылатому выражению *Числом поболее, ценою подешевле* из «Горе от ума» А. Грибоедова (см. на эту тему в R-PSSS: 273). В упомянутой статье, которая является продолжением статьи Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин», изложена теория о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране (см. об этом в ЭС: 2, 289–290).

Учиться, учиться и [ещё раз] учиться.

Ленинский призыв-лозунг, восходящий к его статье «Лучше меньше, да лучше», который требовал тщательного подбора кадров и постоянной проверки выполнения ими решений партии. Показательны в этом отношении его строки: «Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых, учиться, во-вторых – учиться и в-третьих – учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или мертвой фразой...». В советский период лозунг приобрел статус официального изречения для молодежи (см.: R-PSSS: 591).

3. Сталинская риторика

Из фонда десятков сталинских цитат небезынтересно рассмотреть самые популярные в свое время изречения. Они появились в публичных высказываниях И.В. Сталина, став на многие годы определяющими в политической жизни государства.

Труд – дело чести, доблести и славы (геройства).

Данная фраза прозвучала в отчетном докладе, с которым Сталин выступил на XVI съезде ВКП(б) 27 июня 1930 г.: «Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно […] превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства». Фраза стала своеобразным лозунгом, который появлялся на воротах советских лагерей. См. также: R-PSSS: 568.

Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей.

Лозунг 30-х годов. Он прозвучал в речи Сталина, с которой выступил на первом всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 года, ср.: «Основой стахановского движения послужило прежде всего коренное улучшение материального положения рабочих. Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится». См. также: R-PSSS: 184–185.

Кадры решают все.

Лозунг восходит к речи Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года: «Старый лозунг *техника решает все*, являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, – должен быть заменен теперь новым лозунгом, лозунгом о том, что *кадры решают все*». Ср.: R-PSSS: 230.

Товарищи! Граждане! Братья и сестры!

Этими словами Сталин обратился по радио к советскому народу в июле 1941 года. Это было его первое с начала войны обращение. Затем последовали фразы: «Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» Текст обращения был воспроизведением граммофонной записи, сделанной на даче Сталина в Гагре, оттуда, в момент ее эмиссии по радио, Сталин возвращался в Москву, куда прибыл на двенадцатый день после гитлеровской агрессии, совершенной 22 июня 1941 года, на Советский Союз. Выступление Сталина необходимо расценивать в историческом контексте[1], в том числе в аспекте явных и тайных договоренностей СССР с Германией и их последствий на судьбы Польши и балтийских стран.

4. Лозунги в плакатной пропаганде

Самым известным лозунгом данного типа является *Родина-мать зовет!*

Этот краткий призывной лозунг использовал в агитационных целях на своем плакате художник И.М. Тоидзе. Плакат был им создан в первом году Великой Отечественной войны 1941–1945. На нем изображен суровый облик простой женщины, призывающей соотечественников на борьбу с гитлеровской Германией[2]. Женщина представлена на фоне поднятых вверх винтовок со

---

[1] Лингвистический анализ данного выступления, его семантико-синтаксическое построение и использованные Сталиным риторические приемы, на фоне исторических данных и фактов представлены нами в специальном очерке (Stepnowska, Wierzbiński 2002).

[2] В правой руке она держит развернутый лист бумаги с текстом военной присяги: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников. Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству. Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами. Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся» (Международная... 1975: 34).

штыками. Изображение восходит к кинокартине «Мать» В. Пудовкина, снятой в 1926 г. по одноименному роману М. Горького (см.: R-PSSS: 486).

На ином плакате[3] содержится лозунг *Беспощадно разгромим и уничтожим врага!* с изображением советского солдата, который целится винтовкой со штыком в голову карикатурно изображенного Гитлера, испуганно смотревшего сквозь большой лист бумаги с Договором о ненападении между СССР и Германией (в правом нижнем углу он подписан: *Кукрыниксы-41 г.*).

Лозунги часто сопровождались графическими изображениями. Так, на плакате 1943 года известного карикатуриста В. Дени, изображена метла (ассоциируется с выметанием грязи, мусора; с удалением отходов) «как продолжение винтовки в руках красноармейца: на винтовке написаны названия выигранных битв, а лозунг гласит: *Красной Армии метла нечисть выметет дотла.* […] на левой стороне плаката (это значит на Западе) летят по воздуху изображенные маленькими и звероподобными обезоруженные нацистские офицеры. В 1945 г. будущее время сменяется прошедшим, указывающим на свершившееся действие: *Метла Красной Армии вымела всю нечисть*, при этом на выполненной красным цветом надписи черным выделяется слово „нечисть", а красноармеец топчет разорванное нацистское знамя» (цит. по: Вайс 2008: 20). В пропагандистском арсенале графических объектов постоянно применялась метла как символ удаления всех видов нечисти.

Различные лозунги пропагандистского характера засвидетельствованы также в литературных текстах. Яркий пример содержится в рассказе М. Зощенко *Землетрясение*. Представлен случай, происшедший с одним сапожником, который выпил лишнее и заснул во дворе не заметив даже, что произошло землетрясение. Проснувшись выпил остальную долю и опять заснул. На этот раз его обокрали и раздели, оставив в одних кальсонах. Рассказчик своим произведением «выступает против пьянства. […] Автор хочет сказать, что выпивающие люди не только другие более нежные вещи – землетрясение и то могут проморгать». И поясняет: «Или как в одном плакате сказано: «*Не пей! С пьяных глаз ты можешь обнять своего классового врага!*» (Зощенко 1986: 1, 443–444). Реплика не лишена сатирического характера, однако она весьма символична для изображаемой действительности.

Не менее показательный очередной пример использования лозунга с идеологической маркировкой. Он содержится в *Рассказе о человеке,*

---

[3] Плакатное искусство было самой массовой формой политической агитации в годы Великой Отечественной войны. Среди наиболее значительных художников советского плаката были: Д.С. Моор, В.Н. Дени, М.М. Черемных, В.С. Иванов, В.Б. Корецкий, А.А. Кокорекин, Л.Ф. Голованов и Кукрыниксы, представляющие собой творческий коллектив графиков и живописцев в лице Михаила Куприянова, Порфирия Крылова и Николая Соколова. Поясним, что термин-псевдоним *Кукрыниксы* составлен из первых слогов фамилий двух первых авторов, а также начала имени и первого звука фамилии третьего художника.

которого вычистили из партии. Выбросили работника парикмахерской за злоупотребление алкоголем. Повествуется о том, что в пьяном виде он оказался в конторе, где «сорвал со стены все лозунги и санитарные плакаты. И одним картонным плакатом с надписью: *Не пьет, не курит пионер, – берите, взрослые пример* – побил даже председателя» (Зощенко 1987: 3, 383).

5. Идеологически маркированные лозунги и выражения

В рамках антирелигиозной кампании большевики провозгласили лозунг: *Борьба с религией есть борьба за социализм*.

Популярны были лозунги, которые призывали к революционным действиям, напр.: *Революция – паровоз* (или *локомотив*) *истории*.

Известны лозунги, посвященные Ленину. Их составляли нередко писатели и поэты, среди которых был В. Маяковский, напр.: *Ленин и теперь живее всех живых*. Данное выражение содержится в начале поэмы Маяковского *Владимир Ильич Ленин* (1924), ср.: «Время, снова ленинские лозунги развихрь. / Нам ли растекаться слезной лужею, – / Ленин и теперь живее всех живых. / Наше знанье – сила и орудие». В советский период данное авторское изречение было использовано в качестве официального партийного лозунга (см.: R-PSSS: 266).

Показательны также другие лозунги поэта, напр.: *Мир, труд, май!* – эта цитата из Маяковского превратилась в лозунг, который вывешивался в СССР на майские праздники (1–2 и 9 мая).

Пропагандистскую роль, особенно среди молодого поколения 70–80-х годов XX в., сыграло воззвание *Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым*. Эта фраза представляет собой название и припев песни А. Пахмутовой, сочиненной по тексту Н. Добронравова. Фраза стала лозунгом как комсомольских деятелей, так и ветеранов труда (см.: R-PSSS: 325–326).

Для политической коммуникации советского периода характерна высокая степень метафорической насыщенности. Система таких метафор обнаруживается в самых различных лозунгах, что является важной частью национальной языковой картины мира, национальной ментальности. Среди таких метафорических образов выделяется выражение *Светлое будущее*. В советское время данное выражение употреблялось для обозначения коммунистического общества. Выражение получило широкое применение в публицистике. Оно было официально введено в Программу КПСС в 1961 году.

Ярким примером является также выражение *Новый человек*. Идея *нового человека* является, по словам А. Синявского, «краеугольным камнем» советской цивилизации (Синявский 1989: 158). Понятие *новый* в пореволюционной культуре совпадает с *советский*. Данным термином «именуется образцовый обыватель нового созидательного мира. [...] в „новом человеке" сосредоточен конгломерат иллюзий, касающихся возможного

усовершенствования человеческой личности, набор лучших свойств человека. Среди этих средств самыми важными выдвигаются преданность высшей цели, делу коммунизма, подавление личных интересов за счет общего блага и коллективизма, активность, переход от идеи к действию» (там же: 159–160).

В начале 30-х годов XX в. тема *нового человека* перерастает в центральный советский миф[4]. В течение 20-х годов его идеалом является революционер, в дальнейшем приобретающий черты советского *героя труда*. Коллективная природа *нового человека* выражается сначала в мистическом растворении собственного *я* в массе, потом конкретизируется в сознательную принадлежность к рабочему коллективу.

Известны различные попытки реформировать социализм с целью усовершенствования государственного устройства. Показательно в этом отношении выражение *Социализм с человеческим лицом*. Прозвучало оно в телевизионном выступлении партийного деятеля Чехословакии А. Дубчека, которое было затем опубликовано в газете «Rudé Právo» от 19 июля 1968 г. (R-PSSS: 534) и получило широкую известность в соцстранах.

6. Социальные, производственные и экономические лозунги

В период строительства социалистического общества была установка на общественное питание, тем более что в коммуналках имелись маленькие кухни, предназначенные для нескольких семей. Государство с его партийным аппаратом отводило женщине скорее место на социалистической стройке или на другой общественной работе, нежели в семье и дома, в том числе на кухне, что – как это не парадоксально – официальной пропагандой расценивалось как рабство. Подтверждает данную установку лозунг *Долой кухонное рабство!*

Во времена Л. Брежнева популярен был лозунг *Экономика должна быть экономной.*

Небезынтересен и такой лозунг: *Отходы – в доходы!*

Автор данной монографии за время учебы в Ростовском государственном университете им. М. Суслова (1972–1976 гг.) и затем пребывания там же в аспирантуре (1979–1983 гг.) неоднократно столкнулся с различными лозунгами, в том числе экономического характера. Один из них касался

---

[4] *Новый человек* мыслится как оппозиция к человеку старому. *Старым человеком* выступал прежде всего буржуй, что воспроизводят многие литературные произведения. Ср. сцены ликвидации буржуазии, например, описание массового расстрела в *Чевенгуре* Платонова и изгнание местной буржуазии в *Цементе* Гладкова. В качестве примера можно привести также образ Глеба Чумалова из *Цемента* или главного персонажа *Доменной печи* Н.Н. Ляшко. Оба героя отказываются от семейной жизни и домашнего уюта, основывают коммуну и терпят личные неудобства ради будущей светлой жизни.

сортировки органических отходов. На мусорных ящиках были наклеены воззвания *Отходы – в доходы!*

Данный лозунг используется также сегодня, хотя касается другого ассортимента отходов, с чем мы встретились в телевизионном сообщении (НТВ Мир) от 24.09.2009 г. в программе «Сегодня» по поводу изобретателей из Красноярска. Они производят топливо в процессе утилизации пластиков. Такое горючее из полимеров, т.е. из пластиковых отходов, сопровождается лозунгом *Отходы – в доходы!* Итак, уже знакомый лозунг находит очередное обновленное применение.

7. Лозунги в современном контексте

Многие лозунги и выражения советского периода используются в другом оценочном и прагмалингвистическом плане; они чаще всего представляют собой языковое средство иронии, пародии и сатиры. С времен перестройки употребляются с оттенком иронии следующие лозунги: *Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма*; *Учиться, учиться и [ещё раз] учиться*; *Ленин и теперь живее всех живых* и др. (ср. эти лозунги в R-PSSS).

Наблюдается это в случае выражения *Светлое будущее*. В Словаре перестройки В.И. Максимова с 1992 года (СП) оно с пометой *Ирон*. (ироническое) и поясняется как «Неосуществленный идеал жизни советских людей – коммунистическое общество». Одна из цитат взята из *Литературной газеты* (от 03.10.1990): «Наше мрачное настоящее – светлое будущее наших отцов». Ироническую коннотацию современного употребления выражения *светлое будущее* отмечают ТССРЯ-XX: 96 и R-PSSS: 204. Последний, отсылая к материалам ТСЯС, уточняет, что данное выражение стало заголовком повести А. Зиновьева с 1978 г.

С пометой *Ирон*. также начальная часть пропагандистского лозунга *Все для человека*, который использовался широко в годы застоя. Максимов приводит при лозунге пример из журнала *Нева* (90, № 11): «Бюрократическая система маскируется бумажными лозунгами, на словах повторяя *Все для человека*, а на деле попирает и унижает этого самого человека» (СП: 38).

Иронически воспринимается концепция строительства первой фазы коммунистической формации, запечатленная в выражении *Развитой (реальный) социализм*. Данное выражение стало применяться в брежневский период партийными кругами как обозначение социально-экономического строя в Советском Союзе 70-х – начала 80-х годов (там же: 183).

Ярким примером является также выражение *Новый человек*. В постсоветский период оно стало сопровождаться коннотацией иронии, что и отмечено в словарях. В СП статья *новый человек* сопровождается оценочной пометой *Ирон*., за которой приводится толкование: «Представление о совершенной человеческой личности, якобы отвечающей идеалам коммунистического

общества и формирующейся только в условиях социализма». Данное выражение проиллюстрировано примером из *Российской газеты* (от 25.09.1991): «Мечта о „новом человеке" – непременная черта утопических теорий. Светлое будущее характеризуется не только идеальным общественным устройством и изобилием всех и всяческих благ; дивный новый мир порождает и нового человека – лишенного эгоизма, корыстолюбия, способного забывать о себе и жить только жизнью общества. Новый человек коммунизма – это не религиозный человек, подлинная жизнь которого протекает не среди людей, а в мире ином; это, конечно, не биологический человек, живущий по принципу удовольствия; тем более это не экономический человек буржуазного общества – счетная машинка, вычисляющая вероятности прибылей и убытков» (там же: 135).

Коннотацией иронии сопровождается выражение *театр абсурда*. Данная метафора оценивает, подчеркивая специфику политической ситуации советского периода. Политическая ситуация сравнительно недавнего прошлого осмысливается метафорически как *театр абсурда*. Такие метафоры возникают при отрицательном отношении к объекту. СП относит данное выражение к новым и поясняет: «О советской действительности, события которой часто развиваются вопреки здравому смыслу, вопреки нормальной человеческой логике», цитируя затем пример употребления из газеты *Смена* (от 18.04.1990): «Сегодня нужно брать откуда-то силы, чтобы не сойти с ума в театре абсурда, каковым предстает наша жизнь. (Кстати,.. это название – театр абсурда – стало нарицательным по отношению к нашему бытию» (там же: 213). Эта цитата использована также в ТССРЯ-XX, где поясняется фразеологизм *театр абсурда*: «о нелепом, бессмысленном действии, факте; о действительности, лишенной здравого смысла и логики; обычно о советской и постсоветской действительности».

Распростаненным выражением иронического характера является также *Гомо советикус / хомо советикус*; *гомосос*. По СП – это «Человек советский (по аналогии с „хомо сапиенс /человек разумный/" – латинским наименованием биологического вида)». Данное толкование сопровождается примером из *Огонька* (90, № 30): «В Советском Союзе „выведена" невиданная доселе природа людей, которые одни только и могли построить то, что построили.. „Хомо советикус" – это диагноз.. В чудовищном тоталитарном государстве, созданном Сталиным, были невероятно деформированы представления о добре и зле, все происходящее напоминало дурной сон» (там же: 231). Ср. также толкование указанного выражения в ТССРЯ-XX, в котором приводится тот же иллюстративный материал.

Обширный комментарий на тему выражения *Гомо советикус*, т.е. человека, чье мышление и поступки обусловлены ценностной системой коммунистической идеологии, содержится в R-PSSS. В Словаре подчеркивается, что сущность данного выражения раскрывается в ряде текстов А. Зиновьева («Гомо

советикус», «Зияющие высоты», «Светлое будущее», «Желтый дом»), а также в произведениях Замятина, Войновича, Синявского и других (R-PSSS: 138).

Иронического характера выражение *Не могу поступиться принципами*. Оно стало крылатым после публикации в газете «Советская Россия» (от 13.03.1988) статьи под этим названием. Ее автором была преподавательница марксизма-ленинизма Ленинградского технологического института Н. Андреева, которая отрицательно отнеслась к самой идее гласности и перестройки, проводимой Горбачевым (СП: 130, 132, 166; см. также R-PSSS: 323–324).

В перестроечный период многие лозунги стали актуализироваться. Примером может послужить большевистский лозунг *Вся власть Советам!*, о котором в СП (1992) сказано, что он «вновь стал актуальным в период перестройки в связи с вопросом о предоставлении реальной власти Советам народных депутатов на всех уровнях, от местных Советов до Верховного Совета СССР». Данное пояснение сопровождается примером из газеты «Советская культура» (от 08.07.1989): «Сегодня мы знаем, что многие идеи Октября были трансформированы до неузнаваемости, что лозунг *Вся власть Советам!* так и не был перенесен с транспарантов в жизнь» (СП: 39).

В период перестройки в демократических кругах модным был лозунг о Советском Союзе *Долой империю!* Он приобрел особое значение, поскольку это воззвание осуществилось. Распад Союза стал фактом. Период ознаменован выходом из его состава независимых национальных государств (там же: 78).

Обобщая сказанное в этой главе, отметим тематическое разнообразие лозунгов, воззваний и цитат советского и постсоветского периодов. Они тесно связаны с историей народа, общественно-политической ситуацией. Многие из них призывали к революционным действиям и подъему производства. Они создавались на метафорической основе, что является достаточно универсальным механизмом познания и осмысления мира.

VI. Имена собственные с идеологической маркировкой

Политическую реальность России послереволюционного периода отражают в значительной степени новообразования в кругу личных имен. Они засвидетельствованы в ряде лексикографических источников, см. напр.: Н.А. Петровский, *Словарь русских личных имен* (Петровский 1996); А.В. Суперанская, Ю.М. Гусев (ред.), *Справочник личных имен народов РСФСР* (Суперанская, Гусев (ред.) 1987); А.Н. Тихонов, Л.З. Бояринова, А.Г. Рыжкова, *Словарь русских личных имен* (Тихонов, Бояринова, Рыжкова 1995); M. Przygoda (ред.), *Mały słownik imion i nazwisk rosyjskich* (Przygoda (ред.) 1980)[1].

До революции новорожденным присваивали в России имена от крещения. В церковных книгах велась регистрация крестных имен. После 1917 года данный принцип не соблюдается из-за насаждения всеобщего атеизма и государственной политики секуляризации, т.е. полного отделения и освобождения государства от церкви. Официальный учет личных имен осуществлялся в метрических книгах специальными государственными органами в ЗАГСах.

Списки новорожденных в обильном количестве включают имена, которые придумывали своим детям сами родители. В результате их ономатопоэтической деятельности в метрические списки вносились, в частности, следующие имена: *Миоль* – имя сыну, или *Миолина* – имя дочери, как сложение начальных сегментов имен родителей – *Михаил* и *Ольга*. В свою очередь,

---

[1] Иллюстративный языковой материал в этой главе взят нами, в основном, из указанных словарей. Внимания заслуживают также другие лексиконы и научные разработки, см.: А.В. Суперанская, *Современный словарь русских имен* (Суперанская 2005); А.В. Суперанская, *Словарь русских личных имен* (Суперанская 2006); А.М. Селищев, *Язык революционной эпохи*... (Селищев 1928: 189–191 и др.); Л.А. Введенская, Н.П. Колесников, *От собственных имен к нарицательным* (Введенская, Колесников 1981: 12–30 и др.); А.В. Суперанская, *Имя через века и страны* (Суперанская 1990); А.В. Суперанская, А.В. Суслова, *О русских именах* (Суперанская, Суслова 2008); А. Чайковская, *Новая тенденция*... (Чайковская 1998). См. также: С.Г. Бархударов (ред.), *Орфографический словарь русского языка* (Бархударов 1982), где в списке мужских имен приводятся: *Вилен*, *Виленин*, *Владилен*, *Владлен*, *Донат*, *Ким*, *Марлен*, а в списке женских имен отмечены: *Вилена*, *Виленина*, *Владилена*, *Владлена*, *Зарема*, *Ленина*, *Марксина*, *Марлена*, *Мирра*, *Нинель*, *Ноябрина*, *Октябрина*, *Ревмира*, *Рената*, *Ульяна*.

дочка *Владимира* и *Екатерины* могла получить имя *Владикатра*. Из сложения имен отца *Лев* и матери *Анна* образуется имя *Леванна*.

Однако большинство новых имен, которые стали появляться в русском языке после Октября, отличается идеологической маркировкой. Воцарилась своеобразная мода на имена, связанные с революцией, ее вождем, с революционными лозунгами и символами.

1. Образование личных имен, связанных с К. Марксом и другими деятелями коммунистического движения

Обзор иллюстративного материала начнем с имен, связанных с революционными деятелями, марксистами и деятелями советского государства. В качестве имен использовались следующие названия: *Маркс*, *Марксина*, *Кара* (все от *Карла Маркса*), *Марксэн* (от *Маркса* и *Энгельса*), *Энгельс*, *Энгельсина*, *Тельман* (от *Эрнста Тельмана*), *Сталина*. В этой группе имен в основу положены преимущественно фамилии, образованные иной раз с помощью суффиксальных формантов (*Марксина*, *Энгельсина*). Имеется также словесно-слоговое образование (*Марксэн*).

Ниже приводятся примеры имен, образованных от первых звуков нескольких названий и определений, т.е. примеры инициальных аббревиатур-имен:

Лорикэрик – имя образовано от начальных звуков слов: *Ленин*, *Октябрьская революция*, *индустриализация*, *коллективизация*, *электрификация*, *радиофикация и коммунизм*;

Лориэкс – данное аббревиатурное имя создано от первых звуков следующих названий: *Ленин*, *Октябрьская революция*, *индустриализация*, *электрификация*, *коллективизация*, *социализм*;

Мэлор – имя образовано от начальных звуков следующего набора слов: *Маркс*, *Энгельс*, *Ленин*, *Октябрьская революция*;

Рэм – инициальная аббревиатура от первых звуков слов: *революция*, *Энгельс*, *Маркс*.

Путем объединения начальных фрагментов *Маркс* и *Ленин* образовались именные формы *Марлен* и *Марлена*. Имя *Лентрош* представляет собой аббревиатуру смешанного типа – два слога и звук от слов: *Ленин*, *Троцкий*, *Шаумян*. Словно-слоговым является имя *Марксида* от выражения *Марксистская идея*.

2. Личные имена, образованные от фамилии вождя революции

В качестве имен стали функционировать также названия *Ленин* и *Ленина*. Фамилия *Ленин*, читаемая в обратном порядке, образует имя *Нинель*[2].

---

[2] Таким же образом создавались имена от топонимических названий, напр.: *Авксома* – от *Москва*. Можно также встретить другое толкование происхождения данного имени – от составного названия *авангард коммунизма советская молодежь*.

В рассматриваемый период образовались различные типы аббревиатур от фамилии вождя революции, напр.:

популярным стало имя *Вил* – звуковая аббревиатура от *Владимир Ильич Ленин*; повсеместно в употреблении оказались формы *Вилен* и *Вилена* – в составе этих имен имеются инициалы и часть фамилии;

в структуре имен *Виленин* и *Виленина* имеются инициалы и фамилия;

путем сложения начальных сегментов от *Владимир Ленин* образовались *Владлен* и *Владлена*;

похожие именные формы образуют *Владилен* и *Владилена*, в которых первые слоги объединяет начальный звук отчества.

Обращает на себя внимание имя *Роблен*, которое образовано путем сокращения выражения *родился быть ленинцем* (родился для того, чтобы защищать идеи Ленина); имя образуют соответственно слог от первого слова, звук от второго и начало третьего слова.

Имена, связанные с Лениным, содержат в своей структуре зачастую революционный компонент, напр.:

Лемира – сокращение от *Ленин* и *мировая революция*, имя образовано путем сложения первых слогов и звука слов, входящих в данное сложение;

Вилор, *Вилора* – сокращение от *Владимир Ильич Ленин* и выражения *организатор революции* или *Октябрьская революция*; это типичная звуковая аббревиатура.

3. Образование имен, связанных с революционными событиями

Многие имена, которые были созданы после революции, своим происхождением обязаны этому событию. Следует отметить прежде всего тот факт, что в качестве имени стал функционировать сам термин *революция*. В данном случае, предположим, дочка *Ивана* – это *Революция Ивановна*. Чтобы подчеркнуть уважение к октябрьским событиям, были использованы названия месяцев по старому и новому календарю, т.е. от *октября* появились имена *Октябрин* и *Октябрина*, от *ноября* была образована женская форма имени *Ноябрина*. От термина *революция* были созданы сокращенные формы имен: *Рев*, *Рево* и *Рева,* содержащие начальный сегмент слова, а также *Люция*, где имя содержит остальную часть термина.

Многие личные имена были созданы путем сокращения выражений двусловных или многословных. Отметим некоторые из них вместе с полными определениями:

Лира – имя, образованное из сочетания начальных звуков выражения *Ленин* и *революция*;

Ор – имя, состоящее из начальных звуков двусловного названия *Октябрьская революция*;

Орр – имя, образованное от первых звуков выражения *отец русской революции*;

Револт – смешанное образование, совмещающее слог и инициальные элементы от слов: *революция*, *Ленин*, *Троцкий*;

Ревмир, *Ревмира* – данные именные формы образованы от выражения *революция мировая*, имена содержат начальные сегменты обоих слов.

Рем, *Рема* – образованы от того же выражения *революция мировая*, только данные формы состоят из слога первого слова и звука второго слова. В основе образования *Мирра* находится то же выражение, но слова следуют в обратном порядке, т.е. *мировая революция*, имя состоит из слога и звука, составляющих слов данное выражение.

Реввола – аббревиатура от выражения *революционная волна*, это слоговой тип имени.

Ревдит – в основе имени лежит выражение *революционное дитя*, состоит из объединения сегментов обоих составляющих.

Дамир – образование от выражения *даешь мировую революцию* (оказываешь помощь, принимаешь участие в революции), смешанный тип – имя состоит из двух слогов и звука.

Ремизан – от шаблонного выражения *революция мировая занялась* (подчеркивается, что революция – это явление всеобщего, мирового масштаба), слоговой тип аббревиации.

Зарем, *Зарема* – от избитой фразы *за революцию мира*; это смешанный тип сокращенного образования, где используются предлог, слог и звук. Встречается также толкование данных именных форм от выражения *Заря революции и мира*.

Термин *революция* является одним из составляющих компонентов в структуре самых различных шаблонных фраз. Интерес вызывают с этой точки зрения также разные именные образования, сравним, напр.: *Ренат* и *Рената* – данные формы содержат начальные фрагменты следующего состава слов: *революция*, *наука*, *труд*.

4. Личные имена, произведенные от революционных символов, выражений и лозунгов

Революционной маркировкой характеризуется также имя *Аврора*, которое ассоциируется в данном случае не столько с мифической богиней зари, сколько с названием крейсера «Аврора», который прославился во время Октябрьской революции.

Не лишено политического смысла также имя *Капиталина*, которое соотносится с известным сочинением Маркса «Капитал. Критика политической экономии».

Весьма выразительны также имена:

Икки – звуковая аббревиатура от полного названия *Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала*;

Ким и *Кима* – мужская и женская формы, образованные от первых звуков *Коммунистический Интернационал Молодежи*.

Любопытно, что в имя был превращен эпитет пролетариата из «Интернационала»: *Вставай, проклятьем заклейменный весь мир голодных и рабов*... Это имя приобрело форму *Заклемена*.

Инициального типа имя *Мюда*, в основе которого лежит выражение *Международное юношеское движение* или название *международный юношеский день*.

Интересно также сокращенное имя *Пятвчет*, образованное от шаблонного лозунга *пятилетку в четыре года* (призыв к тому, чтобы запланированные задания на пять лет выполнить в более короткий срок).

От лозунга *Да здравствует первое мая!* было создано словно-слоговое имя *Даздраперма*.

Внимания заслуживают также другие имена, образованные путем сокращения шаблонных фраз и лозунгов:

Гертруда – сокращение от *героиня труда*,

Рикс – имя образовано от первых звуков слов в лозунге *рабочих и крестьян союз*.

Употреблялись также такие имена, как:

Донара – образовано путем объединения фрагментов выражения *дочь народа*, *Красарма* – от выражения *Красная Армия*, или

Рада – аббревиатура, состоящая из слога и звука в выражении *рабочая демократия*[3].

Чтобы оказать почет декабристам, были образованы имена *Декабрин*, *Декабрина* и *Декабрист*. В честь дня трудящихся 1 мая было образовано имя *Май*.

Составлялись также имена двух- и трехчленные в форме целых выражений, как напр.: *Белая ночь*, *Серп-и-молот*, *Догнат-Перегнат*, где последнее в этом ряду образовано от модного в 30-е годы XX в. лозунга *догнать и перегнать Америку*.

5. Собственные имена, произведенные от технических терминов и других названий

Любопытно, что в качестве личных имен выступали технические термины, относящиеся обычно к названиям устройств и приборов, машин и механических средств передвижения и т.д. Появились имена типа:

---

[3] Кроме данного толкования происхождения имени, Н.А. Петровский в своем словаре отмечает его омоним от славянского *Rada*, ср. *радость*. Явление омонимии среди личных имен касается также других примеров, ср.: *Вил*, от греч. *Belos* – божество у ассириан и вавилонцев; *Люция*, женская форма от *Люций*, лат. *Lucius* от *lux*, *lucis* – ‘свет’; *Рем*, лат. *Remus* – брат Ромулуса, от *remulus* – ‘весло’; *Мирра*, от греч. *myrrine* – ‘мирт’; *Ренат*, *Рената*, мужская и женская формы от лат. *renatus* – ‘воскресший, возрожденный’; *Рикс*, от лат. rex – ‘король’ (см.: Петровский 1996).

Дизель (от названия двигателя внутреннего сгорания, по имени немецкого инженера-конструктора Р. Дизеля [R. Diesel], XIX в.),

Дрезина (от названия механической железнодорожной тележки, название восходит к имени немецкого изобретателя К.Ф. Драиза [K.F. Drais], XIX в.),

Комбайн (от названия машинного агрегата, выполняющего одновременно несколько разнохарактерных операций),

Трактор (от названия самоходной машины, предназначенной для тяги; тягач),

Турбина (от названия двигателя с вращательным движением ротора).

Такие устройства и машины в послереволюционной России пользовались огромным успехом, поскольку были своеобразными символами прогресса и преобразований в социалистическом хозяйстве, отсюда столь широкое их применение в качестве личных имен.

В дополнение: от термина *индустриализация* были образованы именные формы *Индустрий* и *Индустрия*. В качестве личного имени употреблялось слово *Инициатива*, в обиходе Ина, Инна или Тита. В честь тех, кто поднимал целину, было создано двухслоговое имя *Осцел* от выражения *освоитель целины*. В честь запуска первой космической ракеты было образовано имя *Перкосрак*: *первая космическая ракета*. От выражения *новая эра* было создано имя *Нера*, от выражения *новый мир* – имя *Новомир*.

Различные имена восходят также к названиям управлений и учреждений, ср.: *Райтия* – сокращенное образование от названия *районная типография*, *Цас* – от определения *Центральный аптечный склад*.

Характерной чертой именного творчества в послеоктябрьский период были имена, восходящие к определениям нарицательным или же к словам терминологического характера, ср.: *Авангард*, *Альгебрина*, *Гвоздика*, *Гений*, *Зарина*, *Заря*, *Звезда*, *Идея*, *Победа*, *Свобода*, *Эра*. Имя *Искра* в этом ряду ассоциируется с ленинской революционной газетой «Искра»[4], имя *Идея* – возможно также сокращение от *Марксида*, что восходит к *Марксистская идея*.

Сведения о таких именах восходят к спискам, которые были составлены по актовым записям о рождении, а также по другим источникам. Такие имена зафиксированы в документах. Они засвидетельствованы в печатных изданиях. Новые имена печатались в различных календарях, в том числе в отрывных, издававшихся миллионными тиражами, куда вошли, наравне с общеизвестными, такие имена, как *Ампер*, *Комиссара*, *Луначар*, *Наука*, *Национал*, *Партия*, *Пролеткульта*, *Трибун* и др.

Проиллюстрированные имена – прямое доказательство языкового вкуса советской эпохи, а также свидетельство идеологизации общественной жизни России того периода.

---

[4] В организации этой революционной газеты хлопотал Ленин, но в условиях царской России это оказалось невозможным. Поэтому организовал он ее за границей. См. об этом в главе II; 6.

6. Литературный экскурс

В контекст рассматриваемой тематики, связанной со своеобразной модой на имена после революции, вписывается, в частности, рассказ Зощенко *Свинство*[5]. Его повествователь сожалеет о том, что поэты вместо того, чтобы заняться полезным делом, всю свою творческую энергию тратят на сочинение стишков. Таким нужным делом, по его представлениям, была бы разработка подробного и исчерпывающего списка новых имен.

Повествователь сообщает об этом в связи с историей, которая приключилась с Иваном Петровичем. Это рассказ о поисках имени для ожидаемого ребенка. Начальник советует Ивану Петровичу следующее: «– По-новому нужно назвать. Нужно быть революционером во всем... На вас вся Европа смотрит...» (Зощенко 1986: 1, 150). В случае рождения девушки начальник предлагает имя *Октябрина*, ежели родится мальчик, то его следовало бы назвать *Луч*. Судьба распорядилась иначе, поскольку родились близнецы. К такому варианту отец младенцев был совершенно не подготовлен: «Пролежал Иван Петрович два дня на диване, и вместо имен стали ему в голову всякие пустяки лезть – вроде насмешки: Стул, Стол, Стол Иваныч, Насос Иваныч, Картина Ивановна...» (там же: 151). Его отчаяние было безгранично по той причине, что не смог подобрать подходящее имя согласно духу революционной эпохи. Он напился с горя и вернулся домой через несколько дней, когда все было решено в отношении имен – одного сына назвали *Коля*, второго *Петя*. Такова вкратце история со своеобразным заключением повествователя, что виноваты во всем поэты. Но, даже не акцентируя внимания на этом юмористическом сюжете и на разрешении вопроса, необходимо заметить, что в тот революционный период «именной вопрос» стоял почти на уровне государственной политики.

Своеобразный поворот темы выбора имени для новорожденного представил также Ю. Благов в стихотворении *Выбор имени*. Комизм ситуации передают следующие строки:

> Дед, стараясь для внучонка, / Нахватал из разных мест / Ряд имен, звучащих звонко: / Товий... Муций... Свен... Орест... // Зять решил по ходу прений / Повернуть вопрос ребром: / – Назовем посовременней – / *Гелий... Атом... Космодром...* // Дочь, захваченная спором, / Шумно лезет на рожон / С целым импортным набором: / Эдвин... Мельвин... Сельвин... Джон... // Бабка с нехристями знаться / Не желает и сама / Вносит лепту, глядя в святцы: / Псой... Сысой... Кузьма... Фома... // Сочинительством премудрым / Занимаясь вчетвером, / Ночь проспорили, а утром / Мальчик назван был Петром (цит. по: Суперанская, Суслова 2008: 205–206) [курсив здесь и дальше наш – Я.В.].

---

[5] Рассказ вышел впервые в журнале «Дрезина» в 8-м номере за 1923 год под названием *Рассказ о том, как Иван Петрович хотел по-новому назвать своего младенца.*

Итак, стихотворение своим исходом напоминает зощенковский рассказ, хотя конситуация тут другая.

Показательны в этом отношении также строки из стихотворения *Святцы* М. Владимова:

> Эпоха новым лексиконом / Врывалась в речь цехов и сел. / Шли Амфилохии в ревкомы, / Аделаиды – в комсомол. // Они своих созвучно эре / Именовали октябрят: / *Заря*, *Идея*, *Пионерий*, / *Ревмир*, *Ревпуть* и *Диамат!*.. (цит. по: Суперанская, Суслова 2008: 75).

На «именной вопрос» откликнулся и С. Маршак в стихотворении *В защиту детей*:

> Если только ты умен / Ты не дашь ребятам / Столь затейливых имен, / Как *Протон* и *Атом*. // Удружить хотела мать / Дочке белокурой, / Вот и вздумала назвать / Дочку *Диктатурой*. // Хоть семья ее звала / Сокращенно Дита, / На родителей была / Девушка сердита. // Для другой искал отец / Имя похитрее, / И назвал он наконец / Дочь свою *Идея*. // Звали мама и сестра / Девочку Идейкой, / А ребята со двора / Стали звать Индейкой. // А один оригинал, / Начинен газетой, / Сына *Спутником* назвал, / Дочь назвал *Ракетой*. // Пусть поймут отец и мать, / Что с прозваньем этим / Век придется вековать / Злополучным детям (цит. по: Суперанская, Суслова 2008: 208–209)[6].

Следует констатировать, также с учетом лингво-литературного дискурса, что фактически представленная проблема имеет историческое и социологическое обоснование. Интерес к подобным идеологизированным именам является знаком времени и своеобразного менталитета «воспитанного» послереволюционными реалиями. Отметим также, что своеобразная мода на имена отличается тем, что, как и всякая мода, имеет переходный характер, хотя немало еще таких субъектов, которые свидетельствуют своим именем о послереволюционных тенденциях[7] в русской ономастике.

---

[6] Данный вопрос отражен также в анекдотах. Сравним следующий фрагмент одного из таких анекдотов: «Встречаются два еврея-коммуниста: – Наум Яковлевич, у меня родился сынок и не знаю, как его назвать: завтра октябрины. – Ну, Исак Борисович. Что там думать – назовите его Червонец. Через несколько месяцев приятели снова встречаются: – Ну, Исак Борисович, поздравьте меня – жена дочку родила, только ломаю голову, как ее назвать. – Ну что тут думать? *Демонстрация*, *Революция*... или вот что – *Трибуна*» (цит. по: Шмелева, Шмелев 2002: 199).

[7] Анализируя данную проблематику, мы столкнулись с любопытными фактами. В телепередаче (НТВ Мир от 14.11.2007) в спорном вопросе присвоения имени Буран решение принимала судья Е.В. Дмитриева. Органы загса отказали родителям в регистрации данного имени. Истец пояснил, что его дедушку зовут Трактор Андреевич Лебедев, бабушку – Октябрина Степановна, сам он по имени Электрон (дома звали Нурик Байконур). В итоге судебного разбирательства судья узаконила имя, предложенное истцом, т.е. его сын стал называться Буран Электронович. В той же передаче приводились в доказательство различные примеры имен, среди которых прозвучало также имя известной актрисы Ноны Мардюковой – Ноябрина. В очередной телепередаче (НТВ

Интересные примеры известных носителей таких имен приводит Т.Е. Никольская, напр.: *Авангард Леонтьев* – киноактер, *Виль Ганиев* – татарский писатель, *Владлен Бахнов* и *Владлен Дозорцев* – писатели, *Искра Денисова* – критик, *Марлен Хуциев* – кинорежиссер, *Рада Аджубей* – дочь Н.С. Хрущева, *Револт Пименов* – диссидент (Никольская 1993: 220–223).

В связи с рассматриваемым вопросом сошлемся еще на один источник. В *Приложении 4* к *Словарю…* (Тихонов и др. 1995: 716–725) приводится список имен, которыми называли новорожденных детей в Смоленской области с 1989 по 1992 годы. Из этого списка, который сопровождается количественными данными следует, что случаи присвоения имен с революционно-партийной символикой в указанное время немногочисленные, ср., напр.: *Владлен* – имеется разовая фиксация в 1991 г. и 1992 г.; *Ренат* – так же; *Вилена* – разовая фиксация в 1990 г. и в 1992 г.; *Владлена* – разовая фиксация в 1990 г. и в 1991 г., дважды отмечено в 1992 г.; *Зарема* – разовая регистрация в 1990 г.; *Октябрина* – разовая фиксация в 1991 г.; *Рената* – разовая фиксация в 1989 г. и 1992 г., трижды отмечено в 1990 г.; *Рада* – разовая фиксация в годы 1990, 1991 и 1992. В списке преобладают, конечно же, традиционные имена, численность которых, по сравнению с отмеченными, значительно выше. Итак, имя *Александр* в последовательности указанных годов 1989, 1990, 1991, 1992 отмечено в количестве 357, 313, 303, 262; *Дмитрий* – 249, 230, 203, 173; *Анастасия* – 216, 225, 238, 213; *Екатерина* – 297, 273, 221, 178; *Ольга* – 229, 192, 151, 142; *Юлия* – 243, 215, 179, 187. Таковы тенденции последних двух десятилетий по вопросу присвоения имен новорожденным.

7. Структурные особенности личных имен

Среди русских личных имен после 1917 года появился новый, достаточно обширный пласт имен; официальный статус приобрели имена с идеологической маркировкой. В данном обзоре мы рассмотрели основные тематические разряды таких имен, проследив их словообразовательную структуру.

Имена производились в основном на базе словосочетаний, целых выражений и группировок слов. Показательны в этом отношении имена, представляющие собственно звуковые аббревиатуры, напр.: *Вил*, *Вилора*, *Икки*, *Кима*, *Лорикэрик*, *Лориэкс*, *Мэлор*, *Ор*, *Рикс*, *Цас*. По слоговому типу были

Мир от 18.11.2007) принимал участие профессор, д-р исторических наук Владлен Логинов. Передача была посвящена дочери Алексея Рыкова, Наталье Рыковой-Перли, которая 18 лет пробыла в лагерях Воркуты. И еще пример: в телепередаче (НТВ Мир от 26/27.07.2009) «Футбольная ночь» ее ведущие комментировали спортивные события. В программе принимал участие приглашенный ими футболист «Спартака» Ренат Сабитов.

образованы: *Владлен*, *Владлена*, *Донара*, *Марлен*, *Марлена*, *Райтия*, *Реввола*, *Ремизан*, *Ревмир*, *Ревмира* и другие. В смешанном типе преобладают имена, сочетающие в себе звуковую и слоговую аббревиатуры, напр.: *Вилен*, *Вилена*, *Владилен*, *Владилена*, *Дамир*, *Лемира*, *Мирра*, *Рада*, *Рем*, *Рема*, *Ренат*, *Рената*, *Роблен*. Есть имена, состоящие из звуковой аббревиатуры и слова, напр.: *Виленин*, *Виленина*, *Зарема*; из слога и слова, напр.: *Гертруда*, *Пятвчет*. Небезынтересны также сложные имена типа: *Белая ночь*, *Догнат-Перегнат*, *Серп-и-молот*. В ранг личных имен переходили многие термины, фамилии, названия месяцев (по старому и новому стилю), названия машин, приборов и различные имена нарицательные, напр.: *Альгебрина*, *Декабрин*, *Декабрина*, *Декабрист*, *Дизель*, *Дрезина*, *Звезда*, *Идея*, *Искра*, *Капиталина*, *Комбайн*, *Ленин*, *Ленина*, *Ноябрина*, *Октябрин*, *Октябрина*, *Победа*, *Революция*, *Свобода*, *Трактор*, *Эра*.

Таким образом, среди имен преобладают аббревиатурные образования в нескольких своих разновидностях, т.е. звуковые и слоговые сокращения (хотя вторые нередко и выходят за рамки слога), а также мутационные сокращения. Многие имена, что подтверждает приведенный материал, создавались под воздействием лозунгов революции. Важно при всем этом отметить и то обстоятельство, что без знания составляющих компонентов понимание содержания многих таких имен весьма затруднено. Их внутренняя форма в ряде случаев без исходного сочетания, без составного названия или каких-либо пояснений совершенно непонятна и непредсказуема.

8. Итоговые замечания об историческом пути имен

Вполне закономерно положение о том, что имена «несут на себе отпечаток соответствующей эпохи и культуры» (Суперанская, Суслова 2008: 6).

В дореволюционное время в России преобладали традиционные календарные имена, которые отмечались в святцах, месяцесловах и минеях. В изменившейся политической обстановке после 1917 года прежняя устоявшаяся система имен испытывает ряд резких изменений; происходит коренное обновление русского именника. При этом часть имен была сугубо индивидуальным творчеством родителей.

Однако в распространении новых имен важнейшую роль сыграли исторические события. Своеобразное имятворчество того периода было узаконено декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 23 января 1918 года об отделении церкви от государства и школы от церкви. Согласно этому декрету законной стала гражданская регистрация рождений вместо прежней записи в церковных книгах.

В послереволюционный период стали распространяться имена, которые в прошлом давались церковью лишь в их греческих вариантах. Примером

таких имен созвучных с новой эпохой являются *Свет* и *Света*, а также *Светлан* и *Светлана*, которым соответствуют греческие наименования Фот, Фотий, Фотин, Фотина (от греч. *фос*, *фотос* – свет). Суперанская и Суслова приводят в своей книге ряд любопытных данных и фактов, в частности о том, что имя *Свет* присвоил своему сыну поэт Д. Бедный. Созвучно с новой эпохой имя *Тимур*, восходящее к древнему полководцу. *Тимуром* назвал своего сына писатель А. Гайдар, автор популярной среди молодежи повести *Тимур и его команда*. Этим именем назвал своего сына также советский полководец М.В. Фрунзе (см.: Суперанская, Суслова 2008: 23, 84).

Можно назвать основные источники пополнения и обогащения имен в послереволюционный период:

1) Среди них выделяется группа имен, связанная с фамилиями мыслителей прошлого и с именами революционных деятелей (*Ленина*, *Маркс*, *Сталина*, *Тельман*, *Фрунзе*, *Энгельс*).

2) Примыкают к этой группе производные имена, образованные от сложносокращенных основ (*Вилен*, *Вилор*, *Владлен*, *Марлена*).

3) Некоторые имена присваивались в честь революционных деятелей, также их жен (*Жанна* – в честь французской народной героини Жанны д̓Арк, *Инесса* – в честь Инессы Арманд, которая участвовала в русском и международном движении, *Джении* – в память о жене Карла Маркса).

4) Значительный разряд имен совпадает с нарицательной лексикой (*Атеист*, *Гранит*, *Диктатура*, *Заря*, *Идея*, *Искра*, *Коммунар*, *Коммунара*, *Октябрь*, *Октябрина*, *Партизан*, *Пламень*, *Спутник*, *Сталь*, *Ракета*, *Трактор*, *Электрификация*, *Энергий*). Такие имена не лишены различных коннотаций, связанных не только с первоначальным нарицательным, предметным их значением, но и с революционным периодом и советской эпохой.

5) В качестве имен стали выступать различные термины физики и химии, которые соответствуют в основном единицам измерения или веществам, но также фамилиям ученых (*Атом*, *Вольт*, *Вольфрам*, *Кюри*, *Микрон*, *Ом*, *Протон*, *Электрон*).

6) Часть имен получила новый смысл (*Гертруда* – герой труда, *Рената* – революция, наука, труд). Эти имена, известные в прошлом, подверглись переосмыслению после 1917 года в честь трудовых и революционных подвигов.

Итак, в советский период предпочтение отдавалось именам с идеологической маркировкой.

В изменившейся исторической обстановке, что связано с перестройкой, такие имена не прижились. Большинство имен советской эпохи со временем стало неким идеологическим клеймом, поскольку они ассоциируются неоднократно с по-новому осмысливаемым историческим прошлым. Многие из них поэтому уже вышли из обихода. Сегодня такие имена не привлекаются для именования новорожденных. При выборе имени предпочтение отводится традиционным наименованиям.

Бесспорно то, что число носителей имен, восходящих к советской эпохе, снижается, однако частотность некоторых из них все еще значительна, они, хотя изредка, но встречаются у наших современников.

Новейшие лексикографические труды почти не отмечают или вовсе умалчивают, игнорируют номинации имен советского периода. В «Энциклопедии русских имен» с 2002 года указано, что в ней «рассказано об именах всех ваших родственников и друзей» (Грушко, Медведев 2002: 2). Между тем, они неоднократно носители именно имен с идеологическим прошлым, но те в книге почти не фиксируются. Отмеченные в справочнике имена *Аврора* и *Рената* сопровождаются лишь первичными номинациями: *Аврора* – утренняя зоря (лат.) и *Рената* – возродившаяся (лат.). Советская идеологическая этимология этих имен уже не приводится. Лишь одно имя *Нинель*, которое поясняется дефиницией «обратное чтение фамилии основателя советского государства В.И. Ленина», можно отнести к данному разряду имен. Справочник поэтому далеко не «подробный», как его анонсируют составители.

Другие источники более корректны в этом отношении. В очередном выпуске книги А.В. Суперанской и А.В. Сусловой в рекомендательном списке женских имен приводятся: *Аврора*, *Вилена*, *Вилора*, *Владилена*, *Владлена*, *Гертруда*, *Декабрина*, *Дорина*, *Зарема*, *Зарина*, *Зорина*, *Искра*, *Лениана*, *Ленина*, *Майя*, *Мая*, *Октябрина*, *Ревмира*, *Рената*, *Светослава*, *Свобода*. В списке же мужских имен аналогично отмечены: *Вилен*, *Виль*, *Владилен*, *Владлен*, *Май*, *Новомир*, *Радий*, *Рем*, *Спартак*, *Тимур* (Суперанская, Суслова 2008: 26–48).

В постсоветскую эпоху именослов опять претерпевает трансформацию, направленную на реставрацию традиционных русских имен.

VII. Топонимические советизмы

Наименования городов, населенных пунктов и различные другие географические названия после Октября 1917 г. были причислены к стратегическим объектам коммунистической, советской идеологии. И это относилось не только к новым номинациям таких мест, но и непосредственно отразилось на дореволюционных названиях, которые в ряде случаев были изменены.

Многие города и другие населенные пункты лишались своего привычного, старого и исторического названия, получая новое, но уже с идеологическим акцентом, с революционной или какой-либо политической коннотациями. Переименование городов, поселков, деревень, улиц и других мест в советский период достигло апогея по своим масштабам. Преобладала тенденция стереть как можно больше следов старого мира и одновременно установить, запечатлеть и закрепить новое.

Данный вопрос проиллюстрировал различными примерами Г. Гусейнов, отметив, в частности, очередные этапы переименования города *Маркс* в Саратовской области на Волге: первоначально эта немецкая колония получила в 1765 году имя Баронск в честь барона де Берегарда, в 1774–1914 годы этот населенный пункт назывался Екатериненштадт, затем был переименован несколько раз, получая следующие названия: в годы 1914–1927 – Екатериноград, в годы 1927–1941 – Марксштадт и с 1941 года – Маркс (Гусейнов 2003: 71).

Интересные данные о топонимических названиях до перестройки приводит также А. Дуличенко: в бывшем СССР 277 городов и поселков были названы в честь В.И. Ленина, от фамилии Киров образовано 150 таких названий, от слова *комсомол* создано 133 топонима (Дуличенко 1995: 200–201).

1. Номинации, связанные с именем В.И. Ленина

Многие номинации населенных пунктов были связаны с именем В.И. Ленина. Их количество особенно увеличилось после его смерти. Рассмотрим данный факт на примерах, отмечая, в отдельных случаях, хронологию переименований.

Ленинград – первоначальное название города Санкт-Петербург (нем.: город Св. Петра), а также Санкт-Питербурх (нидерландская форма: Sankt

Pieter Burch), который был основан в 1703 г. Петром I. Город получил название в честь апостола Петра – патрона Петра I. В неофициальном употреблении город называли Петербург, а в просторечии – Питер. С 1914 г. до 1924 г. назывался Петроградом. После смерти В.И. Ленина в 1924 году город был переименован в Ленинград[1]. В 1991 г., т.е. в перестроечный период, было восстановлено прежнее историческое название Санкт-Петербург.

Ленинакан – в годы 1924–1991 название города в северо-западной части Армении. Очередные названия: Кумайри (до 1840 г.), Александрополь (гг. 1840–1924), Ленинакан (гг. 1924–1991), Кумайри (до 1992 г.) и с 1992 г. – Гюмри.

Ленинабад – в 1936–1991 годы имя города на севере Таджикистана, до 1936 г. – Ходжент. В 1991 г. городу было возвращено историческое название Ходжент (употребляется также как Худжант или Худжанд). Очередные названия: Александрия Астаха, Ходжент, Ленинабад и ныне Ходжент.

Лениногорск – в годы 1941–2002 название города в Казахстане, расположенного на Алтае. Основан в 1786 г. Последующие названия: до 1941 г. – Риддер, затем до 2002 г. – Лениногорск и в 2002 г. было восстановлено прежнее название Риддер.

Лениногорск – город с 1955 г. в Лениногорском районе на юго-востоке Татарстана. Город основан в XVIII в. как село Новая Письмянка, с 1951 г. по 1955 г. со статусом рабочего поселка с таким же названием, с 1955 г. имеет статус города[2].

Ленинск – город с 1963 г. в Ленинском районе Волгоградской области. Прежнее название: с 1802 г. по 1919 г. село Пришиб, затем оно было переименовано в Ленинск.

---

[1] Отметим, ссылаясь на материалы из Википедии, советские клише, связанные с данным названием: *Город Ленина* – устойчивое словосочетание в советскую эпоху (встречающееся, в частности, на плакатах времен Великой Отечественной войны); *Город (колыбель) трех революций* – полуофициальное название в советскую эпоху, связанное с ключевой ролью города в революционных событиях 1905–1907 и 1917 годов; *Колыбель Революции* – символическое название в советскую эпоху, ассоциируется с революционными событиями в Петрограде 25 октября (7 ноября) 1917 года.

Иллюстративный материал с соответствующей информацией извлекался нами для этой главы из различных печатных источников, см., напр.: (Гусейнов 2003), (Дуличенко 1995), в том числе из справочников и атласов, см.: (АМ 1963), (IAŚ 1999), а также из электронных ресурсов, см.: Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Населённые_пункты_по_алфавиту; Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Переименованные_города и официальных сайтов различных населенных пунктов и других географических названий.

[2] Название города значится в ряде культурных и образовательных учреждений, а также в названиях заводов и предприятий, ср.: *Лениногорский политехнический колледж*; *Лениногорское музыкально-художественное педагогическое училище*; *Лениногорский нефтяной техникум*; *Лениногорский приборный завод*; *Лениногорская швейная фабрика*; *Лениногорскнефть*; *Лениногорский завод железобетонных изделий*; *Лениногорский завод «АвтоСпецОборудование»*; *«Лeнинвестстрой»*.

Ленинск – поселок в Челябинской области России. Был основан в 1824 г. Прежнее название: до 1923 г. – Царёво-Александровский прииск (в честь императора Александра I). В 1923 г. был переименован в Ленинск.

Ленинск-Кузнецкий – город на реке Иня (приток Оби) в Кемеровской области России, один из крупнейших городов Кузбасса. Прежние названия: поселок Кольчугино (первое упоминание относится к 1763 г.), в 1922 г. переименован в поселок Ленино, в 1925 г. был возведен в ранг города с наименованием Ленинск-Кузнецкий.

Ленинская Слобода – поселок в Нижегородской области России.

Ленинский – поселок на реке Волоть (приток Упы) в Тульской области России.

Ленинский – поселок на левом берегу Иртыша в Павлодарской области Казахстана. Основан в 1914 г. в урочище Бидаик, как аул № 7. В 1965 г. аул получил статус поселка с названием Ленинский.

Именем *Ленинский* были названы также другие поселки: в Самарской области (Красноармейский район), в Алданском районе Якутии (до 1962 г. Нижне-Сталинск), в Молдавии, в Таджикистане.

Ленинское – село в Новосибирской области России.

Ленинское – село в Еврейской автономной области России. Основано в 1858 г. Первое название села – Михайло-Семеновское, очередное название – Блюхерово.

Ленинское – поселок в составе Первомайского поселения в Выборгском районе Ленинградской области. Прежнее название: до 1948 г. – Хаапала. Это бывшая финская деревня. В 1948 г. переименована в Ленинское.

Имя *Ленинское* было присвоено ряду других населенных пунктов России: в Саратовской, Тамбовской, Новосибирской, Нижегородской, Ленинградской, Волгоградской, Кировской, Амурской областях.

Ленинаул – село на берегу реки Акташ в Казбековском районе Дагестана (Россия); прежнее название: Акташаух.

Ленинаул – село в Ногайском районе Дагестана.

Ленингори – поселок в Закавказье. Прежние названия: до 1934 г. – Ахалгор, Ахалгори; в 1934 г. село было переименовано в честь В.И. Ленина в Ленингор или Ленингори; в 1990-е г. в Грузии поселок был переименован в Ахалгори, в Южной Осетии официально было закреплено название Ленингор.

Ленинградская – станица на севере Краснодарского края России. Прежнее название: до 1934 г. – Уманская. Селение казаков Уманское было основано в 1794 г.; с 1842 г. – станица Уманская; в 1934 г. была переименована в Ленинградскую.

Лениндар (белор. Леніндар) – поселок в Гомельской области Белоруссии.

Ленинкент – поселок в Кировском районе г. Махачкалы (Россия).

Ленино – деревня в Духовщинском районе Смоленской области России.

Ленино – село в Липецкой области России. Прежние названия: село Романово-Городище (начало XVII в.), в XVIII в. город преобразован в село Романово; в 1920 г. стало носить новое название Ленино.

Ленино – деревня в Смоленской области России. Первое упоминание зафиксировано в XVII в. как село Жирково, затем село получило названия Покров, Покров-Жирков. Название Ленино деревня получила в честь вождя революционного движения.

Ленино (белор. Леніна) – деревня в Добрушском районе Гомельской области; прежнее название: Поповка.

Ленино (укр. Леніне) – поселок на востоке Крыма; прежнее название: до 1957 г. – Семь Колодезей; затем поселок получил название Ленино.

Атлас мира (АМ) 1963 года приводит как многие из перечисленных выше, так и другие названия, ср.: *Ленинградская* (Краснодарский край); *Ленинжол* (Казахстан) – это название одной из первых станций Турксиба (дорога, соединяющая Туркестан с Сибирью) – «Ленинский путь»; *Ленинполь* – бывшее название села в Таласской области Киргизии, ныне Бакай-Ата; *Ленино* – (Крым); *Ленинск* (Волгоградская область); *Ленинск* (Туркмения); *Ленинск* (Узбекистан, Андижанская область); *Ленинские Горки* или *Горки Ленинские* – поселок в Ленинском районе Московской области. С этим местом связан период жизни Ленина с 1918 г. по 1924 г.; *Ленкорань* (Азербайджан); *Ленинское* (близ Китая); *Ленинское* (Кировская область); *Ленинское* (Казахстан) (АМ 1963).

Большинство приведенных названий регистрирует *Ilustracyjny atlas świata* (IAŚ) с 1999 года, что подтверждает достаточно устойчивый характер данных номинаций. Лишь некоторые из них подверглись изменениям, получив новое или прежнее историческое название.

Имя Ленина засвидетельствовано в ряде других названий: *Ленинградская область* (была образована в 1927 г.), *Ленинский район* Челябинска (Россия) – основан в 1935 г., строился в 30–40-е г., *Ленинабадская область*, *Ленинаканское плато*, *Ленинграда пик*, *Пик Ленина*, *Ленинградский морской порт*, *Ленинские горы* (прежнее название – Воробьевы горы), *Волго-Донской судоходный канал имени В.И. Ленина*, *Волго-Балтийский водный путь имени В.И. Ленина* (бывшая Мариинская водная система), *Каракумский канал имени В.И. Ленина* (Туркменистан), *Завод огнеупоров имени В.И. Ленина* в Красногоровке (Украина).

Следует отметить многочисленные наименования в честь Ленина районов, улиц, проспектов и площадей в различных населенных пунктах бывшего СССР. Предлагаем напомнить некоторые из этих названий: *Ленинский район* в Барнауле, Владимире, Владивостоке, Воронеже, Екатеринбурге, Грозном, Иркутске, Иванове, Ижевске, Калуге, Кемерове, Кирове, Комсомольске--на-Амуре, Красноярске, Магнитогорске, Махачкале, Мурманске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Омске, Оренбурге, Орске, Пензе, Перми, Ростове-

-на-Дону, Самаре, Саранске, Саратове, Севастополе, Смоленске, Ставрополе, Тамбове, Томске, Тюмени, Уфе, Ульяновске, Чебоксарах, Челябинске; *Ленинский проспект* в Воронеже, Донецке, Калининграде, Минске, Москве, Санкт-Петербурге, Химках; *Проспект Ленина* в Абакане, Алма-Ате, Алчевске Луганской области, Балашихе, Барнауле, Бердянске, Брянске, Владимире, Волгограде, Гомеле, Грозном, Днепродзержинске, Евпатории, Егорьевске, Екатеринбурге, Запорожье, Каменце-Подольском, Львове, Магнитогорске, Мариуполе, Махачкале, Мурманске, Нижнем Новгороде, Николаеве, Новороссийске, Озерске, Октябрьском, Орске, Петрозаводске, Подольске, Припяти, Ростове-на-Дону, Рыбинске, Самаре, Санкт-Петербурге, Саранске, Светлодарске, Стерлитамаке, Твери, Томске, Феодосии, Харькове, Чебоксарах, Челябинске, Черкесске, Электростали, Ярославле; *Площадь Ленина* в Барановичах, Бресте, Брянске, Витебске, Волгограде, Воронеже, Гомеле, Гродно, Грозном, Гудермесе, Донецке, Ельце, Запорожье, Краматорске, Луганске, Минске, Москве, Нижнем Новгороде, Николаеве, Новосибирске, Омске, Орле, Петрозаводске, Петропавловске-Камчатском, Пскове, Рязани, Санкт-Петербурге, Саратове, Серпухове, Ставрополе, Томске, Украинске, Ульяновске, Хабаровске, Чебоксарах, Чите, Элисте.

Показательны в этом отношении также названия станций метрополитенов и железнодорожных станций в различных городах, напр.: «Ленинский проспект» – станция Московского метро; – станция Петербургского метро; – станция Октябрьской железной дороги в городской черте Санкт-Петербурга.

Имя Ленина числится на памятниках, которые создавались в большом количестве повсюду на территории бывшего СССР, во всех городах – в бывшем Ленинграде у Смольного, у Финляндского вокзала; на городской площади, а также в Лесопарке Лениногорска (Татарстан). Партийные деятели и различные учреждения награждались орденом Ленина. К примеру, таким орденом были награждены С.М. Киров, А.А. Жданов и другие деятели; в 1939 году орденом Ленина был награжден Академический театр оперы и балета имени С.М. Кирова в Ленинграде[3].

---

[3] Небезынтересно отметить, что многочисленные наименования в честь Ленина присваивались также в зарубежных странах, напр.: *во Франции*: Avenue Lénine (Авеню Ленина), Ромайнвиль; Rue Lénine (Улица Ленина), Оври; Rue Lénine (Улица Ленина), Лиле-Сан-Дени; Rue Lénine (Улица Ленина), Ла Корнувё; Rue Lénine (Улица Ленина), Персан; Rue Lénine (Улица Ленина), Бобиньи; Rue Lénine (Улица Ленина), Порте-ле-Валенсе; *в Германии*: Leninallee (теперь Landsberger Allee), Берлин; Leninplatz (Площадь Ленина), Берлин; *в Италии*: Viale Lenin (Улица Ленина), Болонья; Via Lenin (Улица Ленина), Феррара; Via Lenin (Улица Ленина), Биббиано; Piazza Lenin (Площадь Ленина), Карвиаго; *в Англии*: Lenin Terrace (Терраса Ленина), Чопуэлл; Lenin Terrace (Терраса Ленина), Стэнли; *в Финляндии*: Lenininpuisto (Парк Ленина), Хельсинки; *в Индии*: Lenin Street (Улица Ленина), Калькута; Lenin Street (Улица Ленина), Ироаду; Lenin Street (Улица Ленина), Пондишери; *в Сомали*: Via Lenin (Улица Ленина),

Названия населенных пунктов в честь вождя революции представлены также другими номинациями, напр.:

Ульяновск – прежнее название города Симбирск, до 1924 года. Родной город Ленина; в доме, где он жил, создан музей. Город расположен на берегах Волги и Свияги в Ульяновской области России.

Ульяновская область – была образована в январе 1943 года.

Ульяновка – название встречается как в России, так и на Украине: поселок в Ленинградской области, прежнее название: Саблино; село в Ставропольском крае России; деревня в Московской области; село в Барском районе Винницкой области (укр. Улянівка); село в Богодуховском районе Харьковской области Украины; село в Зачепиловском районе Харьковской области; город в Ульяновском районе Кировоградской области Украины; село в Липовецком районе Винницкой области; село в Ямпольском районе Винницкой области.

Ульяново – село в Ульяновском районе Калужской области России. Прежнее название: Плохино. Современное название села связано с младшей сестрой В.И. Ульянова (Ленина) – Марией Ильиничной Ульяновой.

Изложенный материал позволяет отметить, что в послереволюционный период значительная часть традиционных топонимов получила новые названия в честь Ленина. Одни из них появились еще при жизни вождя революции, например, город *Ленинск* в 1919 году (Волгоградская область), село *Ленино* в 1920 году (Липецкая область). Однако большинство таких имен было присвоено после смерти Ленина в 1924 году: Петроград был переименован в *Ленинград*, Симбирск – в *Ульяновск* и т.д. Из рассмотренных в этом параграфе примеров следует, что данный процесс продолжался на протяжении 30-х, 40-х, 50-х и даже в 60-е годы. Он прослеживается также в бывших союзных республиках, напр.: в Армении – город Александрополь получил в 1924 году имя *Ленинакан*, в Таджикистане – город Ходжент в 1936 году получил название *Ленинабад*, в Казахстане – город Риддер в 1941 году получил имя *Лениногорск*, такое же имя получило в 1951 году село Новая Письмянка в Татарстане, в Казахстане в 1965 году аул № 7 был назван *Ленинский*. Переломным моментом возвращения исторических названий в ряде случаев был 1991 год, когда распался Советский

Могадишо; *во Вьетнаме*: Lenin Park (Парк Ленина), Ханой; *в Румынии*: Raionul Lenin (Ленинский район), Бухарест; *во Венгрии*: Lenin körút (Бульвар Ленина) – теперь Tisza Lajos körút, Сегед; *в Болгарии*: Булеوард Ленин (Бульвар Ленина) – теперь Цариградско шосе, София; *в Чехии*: Leninova ulice (Улица Ленина) – теперь Evropská třída, Прага; Leninova ul. (Улица Ленина) – теперь Kounicova ul., Брно; Leninova ul. (Улица Ленина) – теперь Klišská ul., Усти-над-Лабем; Leninova ul. (Улица Ленина) – теперь Palackého ul., Пльзень; Leninova ulice (Улица Ленина) – теперь ul. E. Beneše, Писек; Leninova ulice (Улица Ленина) – теперь ul. E. Beneše, Крнов; Muzeum V. I. Lenina (Музей В.И. Ленина) – теперь Lidový dům ČSSD, Прага.

Союз, ср. названия: Санкт-Петербург (бывший Ленинград), Кумайри и затем Гюмри (бывший Ленинакан), Ходжент (бывший Ленинабад) и многие другие.

2. Географические названия, связанные с именем И.В. Сталина

Имя *Сталина* вошло во все сферы хронотопа. Самым известным был *Сталинград* – город на юго-западе европейской части России. С 1589 по 1925 годы назывался Царицин, а с 1925 по 1961 годы – Сталинград. В 1961 г. был переименован в Волгоград[4].

В честь Сталина были переименованы многие города как в пределах бывшего СССР, так и других странах, напр.:

Сталиногорск – название города с 1933 г. по 1961 г., расположен в Тульской области России. Прежнее название: Бобрики (до 1933 г.). Он возник в годы первой пятилетки в связи со строительством шахт и электростанции. В 1961 г. город был переименован в Новомосковск.

Сталинск – ныне Новокузнецк, город в Кемеровской области (Кузбасс). В годы 1932–1961 город назывался Сталинск. В 1961 г. было возвращено прежнее название, Новокузнецк.

Сталино и *Сталин* – ныне Донецк (укр. Донецьк), важнейший промышленный центр в Донбассе. До 1924 г. город назывался Юзовка. В 1924 г. получил название Сталино. В 1961 г. был переименован в Донецк (название происходит от названия реки Северский Донец, которая протекает на севере Донецкой области).

Сталинири – ныне Цхинвал, город на южных склонах Кавказа (осет. Цхинвал, груз. Цхинвали). Очередные названия: до 1934 г. – Цхинвал, Цхинвали; с 1934 по 1961 годы – Сталинир, Сталинири; с 1961 по 1991 годы – Цхинвали.

Сталинисси – ныне Хашури, город в центральной Грузии на реке Кура.

Сталинабад – ныне Душанбе, столица Таджикистана. В 1924–1929 годах город официально назывался по-русски Душамбе. В 1929 г. переименован в Сталинабад. В 1961 г. возвращено историческое название Душанбе.

Сталинварош – ныне Дунайварош (венг. Dunaújváros), новый город, построенный в Венгрии в 50-х годах XX в. в ходе массовой индустриализации, на правом берегу реки Дунай. Город был назван Сталинварош в 1952 г. в честь И.В. Сталина. Во время Венгерской революции 1956 года был переименован в Дунапентеле. В том же году получил новое имя – Дунайварош.

---

[4] Из 8 районов Волгограда большинство названий ассоциируется с революционным или военным прошлым, ср.: Краснооктябрьский, Дзержинский, Кировский, Красноармейский, Ворошиловский, Советский, Тракторозаводский, Центральный.

Сталиногруд – ныне Катовице (польск. Katowice), город на юге Польши в Силезии. В годы 1953–1956 получил имя Сталиногруд. Прежнее название Катовице было восстановлено в 1956 году.

Сталин – ныне, как и раньше, Кучова, город в Албании. В годы 1950–1990 носил имя Сталин. В 1990 г. было возвращено название Кучова.

Сталин – прежнее название Варна (до 1949 г.), город в Болгарии. С 1949 г. по 1956 г. город назывался Сталин. В 1956 г. было возвращено имя Варна.

Сталин – ныне и раньше Брашов (рум. Braşov), город в Румынии. В годы 1950–1960 назывался Сталин (Oraşul Stalin).

Сталинштадт – ныне Айзенхюттенштадт (нем. Eisenhüttenstadt), новый город в Германии, построенный в 50-е годы в округе Франкфурт (в бывшей ГДР). В 1953 году получил имя Сталинштадт в честь И.В. Сталина. В 1961 г. город был объединен с близлежащим городом Фюрстенбергом и получил название Айзенхюттенштадт.

В советский период именем Сталина назывались области, улицы, площади и проспекты, напр.: *Сталинградская область* – была образована в январе 1934 года; *Сталинская область* – в составе Украины, образована в июне 1938 года, центр Сталино; *Сталиногрудское воеводство* – до марта 1953 года Катовицкое воеводство, на юге Польши с административным центром Сталиногруд; *Сталинский округ* в Болгарии с основным городом Сталин; *Область* в Румынии называлась *Сталин*; *Проспект имени И.В. Сталина* в Ленинграде и множество других названий.

С именем Сталина были связаны многие другие географические названия, между прочим – вершины в горных массивах и заливы: *Сталина пик* – высочайшая вершина (7495 м.), расположенная в Северо-Западном Памире; *Сталина пик* – бывший Мус-Алла, вершина (2925 м.) в горном массиве Рила-Планина в Болгарии; *Сталина пик* – нынешняя, как и бывшая Герлаховка (словацк. Gerlachovský štít), горная вершина в массиве Высокие Татры, высшая точка Карпат (2655 м.). С 1949 по 1959 годы именовалась Сталинским Штитом в честь И.В. Сталина, с 1959 г. носит свое прежнее имя Герлаховский Штит; *Сталина залив* – залив в архипелаге Северная Земля, у западного берега острова Октябрьской Революции.

Имя Сталина было запечатлено на самых различных стройках социализма и отражено в названиях важнейших исторических событий, ср.: *Сталинградская ГЭС* – строительство с 1955 года; *Беломорско-Балтийский канал им. И.В. Сталина*; *Завод имени И.В. Сталина* в Ленинграде; *Кузнецкий металлургический комбинат имени И.В. Сталина* (бывший Сталинск, ныне Новокузнецк); *Сталинградская битва* – (1942–1943) одна из крупнейших и решающих битв в ходе второй мировой войны.

В честь очередных юбилеев Сталина были учреждены награды: постановлением Совнаркома СССР в декабре 1939 года в ознаменование 60-летия Сталина были учреждены *Сталинские премии*, они присуждались Советом

Министров СССР. Сталинской премии были удостоены, например, деятели Академического театра оперы и балета имени С.М. Кирова в Ленинграде. Сталинскую премию получила художница Т. Яблонская за пропагандистскую картину „Хлеб" 1949 года (хранится в фондах Третьяковской галереи). Сталинской премией были также награждены в 1950 году авторы-архитекторы стадиона в Ленинграде. В ознаменование 70-летия Сталина в декабре 1949 года была учреждена Президиумом Верховного Совета СССР почетная награда *Международные Сталинские премии „За укрепление мира между народами"*.

Итак, очередная волна различных новых номинаций, в том числе переименование прежних исторических названий, была связана с именем Сталина. Такие названия появляются уже в 20-е годы, например, в 1924 году – город Сталино в Донбассе, в 1929 году – Сталинабад в Таджикистане. Тенденция называть населенные пункты именем Сталина продержалась в 30-е, 40-е и начале 50-х годов, о чем свидетельствует приведенный материал. После смерти Сталина в 1953 году присваиваются новые или возвращаются исторические названия и это происходит не только в бывшем СССР, но и в бывших соцстранах, например, Сталинград переименовали в Волгоград, Сталинири на Кавказе – в Цхинвали, Сталинабад в Таджикистане – в Душанбе, Сталин в Болгарии – в Варну и т.д.

3. Номинации, связанные с именами сподвижников Ленина и Сталина

Названия населенных пунктов в честь революционных и партийных деятелей (С.М. Киров, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, Г.К. Орджоникидзе и др.) значительно дополняют и расширяют подобного типа номинации.

В ряду партийных деятелей, имя которого появляется в названиях городов и других населенных пунктов, был С.М. Киров (1886–1934). Предлагаем примеры таких топонимов:

Киров – город на реке Вятке в Кировской области России. Прежние названия: до 1374 г. – Хлынов, до 1457 г. – Вятка, до 1780 г. – Хлынов, переименованный в Вятку (до 1934 г.), с 1934 г. – Киров. Название город получил после убийства Кирова в 1934 году.

Киров – город на реке Болва в Кировском районе Калужской области России. Прежнее название: до 1936 г. поселок Песочня, в 1936 г. получил статус города и имя Кирова.

Кирова – хутор им. Кирова в Краснодарском крае России.

Кирова (укр. Кірове) – село в Винницкой области Украины.

Кировск – бывший Хибиногорск (1929–1934 гг.), город в Мурманской области России. Город возник в 1929 году по инициативе Кирова.

Кировск – город на берегу Невы в Ленинградской области России. Прежнее название: Невдубстрой. С 1953 г. – Кировск.

Кировск (белор. Кірауск) – город в Кировском районе Могилевской области Беларуссии.

Кировск (укр. Кіровськ) – поселок в Донецкой области Украины.

Кировск – город в Луганской области Украины. Прежнее название: до 1962 г. – Голубовка. В 1962 г. переименован в честь Кирова.

Кировка – деревня в Демидовском районе Смоленской области России.

Кировка (укр. Кіровка) – село в Калиновском районе Винницкой области Украины.

Кирово (укр. Кірове) – село в Харьковской области Украины.

Кироваул – село в Кизилюртовском районе Дагестана (Россия).

Кировабад – ныне Гянджа (азерб. Gəncə), город в Азербайджане. Последующие названия: Гянджа (IX–XIX вв.), Елисаветполь (1804–1918), Гянджа (1918–1935), Кировабад (1935–1989), с 1989 г. – Гянджа.

Кировабад – ныне Пяндж (тадж. Панч), поселок на реке Пяндж на юге Таджикистана. Очередные названия: до 1931 г. – Сарай Комар, до 1936 г. – Бауманабад, до 1963 г. – Кировабад, с 1963 г. – Пяндж.

Кировакан – ныне Ванадзор, город в Армении. Последующие названия: до 1935 г. – Караклис или Караклисе, до 1993 г. – Кировакан, с 1993 г. – Ванадзор.

Кировград – до 1936 Калата, город в Свердловской области России.

Кировоград (укр. Кіровоград) – город в Кировоградской области Украины. Прежние названия: Елизаветград (1754–1924 гг.), Зиновьевск (1924–1934 гг.), Кирово (1934–1939 гг.), с 1939 г. и до наших дней – Кировоград.

Кировский – поселок в Астраханской области России.

Кировский – поселок в Курской области России.

Кировский – поселок в Приморском крае России.

Кировское – поселок в Выборгском районе Ленинградской области. Прежнее название: Вуоттаа (фин. Vuottaa), бывшая финская деревня (до 1939 г.).

Кировское (укр. Кіровське) – село на берегу реки Лош в Черниговской области Украины.

Кировское – поселок в Днепропетровском районе Днепропетровской области Украины. Прежнее название: Обуховка.

Кировское – город в Донецкой области Украины. Прежнее название: до 1958 г. – Крестовка.

Кировское – поселок в Кировском районе на востоке Крыма. Прежнее название: до 1945 г. – Ислям-Терек (крымскотат. Islam Terek).

Имя Кирова отмечено в названиях многих районов на территории бывшего СССР[5]. Обильный также перечень населенных пунктов с названием улиц в честь Кирова[6].

В память Кирова появились различные названия: *Кировская область* – была образована в декабре 1934 года; *Кировоградская область* – в южной части Украины, была образована в январе 1934 года; *Центральный парк культуры и отдыха им. С.М. Кирова* в Санкт-Петербурге; *Дворец Культуры им. Кирова* в Санкт-Петербурге; *Дом Культуры им. Кирова* в Воронеже и т.д., и т.п.[7] Имя Кирова в топонимических названиях стало особенно популярным в 30-е годы, сразу после его убийства в 1934 году, хотя отдельные номинации появлялись также позднее, включая 60-е годы.

Ряд городов был назван в честь советского военачальника, маршала и государственного деятеля К.Е. Ворошилова (1881–1969):

---

5 Напр.: Кировский район Ленинградской области, Кировский район Калужской области, Кировский район Могилевской области, Кировский район Приморского края, Кировский район Крыма, Кировский район Ставропольского края, Кировский район Северной Осетии. Районы в административных пределах городов также носят имя Кирова, ср.: Кировский район Волгограда, Кировский район Днепропетровска, Кировский район Донецка, Кировский район Екатеринбурга, Кировский район Казани, Кировский район Кемерова, Кировский район Красноярска, Кировский район Махачкалы, Кировский район Новосибирска, Кировский район Перми, Кировский район Ростова-на-Дону, Кировский район Самары, Кировский район Саратова, Кировский район Санкт-Петербурга, Кировский район Томска, Кировский район Уфы, Кировский район Ярославля.

6 Напр.: в Великом Устюге, Владивостоке, Владикавказе, Владимире, Воронеже, Горнозаводске, Ижевске, Казани (бывшее название Московской улицы), Калуге, Кемерове, Кирове, Кургане, Магнитогорске, Моршанске, Москве (бывшее название Мясницкой улицы), Новокузнецке, Новосибирске, Орехово-Зуеве, Пензе, Перми, Пучеже, Реутове, Ульяновске, Челябинске, Ярославле. Кроме того, имя Кирова числится в названиях проспектов и площадей в различных населенных пунктах: Проспект Кирова в Коломне, Проспект Кирова в Махачкале (прежнее название проспекта Гамидова), Новокировский проспект в Москве (бывшее название проспекта, ныне разделен на проспект Академика Сахарова и улицу Маши Порываевой), Проспект Кирова в Нижнем Новгороде, Проспект имени Кирова в Пятигорске, Кировский проспект в Ростове-на-Дону, Проспект Кирова в Самаре, Кировский проспект в Санкт-Петербурге (прежнее название Каменноостровского проспекта), Проспект Кирова в Саратове, Проспект Кирова в Томске; Площадь им. Кирова в Новосибирске, Площадь Кирова в Петрозаводске, Площадь Кирова в Самаре, Кировская площадь в Санкт-Петербурге, Площадь им. Кирова в Саратове, Площадь Кирова в Томске.

7 Ср. также названия: *Парк им. С.М. Кирова* в Пятигорске; *Проезд Кирова* в Москве; *Кировский завод* в бывшем Ленинграде; *Стадион имени С.М. Кирова* в бывшем Ленинграде (был открыт в 1950 г., разрушен в 2007 г.); создавались памятники Кирову, например, в Ленинграде на *Кировской площади*, в Ростове-на-Дону и многих других городах; *Электровоз СК* (Сергей Киров); *Киров* – название советского легкого артиллерийского крейсера; *Кирова залив* – бывший Кызыл-Агач, в юго-западной части Каспийского моря; *Острова Сергея Кирова* – шесть небольших островов в северо-восточной части Карского моря, которые входят в состав Красноярского края.

Ворошиловград – ныне Луганск (укр. Луганськ), город на Украине. Он дважды переименовывался в Ворошиловград: с 1935 г. – Ворошиловград, с 1958 г. – Луганск, в 1969 г. опять назван в честь Ворошилова, с 1990 г. историческое название опять восстановлено.

Ворошиловск – ныне Алчевск (укр. Алчевськ) – город Луганской области на Украине. Прежние названия: село Юрьевка (1895–1903 гг.), поселок Алчевское (гг. 1903–1932), город Ворошиловск (1932–1961 гг.), город Коммунарск (1961–1991 гг.), с 1991 г. – Алчевск.

Ворошиловск – ныне Ставрополь, город на юге России. Последующие названия: в годы 1777–1935 – Ставрополь-Кавказский, в 1935–1943 гг. – Ворошиловск, с 1943 г. – Ставрополь.

Ворошилов – ныне Уссурийск, город Приморского края в России. Последующие названия: до 1926 г. – Никольск, до 1935 г. – Никольск-Уссурийский, до 1957 г. – Ворошилов, в 1957 г. был переименован в Уссурийск.

В честь К.Е. Ворошилова была названа серия тяжелых танков КВ [ка-вэ] Путиловского завода. Имя этого военного деятеля было присвоено почетному знаку *Ворошиловский стрелок*, которым награждали метких стрелков. Его имя носила в годы 1941–1992 Военная академия Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР. Имя Ворошилова носят улицы в Воронеже, Липецке, Николаеве, Оренбурге, Санкт-Петербурге, Челябинске, а также в других городах и населенных пунктах. В честь военачальника установлены памятники и бюсты, например, в Луганске. Итак, номинации, связанные с именем Ворошилова отмечены как при его жизни, так и после смерти в 1969 году. В последствии были восстановлены исторические названия населенных пунктов.

Различные названия были связаны с именем большевика, идеолога партии и государственного деятеля А.А. Жданова (1896–1948):

Жданов – ныне Мариуполь (укр. Маріуполь), город на берегу Азовского моря в Донецкой области, родина А.А. Жданова. Последующие названия: до 1778 г. – Домаха, до 1780 г. – Павловск, до 1948 г. – Мариуполь, до 1989 г. – Жданов, с 1989 г. – Мариуполь.

Ждановск – ныне город Бейлаган в Азербайджане. Прежнее название: до 1989 г. – Ждановск.

Ждановск – ныне Заполярный, город в Мурманской области России. Прежнее название: до 1963 г. – Ждановск. В 1956 г. как поселок был объявлен комсомольской стройкой.

Ждановка – село в Саратовской области России. В селе существовал совхоз «Ждановский». Прежнее название: Гоффенталь, село носило данное название в период существования Республики немцев Поволжья.

Ждановка – село в Александровском районе Оренбургской области, расположено в 100 километрах на север от Оренбурга.

Ждановка (укр. Жда́нівка) – город областного значения в Донецкой области Украины. Первое поселение на месте города основано в 1924 году

в связи с развитием угольной промышленности. До 1966 года поселок носил имя *Ново-Ждановка*.

Жданово – деревня в Вяземском районе Смоленской области России.

Жданово – деревня в Духовщинском районе Смоленской области России.

Жданово – село в составе Черновского сельсовета Большеболдинского района Нижегородской области.

В честь Жданова были названы различные объекты, в том числе улицы, районы (в Москве, Ленинграде и других населенных пунктах), московская станция метро «Ждановская» (ныне «Выхино»), платформа Смоленского направления МЖД *Ждановка* – расположена южнее деревни Жданово Вяземского района Смоленской области, крейсер «Жданов» (ныне Северная верфь), *Порт Жданов* в бывшей Сталинской области Украины, *Университет имени А.А. Жданова* в бывшем Ленинграде.

Отметим выборочно также другие топонимы, связанные с советским периодом:

Куйбышев – ныне (с 1991 г.), как и раньше до 1935 г., называется Самара, город в Самарской области России. В советский период с 1935 г. по 1991 г. носил имя Куйбышев в честь советского государственного и партийного деятеля В.В. Куйбышева (1888–1935).

Куйбышев – город в Новосибирской области. Прежнее название (как военное укрепление): Каинский Пас. В 1935 году Каинск был переименован в Куйбышев.

Куйбышев – ныне город Болгар. С 1926 г. по 1935 г. носил имя Спасск-Татарский, с 1935 по 1991 – Куйбышев. В 1991 г. город получает название Болгар в честь исторической столицы Волжской Болгарии.

Куйбышев – ныне село Агарцин на северо-востоке Армении. До 1940 г. называлось Джархедж, с 1940 по 1992 гг. именовалось Куйбышев в честь Валериана Куйбышева.

Имя Куйбышева было засвидетельствовано в различных других названиях: водохранилищ, железных дорог, теплоходов и т.д.[8] В честь этого совет-

---

[8] Напр.: *Куйбышевское водохранилище* – самое крупное на реке Волге водохранилище. Возникло в 1955–1957 гг. после завершения строительства плотины Жигулевской ГЭС; *Куйбышевская железная дорога* – дорога образована в 1936 году из Самаро-Златоустовской железной дороги, ряда участков Московско-Казанской железной дороги и бывшей Сызрано-Вяземской железной дороги (название Куйбышевская дорога получила в мае 1953 года); *«Валериан Куйбышев»* – советский танкер, принимавший участие в Великой Отечественной войне (потоплен немецкой авиацией в районе станицы Благовещенская); *«Валериан Куйбышев»* – комфортабельный четырехпалубный пассажирский теплоход построен в 1975 году в Чехии; *Дальневосточный политехнический институт им. В.В. Куйбышева* во Владивостоке – был основан в 1930 г., в 1992 г. получил статус университета и стал Дальневосточным государственным техническим университетом; *Московский инженерно-строительный институт им. В.В. Куйбышева*

ского революционера названы многие улицы и площади в разных городах России и других странах бывшего СССР[9].

Орджоникидзе – ныне Владикавказ, город в центральной части Кавказа, столица Осетии. До 1931 г. – Владикавказ, в годы 1931–1944 и 1954–1990 – Орджоникидзе (в честь государственного и партийного деятеля Г.К. Орджоникидзе (1886–1937), партийная кличка Серго), в годы 1944–1954 – Дзауджикау, с 1990 г. город имеет двойное имя – русское Владикавказ и осетинское Дзауджикау (Дзæуджыхъæу).

Орджоникидзе – город на Украине. Основан в 1956 г. в результате объединения нескольких рабочих поселков, выросших вблизи марганцевого рудника имени Орджоникидзе.

Орджоникидзеабад – город в Таджикистане. До 1936 г. Янги-Базар, переименован в апреле 1936 года. В 1992 году переименован в Кофарнихон. С марта 2003 г. носит имя Вахдат.

Орджоникидзе – поселок городского типа в Автономной Республике Крым. Название актуально с 1937 года.

Кроме того, имя Орджоникидзе отражено в ряде названий институтов, университетов и других учреждений[10].

– один из крупнейших технических университетов России (название до 1993 г., ныне: Московский государственный строительный университет); *Казанский государственный финансово-экономический институт* носит имя *Куйбышева В.В.* Институт был создан в 1931 г. на базе экономического факультета Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина.

[9] Ср.: улица Куйбышева в Бийске, Владикавказе, Горловке, Днепропетровске, Донецке, Екатеринбурге, Ишимбае, Йошкар-Оле, Кишиневе (ныне улица Каля Ешилор), Калининграде, Коломне, Липецке, Магнитогорске, Мариуполе, Минске, Москве (в 1935–1990 гг., ныне Ильинка), Моряковском Затоне, Мурманске, Невинномысске, Нижнем Новгороде, Новокузнецке, Новороссийске. Павлодаре (ныне улица Торайгырова), Пензе, Перми, Петрозаводске, Самаре, Санкт-Петербурге, Саранске, Симферополе, Сочи, Теплой Горе, Тольятти, Томске, Усолье Сибирском, Южном, Ямщине, Ярцево; площадь Куйбышева в Волгограде, Казани (ныне площадь Габдуллы Тукая), Самаре и др. городах.

[10] Ср.: *Московский государственный авиационный институт им. Серго Орджоникидзе*; *Российский государственный геологоразведочный университет им. Серго Орджоникидзе*; *Уфимский государственный авиационный технический университет им. С. Орджоникидзе*; эскадренный миноносец *«Серго Орджоникидзе»*. В честь Орджоникидзе были названы районы, улицы, площади, станции, заводы, дворцы и дома культуры, санатории, учреждения и вузы, напр.: *Орджоникидзевский район* Екатеринбурга; районы в Запорожье, Мариуполе, Перми, Таганроге, Харькове, (Украина); площади в Саратове и Якутске, площадь в Могилеве (Белоруссия); железнодорожная станция в Брянске; *Дворец культуры им. Г.К. Орджоникидзе* в Уфе; Дома культуры им. Г.К. Орджоникидзе в Нижнем Новгороде и Магнитогорске; санатории им. Г.К. Орджоникидзе в Сочи и Кисловодске; *Станкостроительный завод им. Серго Орджоникидзе* в Москве; *Завод им. Орджоникидзе* в Подольске, *Завод им. Орджоникидзе* в Сарапуле, *Завод им. Серго* в Зеленодольске; *Производственное*

Показательны также наименования в честь советского государственного и партийного деятеля Я.М. Свердлова (1885–1919):

Свердловск – так назывался Екатеринбург с 14 ноября 1924 года по 6 сентября 1991 г. В 1991 г. город был переименован снова в Екатеринбург. Однако свое название сохранили *Свердловская область* и центральная железнодорожная станция Екатеринбурга – *Свердловск-пассажирский*. Кроме того, в городе есть *улица Свердлова*.

Свердловск (укр. Свердловськ, разговорн. Свердловка) – город областного значения в Луганской области Украины, административный центр Свердловского района. Город Свердловск был образован путем объединения нескольких населенных пунктов в 1938 г. В 2009 г. в Верховную Раду Украины был внесен на рассмотрение проект постановления, согласно которому планируется переименовать город Свердловск в Должанск (укр. Довжанськ).

Имя Свердлова было отмечено в названиях поселков, улиц, площадей и парков[11].

Названия, образованные в честь М.И. Калинина (1875–1946).

Населенные пункты: *Калининград* – город и административный центр Калининградской области. Расположен при впадении реки Преголи в Калининградский залив. Прежнее название города Кёнигсберг, переименованного в 1946 г. в память государственного деятеля Калинина. *Калинин* – название города в годы 1931–1990, ныне Тверь. *Калининград* – город под Москвой до 1996 г., ныне Королев.

Имя Калинина засвидетельствовано в названиях станций метро, улиц, площадей, проспектов, парков, районов[12].

Названия, образованные в честь В.М. Молотова (1890–1986).

объединение вычислительной техники им. Серго Орджоникидзе в Минске (Белоруссия); *Ульяновское высшее военное училище связи* (ныне закрытое).

[11] Напр.: *Поселок им. Свердлова* – поселок городского типа во Всеволожском районе Ленинградской области России; *улица Свердлова* в Харькове (с 1919 по 1996 гг., в 1996 г. по решению Харьковского городского совета улица Свердлова была переименована в улицу *Полтавский шлях*), *улица им. Я.М. Свердлова* в Нижнем Новгороде (так называлась с 1918 по 1992 годы *Большая Покровская*, на этой улице в доме № 6 родился Яков Михайлович); *Площадь Свердлова* (так называлась *Театральная площадь* в Москве в 1919–1991 гг.); *Парк им. Свердлова* на улице Пискунова в Нижнем Новгороде.

[12] Напр.: в декабре 1946 г. станция Московского метрополитена «Улица Коминтерна» была переименована в «Калининскую» (название просуществовало до ноября 1990 г. и было заменено на Александровский сад); *улица Калинина* в Санкт-Петербурге в Кировском районе; *улица Калинина* в Минске, прилегающая к площади, на которой расположен памятник Калинину; именем Калинина названы площадь и проспект в Калининграде; *Проспект Калинина* в Барнауле.

Населенные пункты: *Молотов* – название города до 1957 г., переименовано в Пермь; *Молотовская область* – переименована в Пермский край; *Молотовск* – данное имя носили города: Северодвинск (в гг. 1938–1957) и Нолинск Кировской области (гг. 1940–1957), в 1938 г. поселок Судострой получил статус города и стал называться Молотовск[13].

Различные номинации были связаны с именем Н.И. Ежова (1895–1940):

Ежово-Черкесск – название города в 1937–1939 гг. Ныне Черкесск. Раньше казачья станица Баталпашинская. В 1931 г. населенному пункту был присвоен статус города и имя Баталпашинск. В 1934 г. Баталпашинск был переименован в Сулимов по фамилии председателя Совнаркома РСФСР Д.Е. Сулимова. В 1937 году Сулимов был арестован и расстрелян, после чего город переименовали в Ежово-Черкесск, в честь наркома внутренних дел Ежова. В 1939 году, после его ареста, за городом сохранилась лишь вторая часть названия – Черкесск.

Ежовокани – такое название носило село Ниноцминдского района Грузии в 1937–1939 гг. Затем село было переименовано в Жданови[14].

Наименования в честь Ф.Э. Дзержинского (1877–1926).

Населенные пункты: *Дзержинск* – город в Нижегородской области России. Прежнее название: Растяпино (до 1929 г.). Именем «Дзержинск» назван местный телеканал. *Дзержинск* – город в Минской области Белоруссии. До 1932 г. назывался Койданов. Неподалеку от города родился Дзержинский. Вблизи города находится самая высокая точка Белоруссии (345 м.) – гора Дзержинская. *Дзержинск* – город в Донецкой области Украины. До 1938 г. носил название Щербиновка. *Дзержинск* – в годы 1933–2003 название поселка в Житомирской области Украины; переименован в Романов. *Дзержинское* – населенный пункт в Славском районе Калининградской области. *Дзержинское* – село Дзержинского района в Красноярском крае. Прежние названия: Христорождественское, Рождественское. Село было переименовано в 1931 г. в память находившегося там в ссылке Дзержинского. *Дзержинское* (Дзержинка) – село в Томской области. Административно входит в состав города Томска. Находится в нем *улица Дзержинского* и *переулок Дзержинского*. *Дзержинское* – село в Приморском крае. *Дзержинский* – город в Московской области. *Днепродзержинск* (укр. Дніпродзержинськ) – город в Днепропетровской области.

---

[13] Отметим также другие названия: главная артерия Новокузнецка до 1957 г. называлась проспектом имени Молотова; *Тепловоз ВМ* (Вячеслав Молотов) – серия двухсекционных тепловозов; *Линия Молотова* – название системы укреплений, построенных Советским Союзом в 1940–1941 гг., вдоль западной границы.

[14] Именем Ежова назывались улицы, напр., *улица Ежова* в годы 1937–1939 в Самаре. Была переименована в улицу Осипенко. Бывшая Свято-Никольская, затем Ново-Никольская. С 1925 г. – улица Рыкова, затем Ежова, в 1939 г. она была переименована в честь советской летчицы Полины Осипенко.

Именем Дзержинского были названы улицы, площади, районы областей и краев, районы городов и станции метро[15].

Рыково – ныне Енакиево (укр. Єнакієве), город близ Донецка, имя Рыково было присвоено городу в годы 1928–1937 в честь партийного деятеля А.И. Рыкова (1881–1938). Прежние названия: с 1883 года Енакиево по имени инженера Ф. Енакиева, в годы 1937–1943 – Орджоникидзе (город был переименован в связи с арестом Рыкова). В 1943 году было возвращено название Енакиево.

Прижизненно в честь Рыкова в 1928 г. были переименованы четыре номерные Истоминские улицы в Москве[16].

Днепропетровск – имя с 1926 года в честь советского партийного деятеля Г.И. Петровского (1878–1958). Прежние названия: с 1783 года – Екатеринослав в честь Екатерины II, в годы 1796–1802 Новороссийск – переименован сыном Екатерины Павлом I, в годы 1802–1926 опять Екатеринослав – имя вернул внук Екатерины Александр I.

Из обзора топонимов в этом параграфе явствует, что их появление имеет свои особенности. Имя Ворошилова отмечено как при жизни, так и после его смерти. Подобное прослеживается в названиях, восходящих к Калинину и Орджоникидзе. Прижизненно существовали топонимы в честь Молотова и Ежова. Пожизненно же вводились топонимы от Жданова, Свердлова, Дзержинского, Рыкова. Этому были свои причины, что обусловлено идеологическими факторами. В дальнейшем в разные периоды, но особенно в годы перестроечной трансформации они обычно упразднялись и на их место возвращались зачастую прежние номинации. Данная тенденция реставрации исторических топонимов продолжается.

---

[15] Напр.: *названия улиц* – в Алма-Ате (прежнее название улицы Наурызбай-батыра), Барнауле, Вильнюсе (прежнее название улицы Калварию), Владимире, Волгограде, Гродно, Днепропетровске, Ижевске, Кирове, Краснодаре, Липецке, Мариинском Посаде, Москве (прежнее название улицы Лубянки), Нижневартовске, Николаеве, Петрозаводске, Рыльске, Санкт-Петербурге (прежнее название Гороховой улицы), Саратове, Серпухове, Ставрополе, Таганроге, Харькове (прежнее название улицы Мироносицкой); *названия площадей* – в Москве (на ней находится здание ФСБ, раньше КГБ СССР), в Томске, Самаре, Харькове; *Дзержинские районы* – Житомирской области (ныне Романовской), Калужской области, Красноярского края, Минской области, Нижегородской области, Оренбургской области и районы в пределах городов: Волгограда, Новосибирска, Оренбурга, Перми, Санкт-Петербурга (ныне Центральный), Харькова, Ярославля; *станции метро* – «Дзержинская» в Москве (в 1990-х гг. была переименована в «Лубянку»), «Дзержинская» в Харькове (переименована в 1994 г. в «Университет»), «Дзержинская» в Киеве (переименована в 1990-х гг. в «Лыбедскую»).

[16] В годы 1937–1938 улицы носили прежнее название – Истоминское; позже были переименованы по соседней улице Восьмого Марта. В настоящее время из номерных улиц сохранились две – 1-ая и 4-ая.

4. Топонимы с идеологемой *красный*

В советских реалиях часто появляются названия с идеологемой *красный*, которая в различных коммуникативных ситуациях приобрела значительное количество коннотативных созначений. Она не теряет своей идеологической выразительности также в названиях населенных пунктов и других наименований, ср. номинации:

Красноармейск – город в Московской области. Прежние названия: село Муромцево, поселок Вознесенский, поселок Краснофлотский – с 1928 г., поселок Красноармейский – с 1929 по 1946 гг., город Красноармейск с 1947 г.;

Красноармейск – город в Саратовской области. Прежние названия: Голый Карамыш – по названию реки, Бальцер – название по фамилии немецких переселенцев, при очередной ликвидации немецких названий в 1942 г. город переименован в Красноармейск в честь Красной Армии;

Красноармейск – город в Донецкой области (укр. Красноармійськ). Прежние названия: Гришино, Постышево.

В советское время определение *красный* сменяет традиционный смысл «красивый, прекрасный», приобретая символическое значение «относящийся к революции, к советской власти». Прослеживается эта особенность в ряде топонимов, которые появились в советское время. Идеологическое содержание имеют следующие топонимы:

Красновишерск – город (с 1942 г.) в Пермской области. Прежнее название: поселок Вижаиха;

Красногорск – город (с 1940 г.) в Московской области. Прежние названия: поселок Баньки – по названию реки, поселок Красная Горка, поселок Красногорск с 1932 г.;

Красногорск – город (с 1947 г.) в Сахалинской области. Прежнее название: Чиннай. До 1945 г. в составе Японии, в 1947 г. возвращен России;

Краснодар – город в Краснодарском крае. Прежнее название: Екатеринодар в честь императрицы Екатерины II в связи с пожалованием ею земель Черноморскому казачьему войску. В 1920 г. Екатеринодар переименован в Краснодар, что имело символическое значение: цвет революции;

Краснозаводск – город в Московской области. Прежние названия: после 1917 г. назывался: Возрождение, Загорский, Краснозаводский. В 1940 г. преобразован в город Краснозаводск;

Краснознаменск – город в Калининградской области. Прежние названия: селение Лаздинай, Лазденен (немецкие названия). До 1945 г. в составе Германии, с 1945 – России. В 1946 г. переименован в Краснознаменск;

Краснокамск – город (с 1938 г.) в Пермской области. Вырос из поселка, основанного в 1929 г. при строительстве Камского целлюлозно-бумажного комбината;

Краснослободск – город в Волгоградской области. Прежние названия: хутор Букатин по фамилии первопоселенца, после 1917 г. переименован в поселок Красная Слобода. С 1955 года – город Краснослободск;

Краснотурьинск – город (с 1932 г.) в Свердловской области. Прежние названия: поселение Турьинские Рудники от названия реки Турья, на берегу которой началось строительство медных рудников, рабочий поселок Турьинский;

Красноуральск – город (с 1944 г.) в Свердловской области. Прежние названия: поселок Богомолстрой (название по фамилии золотопромышленника Богомолова), в 1929 г. был переименован в Уралмедьстрой;

Красноармейка – поселок в Татарстане на берегу реки Степной Зай (тат. Бакалы), прежнее название: Бакалы;

Красноармейское – село в Чувашии (Россия), прежнее название: Передние Траки; село в Молдавии (молд. Crasnoarmeiscoe);

Красногвардейское – село Ставропольского края России, прежние названия: Медвежье, с 1935 г. – Евдокимовское (по фамилии большевика, чекиста), с 1939 г. – Молотовское, с 1957 г. – Красногвардейское; село Красногвардейского района Адыгеи (Россия), прежнее название: Николаевское; поселок в Крыму (укр. Красногвардійське), прежнее название: до 1944 г. – Курман-Кемельчи;

Краснооктябрьский – поселок в Волгоградской области; поселок в Медведевском районе Республики Марий Эл (Россия);

Красный Октябрь – село Ставропольского края; поселок в Курганской области; поселок во Владимирской области; поселок в Липецкой области; поселок в Донецкой области (укр. Червоний Жовтень); поселок в Гомельской области (белор. Чырвоны Кастрычнік);

Краснопартизанск – ныне Белогорск, город на реке Томь в Амурской области России (прежние названия: до 1926 г. – Александровское, до 1931 г. – Александровск-на-Томи, до 1936 г. – Краснопартизанск, до 1957 г. – Куйбышевка-Восточная);

Красная могила – это один из первых советских топонимов, утвержденный по ходатайству жителей поселка при железнодорожной станции Провалье в память о погибших там 400 красноармейцах;

Красная Рада – деревня в Липецкой области;

Красное Знамя – поселок в Липецкой области; деревня в Смоленской области;

Красный Коммунар – поселок в Оренбургской области;

Красный Луч – поселок в Липецкой области (прежнее название: Пионер); поселок в Нижегородской области; поселок в Псковской области;

Красная Звезда – деревня в Смоленской области;

Красный Маяк – поселок во Владимирской области; поселок в Гомельской области (белор. Чырвоны Маяк);

Красный Пахарь – хутор в Гиагинском районе Адыгеи (Россия); деревня в Тверской области; деревня в Смоленской области;

Красный Хлебороб – хутор в Гиагинском районе Адыгеи;

Красный Сулин – город (с 1926 г.) в Ростовской области, прежние названия: поселок Сулин (название по фамилии казачьего полковника Андрея Сулина), в 1920 г. за революционные заслуги селению было присвоено название Красный Сулин.

Идеологема *красный* засвидетельствована в названиях ряда других географических точек и различных объектов[17].

Итак, определение *красный* как символ революции, закреплено в целом множестве топонимов, названия которых связаны с новыми, т.е. революционными органами власти, которые присваивались в честь Красной Армии, в честь символа революции – красного знамени и других символических имен. Зачастую это названия, состоящие из двух основ, где к основе *красн-* присоединяются основы от слов типа: *армия*, *гвардия*, *партизан*, *октябрь*, *звезда*, *знамя* и т.п. Различные топонимы были связаны со строительством комбинатов, заводов, рудников и других советских предприятий. Многие названия восходят к именам красноармейцев, большевиков, чекистов и партийных деятелей.

5. Другие топонимы пропагандистского характера

Одним из первых советских топонимов является *Советск* – наименование города в Кировской области (ранее Слобода Кукарка бывшей Вятской губернии). Данный топоним засвидетельствован также в названии городов в Тульской и Калининградской областях.

Ряд городов, сел и поселков получил название в честь международного праздника трудящихся *Первое мая*[18]:

---

[17] Напр.: *Красной Армии пролив* – между островами Комсомолец и Пионер и островом Октябрьской Революции, соединяет Карское море с морем Лаптевых; *Переходящее Красное Знамя* – почетная награда, которую получали советские предприятия, победившие в социалистическом соревновании; *Красное Знамя* – военный орден за особое отличие в боях, был учрежден в 1918 году. Государственных и партийных деятелей награждали *орденом Красного Знамени* (Киров, Жданов), *орденом Трудового Красного Знамени* (Жданов). *Орденом Трудового Красного Знамени* в 1950 году была награждена газета «Комсомольская правда» в связи с ее 25-летием. Таким же орденом была награждена в 1945 году центральная газета «Красная звезда» за заслуги в Великой Отечественной войне. Раньше, в 10-летний юбилей (1934 год) та же газета была награждена *орденом Красной Звезды*. Ср. также названия: Завод качественной металлургии *«Красный Октябрь»* в бывшем Сталинграде; Торфяная электростанция в Ленинградской области *«Красный Октябрь»*; Завод сельскохозяйственного машиностроения «*Красная Звезда»* – в Кировоградской области.

[18] Праздник был установлен в память чикагских рабочих, организовавших в этот день 1886 года забастовки и демонстрацию. В 1890 году были организованы празднования Первого мая в Англии, Германии, Франции и других странах; в России: в 1891 г. – в Петербурге, в 1895 г. – в Москве.

Первое Мая. Встречается в названии следующих населенных пунктов России: поселка в Липецкой области (возник в 1920-х годах как сельскохозяйственная коммуна); деревни в Смоленской области; рабочего поселка в Нижегородской области.

Первомайка. Название поселка в Костромской области России на реке Унжа, а также название села в Акмолинской области Казахстана на реке Ишим.

Первомайск. Данный топоним относится к ряду мест: город в Нижегородской области России (прежнее название: поселок Ташино, в 1951 г. он был преобразован в город Первомайск); деревня в Гомельской области (белор. Першамайск), прежнее название: до 1939 г. – Кобылево; город в Луганской области (укр. Первомайськ), прежние названия: поселок Александровка, поселок Петро-Марьевка; город в Николаевской области Украины, прежние названия: Орлик, Екатерининский шанец, Екатеринин, Ольвиополь; село в Каушанском районе Молдавии (молд. Pervomaisc).

Первомайский. Название большого количества населенных пунктов, ср., например, в России: рабочий поселок в Нижегородской области; поселок в Липецкой области (прежние названия: Торфболото, Торфразработки, Клешня либо Калешня); деревня в Смоленской области; поселок в Кировской области на реке Вятка; поселок в Забайкальском крае (прежнее название: Слюдянка); село в Завьяловском районе Удмурдии; поселок в Московской области; поселок в Новгородской области; поселок в Оренбургской области; село в Смоленской области; поселок в Тамбовской области (прежние названия: Харчевня, Новобогоявленские Выселки); поселок в Тульской области (прежнее название: Газовый поселок); поселок в Челябинской области; хутор в Гиаганском районе Адыгеи (Россия); город в Харьковской области (укр. Первомайське); поселок в Гомельской области (белор. Першамайскі); поселок в Восточно-Казахстанской области.

Первомайское. Имя сел и поселков в различных местах, ср.: село в Саратовской области (прежнее название: Гуссенбах); село в Липецкой области (прежние названия: Верхние Раковы Рясы, Голожохово); село в Томской области (прежнее название: Пышкино-Троицкое); село в Дагестане; село в Каякентском районе Дагестана; поселок в Ленинградской области (прежние названия: Кивеннапа, Кивиннебб); село в Харьковской области Украины (укр. Первомайське), прежнее название: Янохино; село в Крыму (прежние названия: Гончаровка, Карагоз); поселок в Крыму (прежнее название: Джурчи); село в Молдавии (молд. Pervomaiscoe).

Известны также географические номинации, связанные с *комсомолом*, ср.: *Комсомольск* – город в Ивановской области России, основан в 1931 году в связи со строительством электростанции, работающей на торфе; *Комсомольск* – поселок в Кемеровской области; *Комсомольск* (укр. Комсомольськ) – город в Полтавской области.

Комсомольск-на-Амуре – город Хабаровского края на Дальнем Востоке. Основан в 1932 году комсомольцами, прибывшими на строительство со всех концов страны.

Комсомолец – поселок в Краснодарском крае России; *Комсомолец* – самый северный из островов Северной Земли; *Комсомолец* – залив в северно-восточной части Каспийского моря.

Название *Комсомольский* обозначает несколько мест: поселок в Архангельской области России; поселок в Атырауской области Казахстана; поселок в Донецкой области (укр. Комсомольський); поселок в Чамзинском районе Республики Мордовия; поселок в Кошехабльском районе Адыгеи.

Топоним *Комсомольское* также называет ряд мест: село в Саратовской области; поселок в Ленинградской области; город в Донецкой области (укр. Комсомольське); поселок в Великобурлукском районе Харьковской области; поселок в Змиевском районе Харьковской области; поселок в Крыму; село в Актюбинской области Казахстана; село в Чувашии.

Рабочий класс запечатлен в топонимах, образованных от слова *пролетариат*, которые представлены в названиях многих населенных пунктов:

Пролетарск – город в Ростовской области России; *Пролетарий* – поселок в Липецкой области; поселок в Новгородской области; *Пролетарка* (укр. Пролетарка) – село в Харьковской области; *Пролетарский* – поселок в Московской области; поселок в Белгородской области; поселок в Новгородской области; поселок в Луганской области (укр. Пролетарський); *Пролетарское* (укр. Пролетврське) – в названиях сел в Харьковской области на Украине: в Близнюковском районе, Боровском районе, Волчанском районе, Змиевском районе.

Партийное руководство инициировало пропагандистскую кампанию увековечивания трудовых рекордов. Среди топонимов оказывались имена участников социалистического соревнования. Ярким примером тому является А.Г. Стаханов (1905–1977) – новатор угольной промышленности, которому было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Его имя отмечено в ряде топонимов, ср.:

Стаханов (укр. Стаханов) – город в Луганской области. Прежние названия: до 1937 г. и в годы 1940–1978 назывался Кадиевка, в годы 1937–1940 именовался Серго. В 1978 г. был переименован в Стаханов.

Стахановка – Автономная Республика Крым (Украина); *Стахановский* – переулок в Тульской области, *улица Стахановцев* – в бывшем Ленинграде; *Стахановская улица* – в Москве; *Стахановская улица* – в Ялте; *Стахановская улица* – в Коллино; *Стахановская улица* – в Перми; *Стахановская улица* – в Свердловске; *Стахановская улица* – в Ишимбае; *Стахановская улица* – в Пскове; *Стахановская улица* и *Стахановский переулок* – в Минске; *Стахановский мост* – в Риге (ныне Славу).

Некоторые деятели литературы и искусства также оказывались в фонде подобных номинаций. Лучший тому пример М. Горький – основоположник социалистического реализма, родоначальник советской литературы. Нижний Новгород был переименован в 1932 году в *Горький* в честь родившегося там пролетарского писателя. Название просуществовало до 1990 года, после чего было восстановлено прежнее, т.е. Нижний Новгород[19]. *Горьковская область* – название введено в декабре 1936 года, прежнее – Нижегородская область – было возвращено после перестройки.

Возвращению прежних исторических топонимических названий способствовала перестройка.

6. Новое имя на страницах литературных текстов

Советская мания идеологического переименования всего и вся, была отмечена еще Ильфом и Петровым хотя бы в романе *Двенадцать стульев* (1928 год). Здесь герои обыгрывают ситуацию переименования Москвы в Старые Васюки, а Васюков в Нью-Москву.

Интересной можно считать иллюстрацию этого явления в рассказе М. Зощенко *Происшествие на Волге* (1927). Это повествование о том, как в первые годы революции группа отдыхающих граждан отправилась на экскурсию на пароходе под названием «Товарищ Пенкин». По пути экскурсанты останавливались и осматривали города – Самару, Саратов и Астрахань. Когда они вернулись, то их ожидал неприятный сюрприз; они не смогли найти свой пароход. Выяснилось, что название «Товарищ Пенкин» закрасили, поскольку он не оправдал надежд власти, рабочий Пенкин «отчасти не был на высоте своего положения». В Самаре пароход переименовали на «Грозу». Новое название долго не продержалось и было заменено. «Грозу» закрасили, так как «это было малоактуальное название. Оно отчасти было беспринципное. Это явление природы. И оно ничего не дает ни уму ни сердцу». В Саратове пароходу дали имя умершего в 1921 году, признанного всеми писателя «Короленко». Высказано при этом предположение, что в этой форме название продержится дольше. Итак, название парохода дважды менялось по политическим соображениям. В конце рассказа звучат весьма смелые, но и рискованные по тем временам высказывания повествователя: «Пенкин был жив, и в этом была основная его неудача, доведшая его до переименования». Затем следует пояснение: «С одной стороны, нам как будто бы иной раз выгодно быть неживым. […] А вместе с тем быть живым вроде как тоже в этом смысле относительная неудача» (Зощенко 1987: 3, 358–360).

---

[19] На Западе город известен чаще всего как место ссылки А.Д. Сахарова – создателя водородной бомбы, получившего Нобелевскую премию за книгу «О стране и мире», которую он посвятил защите прав человека.

Из представленного выше материала следует, что названия часто менялись в зависимости от политической ситуации. Особенно это ощутимо в названиях населенных пунктов и различных географических мест. Дореволюционные названия городов заменялись другими именами и даже эпитетами, например, эпитетом *красный*, сочетающим в себе значение революционного цвета с исконно русским смыслом 'красивый'. Это слово вызывает ассоциацию с революцией и часто встречается как в сложных, так и в двучленных топонимах, о чем свидетельствует приведенный материал. Название главной площади Москвы *Красная площадь* также не лишено подобных созначений, кроме исторического в значении 'красивая', которое впервые было применено в XVII веке.

Подводя итоги сказанному в главе, подчеркнем следующее: многие дореволюционные топонимы получили в советский период новые номинации, связанные с революционной символикой, а также именами партийных и государственных деятелей. Новыми именами называются в советский период города и села, области, районы, улицы, площади и проспекты, а также горные массивы, заливы и другие географические точки. Кроме того, топонимические советизмы прижились не только в бывшем Советском Союзе, но также в зарубежных странах и, в первую очередь, бывших соцстранах. В итоге десоветизации различные топонимы получили вновь историческое имя или новое название.

VIII. Гендер и языковой портрет советской женщины

Изменения в жизни советского общества после 1917 года в значительной мере отражают социальные отношения, в том числе различия между мужчинами и женщинами в плане выполняемых ими социальных ролей, их поведения, ментальных и эмоциональных характеристик. Общеизвестно, что это своеобразное противопоставление мужского и женского определяется в научной литературе термином *гендер*, т.е. социокультурный пол[1].

Система этих отношений засвидетельствована также в названиях различных профессий. Небезынтересно будет поэтому проследить с этой точки зрения статус женщины в советском обществе, исходя из того положения, что феминизмы[2], в целом, являются значительным фрагментом языковой картины мира.

Образ женщины привлекает внимание многих исследователей с самых различных точек зрения: стратегий речевого поведения (Anusiewicz, Handke 1994; Близнакова 2004), изображения в художественной литературе (Modrzejewska 1999; Witosz 2001; Лагановска 2004). Ее образ представлен также в исследованиях по семиотике пола и в работах о психологических типах, а также о статусе этносов (Юнг 1992; Lahusen 1992; Апресян 1995; Сорокин 1995; Борисова 2003). Итак, существуют разноаспектные исследования, раскрывающие облик женщин. Один из таких ракурсов предлагает в своем «Толковом словаре названий женщин» Н.П. Колесников (2002)[3].

---

[1] Лингвистические исследования понятия *гендер* первоначально проводились на Западе на базе языков из германской и романской языковых групп. В России систематические исследования по этой тематике стали проводиться только в конце 80-х – начале 90-х годов XX века. Сейчас, как отмечает Елена Горшко, «с уверенностью можно говорить о появлении еще одной новой отрасли отечественного языкознания – лингвистической гендерологии (или гендерной лингвистики)» (см.: Горшко). По вопросам *гендера* см., напр.: Шахмайкин 1996; Кирилина 1999.

[2] Данный термин, вслед за Н.П. Колесниковым, обозначает наименования женщин (см.: Колесников 1993).

[3] По лексикографическим разработкам других авторов также можно составить различные портреты (образы) женщин (см., напр.: Дуличенко 2000; Кульпина, Вавжинчик (ред.) 2006).

1. Словарные языковые данные

Словарь Н.П. Колесникова систематизирует один из важнейших разрядов (пластов) лексики русского языка. В его центр поставлена женщина. Словарь специально воссоздает различные наименования женщин. В нем впервые подвергнуты системному описанию понятия этой особой номинативной и коммуникативно-прагматической сферы. Словарь фиксирует более 7 тыс. феминизмов[4]. Это значительный слой русской лексики, покрывающий обширное поле деятельности женщин в семейном кругу, в различных сферах общественной жизни, в области науки, техники, спорта и т.д. Женщины занимают различные должности и выполняют разные функции, задания и обязанности.

Раньше феминизмы не получили в словарях достаточного освещения. Они были представлены с совершенно иных позиций. В словарях обычно отмечены названия лиц мужского пола, для женского пола наименования или вовсе не приводятся, или отмечены непоследовательно, в чем убеждают, например, материалы МАС. Недостает зачастую женских номинаций в ОШ и БТС. Приводятся названия применительно к мужчине, в то время как параллельные женские наименования в ряде случаев отсутствуют[5].

Цель словаря Н.П. Колесникова состоит в том, чтобы показать динамику, подвижность и многоаспектность номинаций женского пола. Функциональная активность представленных в словнике вокабул является разнообразной. В нем фиксируются как современные, так и старинные (исторические) наименования. Эксплицированы, с одной стороны, общеупотребительные и нейтральные в стилистическом плане названия лиц женского пола, и, с другой – наименования разговорного характера, где для номинации женщин используется экспрессивная и эмоциональная лексика.

Словарь по-разному транслирует образ женщины. Дифференциация прослеживается по многим показателям (возрастным, по роду занятий, положению в обществе, характеру женщины, ее поведению, интересам, ценностям и т.д.), причем любой из них может являться типообразующей характеристикой.

2. Образ женщины-труженицы

Материалы, собранные в словаре Н.П. Колесникова, в определенной мере воспроизводят картину послереволюционной действительности, они также позволяют воссоздать образ женщины того периода, портрет

---

4 Кроме основного корпуса номинаций, словарь содержит приложения: 1. Список субстантивированных прилагательных (более 170 названий), 2. Указатель названий женщин России по месту жительства (500), 3. Индекс имен героинь, упоминаемых в Библии (около 60).

5 Авторы словников, в том числе двуязычных словарей, обычно ссылаются на то положение, что наименования лиц составляют соотносительные пары, т.е. названия лиц мужского и образованные от них названия лиц женского пола.

советской женщины. Соответствующие номинации передают трудовую атмосферу того времени, в том числе, атмосферу первых пятилеток.

Несмотря на то, что после революций 1917 года было введено юридическое равноправие женщин с мужчинами (1918 г.), женщины оказались в крайне сложных условиях, так как равноправие практически обозначало эксплуатацию государством труда женщин в больших масштабах. В монографии И.А. Курганова *Женщины и коммунизм* наглядно представлены статистические данные, которые доказывают, как советское государство несправедливо относилось к женскому труду. Согласно Курганову, «профессиональное, а для СССР это значит и социальное, положение женщин в советском обществе имеет две тенденции: во-первых, чем выше ступень социальной лестницы, тем меньше женщин и, во-вторых, продвижение женщин на средние и высшие ступени социальной лестницы за последние годы, то есть годы строительства коммунизма, определенно замедляется, значит, не только существует неравенство между мужчинами и женщинами, но оно определенно усиливается» (Курганов 1968).

После 1917 года женщины не только использовались во всех областях народного хозяйства, но они стали работать даже там, где обычно трудились мужчины, например, на строительстве, в тяжелой промышленности. Таким образом, в России стали функционировать новые „женские” профессии.

Среди представительниц женского пола появились:

бетонщицы, *паяльщицы*, *электросварщицы*, *шахтерки*, *фрезеровщицы*, а также:

автокрановщицы – управляли подъемным краном, установленным на автомобиле;

арматурщицы – занимались изготовлением стального каркаса железобетонных конструкций;

асфальтировщицы – занимались асфальтированием дорог, улиц;

угольщицы – работницы угольной промышленности;

экскаваторщицы – управляли землеройно-погрузочной машиной.

Реальная послереволюционная ситуация не оказалась благоприятной к женщинам, которые вынуждены были работать в шахтах, на заводах и т.п. Дело в том, что в ранг обязательных заданий органами официальной власти выдвигалось участие женщины в экономическом, индустриальном развитии страны и управлении: в строительстве, горной промышленности, металлургии. Поэтому в словаре отмечены следующие профессии:

каменщица, *шпаклевщица*, *белильщица*, *пожарница*, *авиаторша*, *шоферка*, а также:

бамовка – участница строительства БАМа;

забойщица – женщина-горнорабочий;

заварщица – работница, производящая сварку чего-либо;

закальщица, *калильщица*, *кальщица* – женщина, занимающаяся закаливанием сплава, металлических изделий;

зарубщица – работница, производящая зарубку в шахте;
засмольщица – женщина, замазывающая что-либо смолой;
зубофрезировщица – работница, обслуживающая зубофрезерный станок;
истопница – работница, занимающаяся топкой печей;
канавщица – женщина, роющая канавы;
камазовка, *камазонка* – работница Камского автомобильного завода (КамАЗа);
крановщица – работница, обслуживающая кран, т.е. машину для подъема и перемещения грузов;
литейщица – работница, занимающаяся отливкой металлических изделий;
лопатница – женщина, работающая лопатой;
паромщица – женщина, занимающаяся перевозками людей, транспорта, грузов на пароме;
перевозчица – женщина, занимающаяся перевозом с одного берега реки на другой на лодке, пароме;
подводчица – женщина, перевозящая грузы на подводе;
развальцовщица – занимается развальцовкой, т.е. обработкой отверстия в металлических изделиях;
разгрузчица, *разрубщица* – работница, занимающаяся разрубкой;
рамщица – женщина, управляющая работой лесопильной рамы;
распильщица – женщина, распиливающая что-либо;
растапливательница, *растоплятельница*, *растопница*, *растопщица* – женщина, растапливающая в печи, истопница;
рафинерщица – работница, обслуживающая аппарат для размола волокнистых материалов;
револьверщица – женщина-токарь, обслуживающая револьверный станок;
рубщица, *рубительница* – работница, занимающаяся рубкой;
рукоятчица – работница в шахте, подающая для подъема и спуска клети;
фанеровщица – занимается облицовкой мебели фонерой.

Вторая мировая война стала той границей, за пределами которой разделение на типично женские и мужские профессии потеряло всякий смысл, так как женщины должны были заменить мужчин, ушедших на фронт, во всех областях народного хозяйства. «К концу войны более 2-х миллионов женщин работали в сфере военной промышленности, сотни тысяч добровольно ушли на фронт санитарками или записались в ряды армии. Только в СССР в военных подразделениях наравне с мужчинами служили около 800 тысяч женщин»[6]. Это отразилось и в языке, о чем свидетельствуют следующие названия:

---

[6] См.: *Вторая мировая война: Женщины на войне (Часть 13)*. Режим доступа: http://bigpicture.ru/?p=202547

блокадница – женщина, находившаяся в блокаде, обычно о ленинградской блокаде 1941–1943 гг.;

разведчица; *разведывательница* – военнослужащая, посланная в разведку;

танкистка – военнослужащая танковых войск;

фронтовичка – женщина, находившаяся на фронте, в действующей армии;

партизанка – участница вооруженного отряда, самостоятельно действующего в тылу врага.

Указанные примеры отражают коренные изменения в жизни женщин в советской России. Как пишет Курганов, «в 1929 году женщины составляли большинство рабочих и служащих только в двух отраслях – здравоохранении и просвещении. В 1965 году женщины составляют большинство рабочих и служащих уже в большинстве отраслей народного хозяйства, в частности: в здравоохранении, просвещении, торговле, общественном питании, в аппарате связи, в кредитных учреждениях и в техническом аппарате управления. Но и в тех отраслях, где женщины не составляют большинства рабочих и служащих, они, тем не менее, представляют собою крупную величину. Скажем, в промышленности 46%, в совхозах 44%, в науке 44%» (Курганов 1968).

В свою очередь, Е.М. Черняк отмечает, что политика партии в 30-е годы была направлена на максимальное вовлечение женщин в промышленное производство, о чем сообщалось в постановлении ЦК от 15 апреля 1932 года «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок». В результате, по сравнению с 1929 годом, в 1938 году «число женщин, работавших в каменноугольной промышленности, выросло в 3 раза, в черной металлургии – в 3 раза, в машиностроении – в 5 раз. За годы первой пятилетки число женщин-слесарей увеличилось в 12 раз, токарей – в 17 раз, машинистов силовых установок – в 20 раз» (Черняк 2003).

Труд женщин, работающих в промышленности, был более высоко оплачиваемым, нежели в деревне. Однако, большие физические нагрузки и вредные условия труда отрицательно влияли на здоровье женщин, которые должны были совмещать традиционные свои функции в семье (материнство, домашние обязанности) с производственной деятельностью. В отличие от мужчин, женщины, которые имели семью, работали гораздо больше – от 14 до 16 часов в сутки. В результате женщины преждевременно старели, часто болели. Непосильный физический труд отрицательно влиял на их потомство. Это в результате приводило к падению рождаемости, преждевременным родам, к рождению хилых и болезненных детей, которые попадали еще в младенчестве на время работы матери в государственные ясли и садики, так как советское правительство усиленно поощряло воспитание детей вне семьи.

Для советской женщины более важной должна была стать работа и общественная деятельность, чем воспитание ее собственного потомства и создание семейного уюта. Революция, гражданская война, сталинские репрессии, вторая мировая война привели к значительному уменьшению числа

мужчин. Многие женщины не могли найти себе партнеров для жизни. Их единственной целью в жизни оставалась работа. Все это отрицательно влияло на нравы советского человека, способствовало разрушению прочности семьи, а также размывало границы между типично женскими и мужскими общественными функциями.

3. Женщина в деревне

Положение женщин в деревне после 1917 года было еще более трудным, нежели в городе. Именно женщины в деревне наиболее испытали тяжесть становления нового государственного строя. Согласно Курганову: «Во второй половине двадцатых годов репрессии обрушились главным образом на крестьянство. Коммунистический строй не может существовать в крестьянской стране. Между тем крестьяне составляли в России 82% населения. Партия основную массу крестьян превратила в колхозников, а наиболее зажиточную часть крестьян, т.н. „кулаков”, ликвидировала, причем около трех миллионов „кулацких” семей было сослано на поселение в необжитые и гиблые районы страны и около полутора миллионов семей было разгромлено, причем и в этом случае мужчины отправлялись в одни лагеря, женщины в другие, а дети сдавались в детские дома. В результате лагери принудительного труда получили примерно, полтора миллиона женщин (жены, матери и сестры „кулаков”)» (Курганов 1968).

Женщина-колхозница вынуждена была не только выполнить трудовую колхозную норму, которая постоянно с 1935 года увеличивалась (результат стахановского движения), но и вести свое приусадебное хозяйство. Именно оно, главным образом, становилось для семьи единственным источником продуктов питания, несмотря на то, что за него необходимо было платить налоги или сдавать государству часть продуктов. При вступлении в колхоз в качестве взноса часто власти забирали у крестьян единственную лошадь и корову, а также другие домашние животные. Ухудшению положения крестьянства способствовало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июля 1931 года «О развертывании социалистического животноводства», в результате действия которого значительно уменьшилось количество и качество приусадебных хозяйств, чему способствовал сам Сталин.

В деревне после 1917 года очень быстро начали стираться границы между женскими и мужскими занятиями. Молодые женщины стали привлекаться к типично мужским профессиям. В годы второй мировой войны женщины выполняли все мужские занятия. Процесс изменения положения женщин в деревне отражают названия их трудовой деятельности. Напомним номинации женщины, работающей в сельском хозяйстве:

трактористка; *посевщица*; *боронильщица*, *бороновальщица*; *комбайнерка*, *комбайнерка*, *комбайнерша (комбайнерша)*, а также:

возница – девочка, возящая навоз на поля;

земледелица, *земледелка* – женщина, занимающаяся земледелием, крестьянка;

жательница, *жница*, *жнея*, *жалья* – женщина, жнущая хлеб;

рассевальщица, *рассевательница*, *рассевщица*, *рассеятельница* – женщина, рассеивающая зерна;

табунщица – женщина, пасущая стадо лошадей, оленей;

трехтысячница – доярка, надоившая в год от одной коровы три тысячи и более литров молока;

тысячница – в СССР: передовая работница, колхозница, выполняющая за рабочий день десять и более норм (1000 процентов);

удабривательница, *удобрительница*, *удобрятельница* – женщина, удобрившая что-либо (поле, землю и т.п.);

хлебородка – крестьянка, занимающаяся обработкой земли под зерновые;

целинница – женщина, осваивающая целинные, залежные земли или работающая на целине.

Все это говорит в основном о тяжелых условиях жизни женщины, которая участвует в напряженном физическом труде. Словарь отражает множество подобных вербальных манифестаций в области наименования женщин. В советские времена основными считались профессиональные функции женщины, т.е. трудовая жизнь женщины. По этим параметрам можно составить коллективный портрет русской женщины того периода. Крупным планом возникает прежде всего образ труженицы, который дополняют также номинации типа:

бригадирка, *бригадирша* – руководительница бригады;

бригадница – член бригады;

коллективистка; *ранщица* – женщина, рано выходящая на работу;

передовичка, *передовщица*, *передовуха*, *передуха* – женщина, передовая в работе, достигающая наилучших результатов;

тысячница – женщина, налетавшая, наездившая тысячу километров, совершившая тысячу прыжков с парашютом и т.п.;

ударница – женщина, передовая в работе.

Несмотря на усилия государства создать внешне благополучный трудовой образ советской женщины, работающей в деревне или в промышленности, судьба женщин в СССР была сложной, а их права регулярно ущемлялись. Например, женщины (как и мужчины) проживающие в деревне, получили паспорта только в 1976 году, то есть спустя более сорока лет после введения паспортной системы в СССР. Не имея паспорта, деревенская женщина лишалась права менять место жительства, вид работы без разрешения местных властей. Единственным способом освободиться от „крепостной” необходимости проживать до конца своих дней в месте своего рождения, была учеба в городе или

замужество с жителем города. В свою очередь, мужчины использовали часто армейскую службу как шанс вырваться из деревни и колхоза. Очень низкие заработные платы в деревне отрицательно сказались на многие годы на уровне жизни крестьян и значительно замедлили процесс выравнивания разницы между деревней и городом по сравнению с западными странами.

4. Идеологический облик женщины

Облик женщин в советский период представлен множеством номинаций, имеющих отношение к таким сферам, как политика, идеология, партийность и религия. В это время усилилась идеологическая пропаганда. Новое государство стремилось активизировать женщин не только в трудовой сфере жизни, но и в области политики, а также общественной деятельности. «Советское женское движение широко отражалось на страницах периодической печати. Были основаны специальные журналы для женщин: „Коммунистка” (1920), „Крестьянка” (1922), „Работница” (1923), „Делегатка” (1923), „Общественница” (1936)»[7].

Женщины состояли в коммунистической партии и других общественно-политических организациях. Среди них были:

большевички, *коммунистки*, *комсомолки*, *ленинки*, *чекистки*.

Этот ряд пополняют названия:

партийка – женщина, состоящая в партийной организации, обычно о члене Коммунистической партии Советского Союза;

пионерка – в СССР: девочка (в возрасте 10–15 лет), входящая в добровольную детскую самодеятельную организацию;

тимуровка – участница возникшего в СССР в период Великой Отечественной войны детского общественного движения.

Советская власть вела усиленную пропаганду атеистических взглядов. После 1917 года было построено атеистическое государство, т.е. общество без Бога. Государство боролось с религией как с контрреволюционной силой. В стране действовала одна из самых массовых организаций Союз воинствующих безбожников. В его ряды вступали также женщины. Активистки в этой области получили название *безбожниц*, которые отрицали существование Бога. Это название стало даже официальной должностью специалисток по антирелигиозной пропаганде. Была разработана целая система мероприятий, направленных на создание отрядов идеологического актива – пропагандистов и агитаторов. Активными ее участниками были женщины.

Атеистическую борьбу вели различные средства массовой информации. Особенно активно в эту пропаганду подключилась газета «Безбожник»

---

[7] См.: *Женское движение в России и СССР*. Режим доступа: http://www.bse39.medtour.info/podrobno/zhenskoe_dvizhenie_v_rossii_i_sssr~26243.htm

(1922–1934, 1938–1941, в 1925–1941 выходил также журнал с таким названием) и журнал «Безбожник у станка» (1923–1931), «Антирелигиозник» (1926–1941), «Атеист» (1922–1930), «Воинствующий атеизм» (1931), «Юные безбожники» и др.

Антирелигиозной линии придерживались «Комсомольская правда», «Учительская газета» и другие. Журнал «Большевик» провозгласил, что борьба против религии – это борьба против реакционной буржуазной идеологии. Антирелигиозную борьбу вели общество «Знание» и «Дома научного атеизма». В агитационных пунктах проводилась среди населения массовая политико-просветительская работа, в которой принимали участие и женщины.

Отношение к Церкви было крайне враждебным. Безбожие было признано государственной политикой. Среди номинаций в словаре отмечены:

агитаторша, *активистка*, *антирелигиозница*, *атеистка*, *богоненавистница*.

Многие из этих названий уже ушли в прошлое, т.е. в пассив, после того, как в 90-е годы прошлого столетия отношение к религии и Церкви было существенно пересмотрено.

5. Социальные роли и специальности женщин

Женщины занимают также достойные и престижные должности, о чем говорят названия:

журналистка, *издательница*, *инженерша*, *лаборантка*, *лингвистка*, *переводчица*, *беллетристка*, *библиотекарша*, *аптекарша*, *аспирантка*, *ассистентка*, *астрономичка*, *архивистка*, *архитекторша*. Этот ряд пополняют номинации:

экзаменаторша, *экзаменовательница*, *экзаменовщица*; *филологиня*, *филологичка*; *фольклористка*; *фонетистка*; *акварелистка*; *хирургичка*, а также

полярница – участница полярных экспедиций, исследовательница полярных стран, зимовщица на полярной станции;

рекламистка – специалистка, занимающаяся составлением и оформлением реклам;

цивилистка – специалистка по гражданскому праву.

Высокую оценку передают названия:

космонавтка; *хорошистка* – ученица, получающая оценки «хорошо» и «отлично».

Данные факты отражают ориентацию на расширение социальных ролей женщин, однако в коллективном портрете находим и названия типично женских профессий:

косметичка, *педикюрша*, *флористка* – специалистка по составлению букетов и другие.

Достаточно выраженной оказывается также ориентация русской женщины на сферу искусства (кино, театр, музыка, эстрада и т.д.):

актриса; *актерка*; *альтистка*, *артистка*, *арфистка*, *лютнистка*, *флейтистка*, *цимбалистка*, *барабанщица*, *аккомпаниаторша*; *аккомпанировщица*, *аккордеонистка*, *балалаечница*. В этот ряд вписываются и другие названия:

бандуристка – играет на бандуре, т.е. украинском струнном музыкальном инструменте;

частушечница – сочинительница и исполнительница частушек;

балансерка – артистка цирка;

балерина, *балетчица* – артистка балета; танцовщица.

Многие женщины имеют отношение к сфере спорта:

йогиня, *каратистка*, *баскетболистка*, *бегунья*, *бейсболистка*, *биатлонистка*, *болельщица*, *пловчиха*, *бадминтонистка*, *байдарочница*, *кролистка, лучница*, *лыжница*, *яхтсменка*, *штангистка*, *фехтовальщица*, *фигуристка*, *финалистка*, *футболистка*, *хоккеистка*, *парашютистка*, *аквалангистка*, *акробатка*, *альпинистка*, а также:

амазонка – всадница в специальном костюме для верховой езды;

барьеристка – занимается бегом с препятствиями;

брассистка – специализируется в плавании стилем брасс;

планеристка – летает на планере;

разрядница – спортсменка, имеющая тот или иной спортивный разряд.

После революции 1917 года государство стало поощрять не только мужчин, но и женщин к спортивным занятиям. «В мае 1920 Всевобуч провел во многих городах День спорта. В начале 20-х гг. состоялись первые чемпионаты РСФСР (по плаванию, 1921; футболу, 1922), Всесоюзный праздник физкультуры (1923), в 1928 – первая Всесоюзная спартакиада – всенародный смотр достижений советского физкультурного движения (в массовых стартах – 3,5 млн. чел., в финале в Москве – 7,2 тыс. чел., 600 зарубежных спортсменов из 13 стран). Основные направления развития физической культуры и спорта на разных этапах социалистического и коммунистического строительства определены постановлением ЦК КПСС „О задачах партии в области физической культуры" (1925), „О физкультурном движении" (1929), „О ходе выполнения Комитетом по делам физической культуры и спорта директивных указаний партии и правительства о развитии массово-физкультурного движения в стране и повышении мастерства советских спортсменов" (1948), „О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта" (1966). [...] Программной и нормативной основой системы физического воспитания стал разработанный в 1931 Всесоюзный физкультурный комплекс „Готов к труду и обороне СССР" (ГТО)»[8]. В области многих спортивных дисциплин

---

[8] См.: *СССР. Физическая культура и спорт. БАС*. Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/СССР.%20Физическая%20культура%20и%20спорт/

советские женщины держали ведущую позицию, занимая на международных соревнованиях и олимпиадах первые места. Поэтому не удивительно, что столько названий женщин относится к спортивным занятиям.

Перестройка М. Горбачева (1986–1991) породила новую реальность, стала началом конца великой державы, какой многие годы был Советский Союз, привела к грандиозным переменам в мировом масштабе[9]. Среди политиков, историков не существует единогласия в оценке данного исторического периода. Например, известный русский философ-эмигрант А. Зиновьев – автор книги *Катастройка* – уже в 1988 году сатирически изобразил провал перестройки. Слово *катастройка* после выхода книги стало употребляться в российских средствах массовой информации для обозначения самой перестройки. Новое время подготовило почву для значительных перемен в жизни женщин. Они вынуждены были выработать новые стратегии, изменить свой имидж и значительно увеличить свою активность, чтобы не только пережить трудные годы затяжного экономического кризиса, но и найти достойное себе место в России после 1991 года.

Одной из таких стратегий является интерес русской женщины к бизнесу, о чем свидетельствуют номинации: *бизнесменка* и *бизнесменша*, *банкирша*, *акционерка*, *финансистка*.

Итак, сейчас русские женщины активно участвуют в деловой, профессиональной жизни, и в этом смысле они занимают полноправное с мужчиной место в обществе, но диапазон выполняемых ими занятий, как по характеру, так и их типу часто отличается от прежних ролей[10]. Женщины в современной России ведут успешно свои фирмы, предприятия, добиваясь высокого уровня жизни, благодаря собственному труду и предприимчивости.

---

[9] См. об этом: *Перестройка*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Перестройка

[10] Своеобразным дополнением вопроса является исторически меняющийся статус жен. Ср. наименования женщин, выступающих в качестве жен представителей разных профессий и должностных лиц: *звонариха* – жена звонаря, т.е. служителя в церкви, звонящего в колокола; *кучериха* – жена кучера; *есаульша* – жена есаула, т.е. офицера казачьих войск в российской армии до 1917 г.; *экономша* – жена эконома; *ямщичка* – жена ямщика, т.е. кучера, возницы; *уланша* – жена улана, т.е. солдата или офицера лёгкой конницы в российской армии до 1917 г.; *бобылиха* – жена бобыля, т.е. бедного безземельного крестьянина, бездомного человека; *бондариха* – жена бондаря, т.е мастера по изготовлению бочек, кадок; *писариха*, *писарша* – жена писаря; *подполковница*, *полицеймейстерша* – жена начальника полиции большого города в России до 1917 г. и в некоторых других странах; *полковница*, *полковничиха*; *поручица* – жена офицера в российской армии до 1917 г.; *попадья*, *попадейка*; *адмиральша*; *подпрапорщица*; *банкирша*; *адъюнкша*, *адъютанша*, *актерша*, *асессорша*, *баронесса*, *баронша*, *ректорша* и др.

6. Исторические и новейшие номинации

Названия женщин, представленные в Словаре Колесникова, кроме функционально-прикладного значения, являются аксиолого-когнитивными феноменами. Данный словарь воссоздает живой облик русской и советской женщины. Этот облик связан с крупными общественно-политическими изменениями, с основными социальными процессами в истории, в том числе – новейшей.

В Словаре представлены сторонницы и противницы политических группировок, взглядов, течений, ср. названия:

реакционерка, *ревизионистка*, *революционерка*, *антисоветчица*, *фашистка*, *антисталинистка*, *рабкорка* – в СССР: рабочая корреспондентка;

уклонистка – женщина, отошедшая от правильной линии во взглядах, в политике;

русификаторша – женщина, осуществляющая русификацию.

Многие названия по понятным причинам приобрели статус историзмов; к их числу относятся, напр.:

Красноармейка – 1) жена красноармейца, 2) женщина, состоящая в рядах Красной армии;

подкулачница – в СССР в годы коллективизации (кон. 20-х – нач. 30-х гг. XX в.): крестьянка, считавшаяся сторонницей кулаков;

рабфаковка – в СССР в 1919–1940 гг.: учащаяся рабфака.

Обильно отмечены профессии, которые имеют устаревший характер, напр.:

червежница – женщина, разводящая гусениц или продающая червей для рыбной ловли с удочкой;

уксусница – женщина, изготовляющая уксус и торгующая им;

хлебница – женщина, пекущая и продающая хлеб;

яблочница – женщина, торгующая яблоками.

Устаревшие номинации касаются русских обрядов и связаны с народной традицией, напр.:

плакальщица; *плакушка*, *плачея*, *плачевница* – в старинном похоронном обряде: женщина, нанятая оплакивать покойника на похоронах или поминках;

повязальщица, *повязывальщица* – каждая из женщин, которые повязывают молодую – расплетают ей косу и надевают повойник, т.е. старинный головной убор русских замужних женщин – повязку, надеваемую под платок.

Сюда можно отнести названия:

балаганщица – участница балагана, т.е. ярмарочного народного театрального представления;

подсваха, *подсвашка* – в старинном русском свадебном обряде: женщина, помогающая свахе.

Особого внимания заслуживают новые номинации, напр.:

тусовщица – участница тусовки (любого неформального общения; группы людей, связанных общими интересами);

уикендиха – женщина, проводящая уикенд, т.е. время отдыха;

универсантка – студентка университета; женщина с университетским образованием;

экстернка – женщина, сдающая экзамен за учебный курс, не обучаясь в соответствующем учебном заведении.

Итак, Колесников зафиксировал многочисленные изменения в области женских профессий. Словарь отражает исторические обстоятельства, социальные перемены в статусе женщины, систему ценностей, норм и выполняемых ею ролей. В темпоральном пространстве эти функции модифицировались в связи с переменами, произошедшими в обществе.

В 90-е годы XX в., т.е. в начальный период перестройки, этот облик стал опять видоизменяться. Словарь отражает в своем содержании всю совокупность реальных условий жизни женщин, в том числе совокупность тех ролей, которые она выполняла. И конечно же, в таком общем и коллективном портрете совмещаются (сосуществуют) противоположные по своему характеру признаки. Служат этому разнообразные иллюстративные материалы. Ср. с этой точки зрения отдельные названия, создающие образ женщины, которая находится в бедственном положении и вынуждена бороться за свое выживание:

бездомница, *бездомка* – женщина, у которой нет своего жилища;

беспризорница – бездомная, лишенная присмотра, не имеющая дома девочка;

бичевка – бродяжничающая, опустившаяся женщина;

бомжиха, *бомжовка* – бездомная;

подхалузница – бездомная женщина.

Современные социальные условия жизни в России трудные. Они являются результатом как тоталитарной, так и постсоветской действительности, многочисленных кризисов, связанных с экономическими преобразованиями в России и в мире. Многие названия женщин являются прямым следствием этих процессов. Они в какой-то степени свидетельствуют о непоколебимой воле русской женщины выжить при любых обстоятельствах ради своей семьи и будущего нового поколения россиян.

IX. Отражение языковой картины мира в паремиях

Паремиологические изречения являются объектом различных филологических разысканий[1]. В указанных работах изучению были подвергнуты такие аспекты, как: паремиологическая система и систематизация паремий, их статус, прагматика, а также структурные, этимологические, семантические, функциональные и лингвокультурологические особенности. Исследуются при этом вопросы, связанные с кодификацией паремий. Богато представлена также паремиография[2].

Важно отметить следующее положение В.П. Жукова о паремиях: «Благодаря интонации сообщения и категории предикативности пословицы и поговорки характеризуются отнесенностью своего содержания к действительности» (Жуков 1993: 9). В.П. Аникин справедливо подчеркивает, что паремиологические изречения «касаются всех предметов, вторгаются во все области человеческого бытия, людских надежд, помыслов, оценок ближних.., общественных порядков, учреждений, законов, суда.., житейских обычаев, течения жизни, души человека, его здоровья, нрава, характера, причин и следствий его разнообразных действий» (Аникин 1988: 3).

Паремии в значительной мере отражают различные исторические периоды в жизни любого этноса или народа. Паремиологический фонд русского языка послереволюционной эпохи значительно пополнился новыми пословицами и поговорками.

1. Семиотический код новых паремий

Паремии послереволюционного времени имеют особый семиотический код. Многие из них отражают коммунистическую идеологию и имеют

---

[1] См., напр.: Аникин 1957; Архангельский 1964; Крикманн 1984; Пермяков 1975, 1988; Гвоздарев 1977; Зимин 1990; Тихонов 1996; Змарзер 1998; Мокиенко 1986, 1999; Дубровская 2000; Люкшин 2000; Kuratczyk 2001; Timoszuk 2001; Залялеева 2002; Пелепейченко 2002, Тягунова, Хруцкая 2002.

[2] См.: Ашукин, Ашукина 1966; Даль 1984; Спирин 1985; Мартынова, Митрофанова 1986; Аникин 1988; Зимин, Ашурова и др. 1994; Зимин, Спирин 1996; Хлебцова 1999; Жуков 2000. Имеются в этой области и двуязычные разработки: Stypuła 1974; Lukszyn (ред.) 2001.

скорее пропагандистский характер, напоминая некоторые партийные и коммунистические лозунги, напр.:

Раньше жили – слезы лили, теперь живем – счастье куем;
Власть советская пришла, жизнь по-новому пошла;
Где власть народа, там победа и свобода;
За коммунистами пойдешь – дорогу в жизни найдешь;
За партией идти – в счастьи жить и цвести;
Набирайся силы у груди матери, ума – у Коммунистической партии;
За Москву-мать не страшно и жизнь отдать;
Человек трудолюбивый – в СССР самый счастливый;
Пионер – всем ребятам пример[3].

Такого типа паремиологические единицы имеют характер партийных воззваний и наставлений. Они отражают новые принципы и установки коммунистических идеологов, которые всячески пытались повлиять на ментальные и культурные изменения в жизни народа.

Пословичные изречения данного периода в качестве языковых фактов и фактов социокультурного и этнопсихологического характера представляют интересный материал для научных разысканий. Между тем, такие паремиологические выражения не получили в лингвистической литературе должного освещения, хотя они представлены в ряде паремиологических сборников, напр.: Галочкин, Черняховский 1955; Колпакова и др. 1957; Рыбникова 1961; Соболев 1961; Жигулев 1965; Соколова 1969. В новейших разработках они по разным причинам, даже оправданным, уже не фиксируются (ср.: Хлебцова 1999) или приводятся фрагментарно (Зимин, Спирин 1996)[4].

В польской славистике паремийный материал советского времени исследован в трудах В. Хлебды (см., напр.: Chlebda 1993; Хлебда 1994). Тематика пословичных изречений, появившихся в советский период, разнообразна. Они отражают различные стороны действительности: политические явления, общественные отношения, мировоззренческие позиции. Как отмечает В. Хлебда в работе *Пословицы советского народа*: «Формально советские пословицы трудно различимы от русских, так как они построены по тем же формальным признакам, что русские народные паремии» (Хлебда 1994). Внешнее сходство русских и советских пословиц не обозначает их идентичности. В. Хлебда отмечает ряд существенных отличий между ними, справедливо подчеркивая,

---

[3] Примеры взяты из словаря А.И. Соболева (Соболев 1961). В дальнейшем иллюстративный материал приводится, в основном, по указанному словарю. В ряде случаев он пополняется также примерами из сборника А.М. Жигулева (Жигулев 1965).

[4] В последнем случае они воспроизводятся в сугубо сатирических целях. Например, в главе 26 *Слово о словах* в подтеме *Шутка* среди ряда объяснений отмечено: «В советское время были рождены такие шутки-поговорки: *Где бы ни работать, лишь бы не работать. Если водка мешает работать, брось... работать. Невинность – та же неграмотность, долой невинность!*» (Зимин, Спирин 1996: 370).

что «различия, на наш взгляд, носят более „глубинный" характер и касаются семантической (и, шире, когнитивной) природы советских пословиц» (там же). Ученый считает, что советские пословицы «почти не используют метафору как фундаментальную для подлинных пословиц мыслительную категорию. [...] В подавляющем большинстве случаев советские пословицы „однослойны", т.е. буквальны: это прямые наказы, запреты, очевидные (для их авторов) истины и другие тому подобные „прописи разового применения", кроме того, советские пословицы „не противоречат друг другу". Написанные по заказу сверху, они силою обстоятельств выражают идеологию заказчика – без сомнений, колебаний, вопросов» (там же).

Следовательно, как представляется, советские пословицы являются не только одним из результатов политической индоктринации общества, но и одним из важных орудий массового порабощения сознания человека после 1917 года, так как многие из них создавались по партийному заказу и должны были реализовать конкретные политические цели.

Достаточно вспомнить лозунги В. Маяковского, среди которых находились не только безобидные воззвания к соблюдению рабочим классом гигиены, типа: «Будь аккуратен, забудь лень, чисть зубы каждый день»[5], но лозунги явно насыщенные ненавистью к „врагам народа", напр.: «Прогульщика-богомольца / выгони вон! / Не меняй гудок / на колокольный звон!» (там же). В последнем лозунге имеет место намеренная манипуляция. Поэт отвечая на партийные воззвания борьбы с религией, не случайно называет богомольца, т.е. человека с религиозным мировоззрением, любящего молиться Богу, прогульщиком, который предпочитает более ходить в церковь нежели на работу на завод. Такого рода лозунги сопровождали граждан СССР на каждом шагу, на производстве, они висели на стенах домов, предприятий, в магазинах, больницах, что оставляло свой след в сознании многих поколений жителей СССР.

2. Ключевые понятия-идеологемы в структуре паремий

Многие паремические изречения связаны с именем вождя революции, напр.:

Ленин нашу долю вывел на волю;
Ленин с нами вечно будет, мир его не позабудет;
Ленина завет на тысячи лет;
Ленина завет облетел весь свет;
Ленина идеи миром овладели;
Ленина указ, что отцовский наказ;

---

[5] В. Маяковский, *Лозунги 1929–1930 годов / Стихотворения*. Режим доступа: http://www.vmayakovsky.ru/book/126/

Ленин прост как правда;
Слово Ленина и теперь тепло;
Что Ленин напишет, всякий услышит;
Без ленинских заветов не было бы Советов;
От ленинской науки крепнут разум и руки;
Следуй ленинизму – придешь к коммунизму;
Ленинская правда светлее солнца;
Ленинское слово – солнца горячей;
Ленинское слово не забудется: что сказал, то и сбудется.

Приведенные паремии утверждают незыблемость и постоянство заветов и наказов Ленина, подчеркивая их масштабность и необыкновенную силу воздействия каждым словом вождя на народные массы. По-праву, они имеют характер лозунгов, в которых все начинания Ленина выдвигаются на уровень невероятных заслуг для передового человечества.

Значительный пласт паремий связан с революционными событиями, большевиками и коммунистами, напр.:
Славный семнадцатый год разогнал всех господ;
За октябрьскую нашу свободу – в огонь и в воду;
Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять;
Коммунистом быть – народу служить;
Коммунисты – в каждом деле активисты;
У хорошего коммуниста все честно и чисто;
Кто разумом светел и душою чист, тот настоящий коммунист.

В рассматриваемый период были рождены паремиологические изречения с такими ключевыми словами и выражениями, как *СССР*, *Союз*, *Советский Союз*, *Советы*, *народ*, *власть народа*, *партия*, *партийный*, *пятилетка*, напр.:
СССР – всему миру пример;
Мы всегда готовы в бой за Союз наш трудовой;

Советский Союз не обманет, всем защитой станет; *Красна песня складом, Советский Союз – ладом*;

Наш обет – защищать Совет; *Кто в Совете, тот за людей в ответе*; *Слово Совет облетело весь свет*;

Если народ един, он непобедим; *Народы Советской страны дружбой и братством сильны*; *Начало реки – в горах, сила партии – в народе*; *Нет такой силы, которая бы советский народ победила*; *Советский народ смотрит всегда вперед*;

Где власть народа, там победа и свобода;

Партия и народ едины, друг от друга неотделимы; *Слово партии не забудется, что скажет, то сбудется*; *Трудиться, устали не зная, нас учит партия родная*; *Слово партии крепче каменных стен*; *Слово партии без крыльев летит*; *Коли партия у руля, так и победа верна*;

Партийный – человек активный; *Партийное слово делами цветет*; *Партийное слово – всем делам основа*;

На безделье и лень велик и один день, а на хорошие дела – и пятилетка мала.

Многие паремии свидетельствуют о значительной активности слова *советский*, которое сочетается со словами: *страна*, *строй*, *отчизна*, *власть*, *век*, *маяк*, *дело*, *человек*, *патриот*, напр.:

Вся Советская страна делу Ленина верна; *В Советской стране реки полноводны и земли плодородны*;

Нет силы такой, чтобы победить советский строй;

За советскую отчизну не жаль и жизни;

При советской власти и народ моложе стал; *Советская власть появилась, тут и радость открылась*; *И работа всласть, когда своя, Советская, власть*; *Не боимся мы напасти – быть всегда Советской власти*; *Красно поле снопами, а Советская власть делами*;

Счастлив тот человек, кто живет в советский век;

Свет советского маяка виден издалека;

Советское дело на весь мир прогремело;

Что сделал советский человек, того не забудут вовек;

Советскому патриоту любой подвиг в охоту.

К данному разряду паремий примыкают также изречения: *Счастливые под советской звездой родятся*; *Лозунг у нас один: жить по-советски хотим*.

Показательны также паремиологические выражения со словом *Кремль* как символом советской власти, напр.:

В Кремле побывать – ума набрать;

Видна из Кремля вся советская земля;

В Кремле собираются – с делами разбираются; ср., также:

Кремлевские звезды путь к свету указывают;

Кремлевские звезды видишь – смелее вперед идешь.

Итак, Кремль – это не только центральная точка советской власти, но и своеобразный пропагандистский путеводитель, где многому можно научиться и откуда можно увидеть необозримое. Увенчанные в советское время пятиконечными рубиновыми звездами наиболее значительные башни Кремля лишь подтверждают данный облик Кремля в паремиях.

3. Тема коллективизации в паремиях

Основополагающей задачей советского государства была организация колхозов. Такую задачу наметил XV съезд ВКП(б) в 1927 году. Колхозы были созданы практически в течение четырех лет. «Массовое вступление крестьян в колхозы – читаем в ЭС с 1954 г. – началось в 1929. [...] Коллективизация

сельского хозяйства в основном была завершена в 1932» (ЭС: 2, 105). В 1940 г. в колхозах было объединено почти 97% крестьянских хозяйств (там же).

Официальная пропаганда считала коллективное хозяйство существенным поворотом к лучшей жизни. Эту особенность отражают изречения:

В колхозе что ни год, то больше доход;

В колхозную пору жизнь пошла в гору.

Считалось, что колхоз обеспечит богатую жизнь:

В колхоз войдешь, богато заживешь;

В колхозе поживать – добра наживать;

Колхоз – сила наша: что ни дом – полная чаша;

Колхоз богат – колхозник рад.

Внушается крестьянам, что от бережного отношения к колхозному делу только корысть: *Береги колхоз – получишь хлеба воз*, а также, что привязанность к колхозу даст им благополучие, радость и счастье, напр.:

Хороша доля с колхозного поля;

В колхоз вступил – сапоги купил;

В колхозе Настя нашла свое счастье;

Не хочешь тужить – в колхоз иди жить.

Пословицы говорят о хорошем, якобы, колхозном урожае: *Соловей хорош голосом, а колхоз – колосом*, что не в угоду противникам коммунизма, ср.: *Врагам острее ножа наш колхозный урожай*.

В паремиологических единицах содержится осуждение исторического прошлого. О бывшей, несоветской жизни, изобилующей всякими бедами и несчастиями, говорится с горечью. Пословицы оттеняют и внушают превосходство колхозной жизни перед прежней – с ее заботами, нуждами и неудобствами:

В колхозе жить – беду-горе забыть;

Колхозное полюшко – ни нужды, ни горюшка.

Колхозная жизнь противопоставляется дореволюционной жизни, которая представлена как трудная, безрадостная и голодная: *Была жизнь темная да слезная, а стала светлая колхозная*.

Пословицы подчеркивают, что новая власть является лучшей, чем старая, напр.: *Где раньше была барская земля, шумят урожаем колхозные поля*.

Подобное мнение созвучно с информацией в цитированном ЭС, где отмечено: «Только на пути коллективизации сельского хозяйства массы трудящихся крестьян имеют перспективу подъема своего материального и культурного уровня, повышения производительности труда и его облегчения» (ЭС: 2, 105–106). И в другом месте: «Колхозы открыли широкую дорогу к зажиточной и культурной жизни всему колхозному крестьянству» (ЭС: 2, 110).

Пословицы дают отрицательную оценку тем, кто сомневается в колхозном деле, кому не хватает решительности вступить в колхоз. У тех, кто уклоняется от вступления в колхоз, тяжелое, а то и безвыходное положение, им придется худо, напр.:

В колхозе не быть – голодному ныть;

От колхоза лытать – добра не видать.

С неодобрением говорится о людях, которые еще не вступили в колхоз: *Кто не пошел в колхоз, у того все дело врозь*.

О тех, кто находится в растерянности и к колхозному делу не причастен, говорится с осуждением и досадой в ряде пословиц, напр.:

Не жили – мотались: в колхоз не догадались;

Не шли в колхоз – маялись, пошли – не покаялись.

С иронией повествуется о тех, кто не может найти своего пути и только злословит на изменившуюся жизнь: *Подкулачница Софья десять лет сохла, – не пила, не ела, все на колхоз шипела*.

В связи с данными речениями своеобразно преломляется мысль о том, что «В пословицах русского народа обнаруживается русская народная стихия, сформированная при бурных событиях истории, нелегкая жизнь народа, что часто выражается иронией суждения» (Пачаи 2002: 95).

Внушается крестьянам, что в колхозе ценится честность и трудолюбие и это передают следующие паремические изречения:

Колхозная жизнь лишнего не спрашивает, только честного от лодыря огораживает;

Колхозник хлопочет, себе добра хочет;

Свой колхоз или чужой, а устав один – трудовой;

В колхозе язык не в зачет: кто работает, тому почет;

У кого есть рожь, тот и колхозник хорош;

Хлеб поспевает – колхозник не гуляет;

Колхозная воля да труд богатые всходы дают.

В пословицах отмечается и ценится совместный труд и дружба:

Друзья познаются в беде, а колхозники на гряде;

Был бы дружный колхоз, а урожай будет;

В дружном колхозе что ни год, то доход,

а также ценится порядок:

У хорошего колхоза ни одного поломанного воза;

Лад и согласие – первое в колхозе счастье;

Коль в колхозе лад, охота, там спора и работа;

Тот колхоз богат, в котором лад.

Утверждается, что колхозная жизнь имеет ряд преимуществ, в том числе, что колхоз заботится о стариках (*Не боится дед, что захиреет: колхоз прокормит и согреет*), обеспечивает и дает защиту в любое время года (*Не страшен мороз, когда за спиной колхоз*). С иронией говорится о ленивых, о тех, кто живет за чужой счет:

У лодыря – ни гроша, а у колхозника жизнь хороша;

Колхоз пашет, а он руками машет;

Лодырю в колхозе, что волку на морозе.

Осуждаются и другие отрицательные качества: *Водочка, как худая лодочка, – весь колхоз ко дну тянет*.

Пословицы предостерегают и содержат ряд наставлений: *Колхоз без учета, что дом без дверей*; *В поле огрехи – в колхозном амбаре прорехи* (т.е. плохо обработанное поле не даст хорошего урожая).

Историческая правда о коллективизации деревни была крайне отлична от хвалебных мнений, которые распространяли в советских пословицах коммунисты. Процесс коренных перемен в деревне особенно интенсивно протекал в конце 20-х годов и начале 30-х. «Реальная ситуация в стране, однако, была далеко не такая оптимистичная. Как полагает российский исследователь О.В. Хлевнюк, курс на форсированную индустриализацию и насильственную коллективизацию „фактически вверг страну в состояние гражданской войны"». На селе насильственные хлебозаготовки, сопровождавшиеся массовыми арестами и разорением хозяйств, привели к мятежам, количество которых к концу 1929 года исчислялось уже многими сотнями. Не желая отдавать имущество и скот в колхозы и опасаясь репрессий, которым подверглись зажиточные крестьяне, люди резали скот и сокращали посевы[6].

Согласно данным, приведенным польским исследователем Ю. Смагой в книге *Зарождение и падение империи. СССР 1917–1991* (*Narodziny i upadek imperium. ZSRR 1917–1991*), в результате коллективизации деревни погибло от репрессий и голода десять миллионов людей (Smaga 1992: 93).

«Как писал 13 апреля 1933 г. в газете „Financial Times" советник бывшего британского премьер-министра Ллойд-Джорджа Гарет Джонс, трижды посетивший СССР в период с 1930 по 1933 гг., основной причиной массового голода весной 1933 г., по его мнению, стала коллективизация сельского хозяйства, которая привела к следующим последствиям:

– изъятие земли у более чем двух третей российского крестьянства лишило его стимулов к труду; кроме того, в предыдущем (1932) г. у крестьян был насильственным путем изъят практически весь собранный урожай;

– массовый убой крестьянами скота из-за нежелания отдавать его на колхозные фермы, массовая гибель лошадей из-за нехватки фуража, массовая гибель скота из-за эпизоотий, холода и бескормицы на колхозных фермах катастрофически снизили поголовье скота по всей стране;

– борьба с кулачеством, в ходе которой „6–7 млн. лучших работников" были согнаны со своих земель, нанесла удар по трудовому потенциалу государства;

– увеличение экспорта продовольствия из-за снижения мировых цен на основные экспортные товары (лес, зерно, нефть, масло и т.д.)»[7].

---

6 См. об этом: *Коллективизация*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%EE%EB%EB%E5%EA%F2%E8%E2%E8%E7%E0%F6%E8%FF

7 Там же; см. статью: *Голод в СССР (1932–1933)*.

Несмотря на политическую пропаганду успеха, которая представляла СССР тридцатых годов как преуспевающую во всех отношениях страну, жители советской деревни этого периода переживали самые мрачные годы. Власть далее поставляла за границу продукты питания, а голодающие украинские деревни окружала кордоном милиция, чтобы их жители не искали помощи в городах. Об этом потрясающем факте написал в своем романе *Все течет* (1955 год) В. Гроссман. Произведение было конфисковано службами безопасности в 1961 году, хотя еще тогда в нем отсутствовали описания голода на Украине, но была представлена правда о советских ГУЛАГах. Автор дополнил свой текст в 1963 году незадолго до смерти. Впервые роман был опубликован в 1970 году во Франкфурте-на-Майне (более подробно об этом см.: Бочаров 2000: 215–217).

После второй мировой войны положение в деревне было крайне трудным. Огромная засуха в 1946 году еще более усугубила нехватку продуктов питания. В 1949–1953 гг. производство зерна с одного гектара составляло 7,7 центнера (в 1913 году в царской России – 8,3 центнера) (Smoleń 1994: 193). Жизнь в послевоенной деревне была, непременно, более сложной и бедной, чем в городе. Поэтому многие советские граждане всячески пытались переехать из деревни в город. Работа в колхозе считалась одной из самых тяжелых и низко оплачиваемых.

4. Коллективные формы труда, смежные понятия и символы

Существенным звеном социалистического коллективного хозяйства является артель[8]. Пословицы внушают крестьянам различные достоинства такой формы организации труда, напр.:

У хорошей артели все лошади в телеге;
Артель дружбой крепка;
В хорошей артели всяк при деле;
Трудно одному, да легко артели;
Артелью гору поднимешь, а один и камень не сдвинешь;
Артелью города берут;
Артельная каша лучше.

---

[8] В советских условиях термин обозначал основную социалистическую форму производственного объединения группы людей для ведения коллективного хозяйства на базе обобществления средств производства; сельскохозяйственная артель (ср.: МАС-2: 46; О-9: 31). «Большинство коммун и ТОЗов в начале 1930-х перешли на *Устав сельскохозяйственной артели*. Артель стала основной, а затем и единственной формой колхозов в сельском хозяйстве. В дальнейшем название *сельскохозяйственная артель* потеряло свое значение, и в действующем законодательстве, партийных и правительственных документах применялось наименование *колхоз*» (*Колхоз*. Режим доступа:http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%EE%EB%F5%EE%E7).

Содержится и порицание тому, кто не привык к труду: *Тот не член артели, кто прячется от работы во все щели*.

Организатором коллективного труда является бригадир. Упоминается об этом в ряде изречений, напр.:

Тот бригадир пригож, у кого урожай хорош;

Тот бригадир хорош, у кого хороша рожь;

Бригадир в поле, что капитан в море.

Бригадир и его бригада – залог высокой производительности труда:

Хорош бригадир – хороша и бригада;

Хозрасчетная бригада потерям преграда;

Бригада бригадиром славится;

Поработает бригада с душой – будет урожай большой.

Внушается крестьянам, что успех лишь за коллективом, поскольку он объединяет людей общим делом, напр.:

Хорошая нива только у коллектива;

Недаром говорится, что нужда коллектива боится;

При работе коллективной каждый грош вернется гривной.

Наиболее деятельная часть коллектива – это актив, и эту особенность передает изречение: *Без актива нет коллектива*.

Единоличники в условиях организации новых форм труда не приветствуются и не поощряются, хотя государство допускает мелкое частное хозяйство единоличных крестьян. Однако, их судьбе не позавидовать, поскольку:

Единолично жить – слезы лить;

Единоличнику Тимошке не носить сапожки;

У единоличника цеп да колотилка, а у колхозника – трактор да молотилка.

Итак, посредством пословиц внушается уверенность в преимуществах коллективных, колхозных форм хозяйства, где индивидуальное подчиняется общему, где личные интересы подчинены общественным.

Своеобразными символами новейшей колхозной техники являются комбайны и тракторы[9]. Это основные орудия колхозного производства, которые облегчили труд, напр.:

Руками раньше рожь жали, а теперь комбайны зашагали;

Колхозник стал барин: имеет комбайн;

Трактором пахать – не лопатой копать;

Когда была сошка, заедала нас мошка, *трактором богаты – построили себе палаты*;

„*Отдохни, сошка, – сказал дед Тимошка, – теперь не твой час, есть трактор у нас*";

---

[9] В маркировке сельскохозяйственных машин часто использовались названия, образованные от имен государственных деятелей. В ЭС словарная статья *Комбайн* сопровождается рисунком зерноуборочного комбайна, который назван «Сталинец-6» (ЭС: 2, 112).

Трактор – сила, а соха – могила.

Трактор – залог богатства, о чем уже было сказано в одном из приведенных изречений. Эту особенность передают также следующие поговорки:

Трактор в поле – жизнь в раздолье;

Трактор в колхозе – хлеб на обозе;

Трактор есть – хлеба не перевезть.

Трактор является существенным атрибутом советского строя, ср.: *Если бы не советская власть, к нам бы трактору не попасть.*

Трактору отводится незаурядное значение, нередко он даже олицетворяется, напр.:

И трактор имеет характер;

Трактор – колхознику крылья;

Трактор для землицы, что парень для девицы.

Иной раз он сравнивается с танком: *Трактор в поле, что танк в бою.* Персонифицируется также комбайн, ср.: *Мощный комбайн – в поле хозяин.* Труд тракториста пользуется признанием и уважением, напр.:

Хороший тракторист, что артист;

Были времена – любили гармониста, а теперь время настало – любят тракториста.

Тракторист и трактор находятся в тесной взаимосвязи, о чем свидетельствует изречение: *Каков тракторист – таков и трактор.*

Судя по содержанию пословиц, в своей производственной деятельности колхозы использовали как достижения техники, так и передовой опыт специалистов сельского хозяйства – агрономов. Таковы по значению изречения:

На то и агроном, чтоб колхоз был с зерном;

Жди не дождя и грома, а агронома;

Слушай агронома – будет хлеба вдосталь дома;

Кто с агротехникой дружит, об урожае не тужит.

Оплата труда в колхозе производится по количеству трудодней, выработанных каждым колхозником. Значительное количество изречений пословичного типа относится именно к трудодням. Трудно переоценить их пропагандистское значение, поскольку:

Трудодень и кормит, и поит;

Трудодни что огни – и светят, и греют;

У кого много трудодней, тот и живет веселей.

В изречениях содержится призыв к трудовой дисциплине, к активным и решительным действиям, напр.:

Не жалей спины – будут трудодни;

За лень не получишь трудодень;

Трудодни наживать – на печи не лежать;

Трудодни учет любят.

Итак, требуется упорный, напряженный труд, поскольку:

Трудодни не подведут: скажут кто ударник, а кто плут;

Не красна изба углами, а красна трудоднями;

Хороша девка с черными бровями, а еще лучше – с богатыми трудоднями.

Важно стараться быть впереди, не отставать от других, работать с большой энергией, так как:

Сам не скажет – трудодни покажут;

Не хвались трудоднем, а хвались сколько жита в нем.

Пословицы и поговорки высмеивают и осуждают бездельников, ленивых, инертных людей:

Спрятался в тень – прощай трудодень;

Лицо лодыря видней при подсчете трудодней.

Примыкает сюда, причем с призывом к работе, также изречение: *Не тот ударник, кто языком болтает, а тот, кто план выполняет*[10].

Для эффективного ведения колхозов необходимым стало их техническое перевооружение, что началось уже в первые годы советской власти. 1 апреля 1921 года Ленин подписал декрет «О сельскохозяйственном машиностроении». В 1923 было начато производство колесных тракторов[11]. Если в 1929–1932 гг. около 1 млрд. рублей валюты советское государство тратило на импорт тракторов и автомобилей, то уже в тридцатые годы СССР отказалось от их импорта. Однако техническое оборудование колхозов не обозначало значительного улучшения жизни колхозников.

Необходимо отметить, что материально-технической базой колхозов стали машинно-тракторные станции (первая МТС была организована в 1928 году на базе тракторного отряда совхоза им. Шевченко Березовского района Одесской области). За свой труд МТС требовал от колхозов 20% выращиваемых

---

10 Любопытные разыскания в области паремий данного тематического разряда представлены в работе Л. Савенковой, которая воспроизводит портрет лентяя по следующим логемам, т.е. обобщающим смыслам: 1) бездельник заслуживает осуждения; 2) бездельник распознается по внешнему виду; 3) бездельник пассивен; 4) бездельник избегает работы; 5) бездельники слабы и медлительны в работе; 6) у бездельника слово расходится с делом; 7) бездельник живет за счет труда других; 8) плоды чужого труда не ценятся; 9) следует распределять материальные блага в соответствии с затраченным трудом (Савенкова 2002: 87–88).

11 «Первый советский трактор был построен на заводе «Красный прогресс» – крупнейшем промышленном предприятии в Кичкасском уезде Запорожья, его слепили без проекта из тех материалов, что были в наличии, никто на заводе толком не знал ничего про устройство трактора – видели на картинке и всё! Но сделали раньше срока и дали ему гордое имя «Запорожец»! Двигатель был супероригинальным – не дизель и не карбюратор, некий гибрид того и другого, работающий на сырой нефти! Без тормозов, сцепления и коробки передач, остановка была возможна только глушением двигателя, а при пуске грели калильные свечи огнем…» (*СССР: Трактор – механизация сельского хозяйства*. Режим доступа: http://www.savok.org/sobytiya/884-traktor-mexanizaciya-selskogo-xozyajstva.html). В 1930–1933 годах вступили в строй Сталинградский, Харьковский и Челябинский тракторные заводы. На заводах «Ростсельмаш» (1930 год) и «Коммунар» (1931 год) началось производство зерноуборочных комбайнов и других машин.

продуктов, государство же – 30%, кроме того колхозники вынуждены были оплачивать все более разрастающуюся администрацию, т.е. у колхозов оставалась незначительная часть получаемой прибыли (Smoleń 1994: 91).

Хотя профессия тракториста считалась в деревне почетной и довольно прибыльной, то его труд не был легким и безопасным. В тридцатых годах явно ощущалась нехватка трактористов и правильного управления техническим оборудованием, которым располагал МТС. В постановлении Совета труда и обороны СССР от 21 сентября 1933 года «Об организации использования тракторного парка», отмечается, что «освоение мощной техники, данной государством совхозам и колхозам, поставлено неудовлетворительно [...] Эксплуатация тракторного парка поставлена беспорядочно. Безответственность и бесхозяйственность в организации тракторного хозяйства во многих совхозах и МТС приводит к низкой производительности тракторного парка, поломкам тракторов и их преждевременному изнашиванию. До сих пор не созданы устойчивые квалифицированные кадры трактористов...»[12].

Сказанное, явно свидетельствует, что реальная жизнь в колхозах не соответствует идеальному своему образу, создаваемому в советских пословицах. Намеренная манипуляция партийных органов общественным сознанием, стремление во что бы то ни стало изменить отношение крестьян к колхозам, не могли до конца скрыть правды об эксплуатации жителей деревни, их репрессиях и многомиллионных жертвах социальных экспериментов большевиков.

5. Религиозный компонент в паремиях

Содержание многих изречений связано с религией, церковью и со священниками. Отношение советских властей ко всему, что было связано с религией – враждебно.

Одним из первых постановлений большевистского правительства был изданный 23 января 1918 года декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». «Как крупнейшая в Российской империи конфессиональная группа, имевшая в ней государственный статус, Российская Православная Церковь воспринималась большевистским режимом не только как идеологический враждебный религиозный институт, но и как внутренний политический противник, очаг контрреволюции. До осени 1939 года политическое

---

[12] Постановление Совета труда и обороны СССР от 21 сентября 1933 года «Об организации использования тракторного парка». Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3933.htm. Как отмечается в *Википедии*: «В СССР профессия тракториста была связана с профессиональными вредностями (в основном из-за низкого технического уровня сельскохозяйственных тракторов). Напряженная работа и востребованность услуг, оказываемых трактористами сельским жителям СССР (ввиду невозможности получения данных услуг официальным путем), порождала массовое пьянство (расчет за оказанные услуги производился, как правило, спиртными напитками) среди трактористов» (*Тракторист*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%F0%E0%EA%F2%EE%F0%E8%F1%F2).

руководство СССР ставило задачу полной ликвидации православной церкви, распавшейся при активном содействии органов ГПУ-НКВД на различные легальные и нелегальные группировки; бóльшая часть духовенства и подавляющая часть епископата к 1939 году были либо физически уничтожены, либо находилась в местах лишения свободы. [...] В ходе войны 1941–1945 годов политическое руководство СССР окончательно отказалось от планов скорейшего уничтожения религии и церкви и перешло к политике частичного возрождения религиозной жизни в стране под жестким государственным контролем»[13]. Однако после XX съезда партии наступила активизация антирелигиозной борьбы. «Распространение научного атеизма с марксистской подкладкой вменялось в обязанность преподавателям в школах и вузах, в комитетах партии на местах существовали штатные должности пропагандистов» (там же). В результате антирелигиозных действий государства были уничтожены многие исторические достопримечательности сакрального характера, например, «В 1917 году в России насчитывалось 78 тысяч храмов и 1253 монастыря. В 1991 году в России оставалось около 7,5 тысяч храмов и 16 монастырей»[14].

Неудивительно поэтому появление в советских условиях изречений типа:

Что сивуха для брюха, то религия для духа;

Без попов и на поле больше снопов;

Вези навоз, не ленись, так и богу не молись;

Не Микола да Илья-пророк, а косилка да тракторок;

Религия – яд, береги ребят;

Образа и молебны нам больше не потребны;

Молитвой квашни не замесишь.

Пословицы утверждают, что грамотный и образованный человек может добиться всего, не обращаясь за помощью к Богу, что человек сумеет все сделать, обходясь без молитвы и без духовенства. Сравним следующие изречения:

Не бог поможет, а наука;

Тому бог не нужен, кто с наукой дружен;

Поп да бог, пока разум плох, а с ясным умом и без них проживем;

Молили бога – была доля убога, молиться перестали – богаты стали;

Надейся не на бога, а на руки и агронома.

Отношение к церкви передают следующие изречения:

У нас не в церкви: не обманешь;

Хоть куда, лишь бы не в церковь;

---

13 *Религия в СССР*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Религия_в_СССР

14 *Список храмов, упраздненных советской властью*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EF%E8%F1%EE%EA_%F5%F0%E0%EC%EE%E2_%F3%EF%F0%E0%E7%E4%ED%B8%ED%ED%FB%F5_%F1%EE%E2%E5%F2%F1%EA%EE%E9_%E2%EB%E0%F1%F2%FC%FE

Церковь и близко, да ходить склизко;
Раньше церковь да вино, а теперь клуб да кино.

Несмотря на гонения, среди православных уже начиная с 1920 года возникла нелегальная оппозиция, которая получила собирательное наименование Катакомбная Церковь. Ее образовало духовенство и общины, которые отвергли подчинение юрисдикции Московского патриархата, обвиняя его в сотрудничестве с коммунистическими властями. «В 1920–1950-х годах движение «истинно-православных христиан» носило очень широкий характер и насчитывало, по всей видимости, десятки тысяч людей. Социальную основу его составляло духовенство, монашество и крестьяне-единоличники, отказавшиеся вступать в колхозы и как правило подвергавшиеся раскулачиванию и ссылке в Сибирь. [...] В 60–70-х годах, одновременно со стремительным вымиранием деревни, истинно-православное подполье теряло свой массовый характер, частично вливаясь в официальную РПЦ Московского патриархата»[15]. В девяностые годы XX века многие катакомбные общины окончательно вышли из подполья и официально обратились за окормлением к Русской Православной Церкви за границей. По данным *Википедии*, с 2009 года общая численность «катакомбных» насчитывает несколько сотен (вряд ли больше 1000) человек (там же).

Подводя итоги сказанному, необходимо добавить, что жестокость коммунистических властей в борьбе за атеизацию общества существенно изменила менталитет и мировоззрение нескольких поколений жителей СССР и, наверное, в какой-то степени влияет до сих пор на сознание современных россиян. Их повторная христианизация является для Православной Церкви задачей сложной, о чем говорилось раньше.

6. Военная тематика в паремиях

Среди паремиологических образований значительное место занимают военные изречения. Им посвящены специальные сборники (Жигулев 1969) и отдельные главы в лексикографических разработках (Соболев 1961: 301–314; ср. также Зимин, Спирин 1996: 503–510). В этих изречениях звучит тема патриотизма, долга, героизма, сплоченности, единства и служения отечеству, напр.:

В Советскую Армию пошел – родную семью нашел;
Для советского солдата граница свята;
Для того и советская пушка, чтобы мир был;
У советского солдата и тело граната;
Наша армия сильна, ею гордится вся страна;

---

[15] *Катакомбная церковь*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%E0%F2%E0%EA%EE%EC%E1%ED%E0%FF_%F6%E5%F0%EA%EE%E2%FC

В армию пошел – родную семью нашел;
Наша армия не одна: с нею вся страна;
Про советский полк идет хороший толк;
Армия дружбой сильна;
Призовут – мы не потужим, Родине послужим.

В военную тематику вписываются паремии о морском флоте, напр.:
Славный комсомолец – краснофлотский доброволец;
Крепка рука советского моряка;
Советский флот – Родины оплот.

В годы Великой Отечественной войны подобные пословицы и поговорки подбадривали, морально поддерживали людей. В них содержится вера в то, что хватит сил, чтобы победить врага, напр.:

Гитлеровскую Германию разгромили, уважать советского человека научили;
Московская сила – фашисту могила.

Фашисты получили то, чего заслужили, напр.:
Сколько фашисты не воевали, гибели не миновали;
Фашисты хотели в Москву в гости, а оставили под ней свои кости;
Хотели фашисты в Москве отдыхать, да пришлось в поле подыхать;
Фашисты нам яму рыли, да и сами в нее угодили;
Какую яму фашист копал, туда и попал;
Как фашист не хвалился, а под Москвой завалился.

Итак, у фашистов безвыходное положение, их ожидают полный провал и гибель: *Будет горе фашистской своре: на земле, в небесах и на море*.

Таковы по значению и другие паремиологические единицы, хотя сказано об этом с юмором и насмешкой, напр.:
Фашист думал Днепр переплыть, а пошел на дно раков ловить;
Хотелось фашистам пышек, да набили им шишек.

Отношение к врагу выражают также пословицы:
В советском море врагу горе;
Не хвались, фашист, идучи в бой, вернешься ли домой;
Где ступает нога фашиста, там трава не растет;
Где фашисты побывали, там и цветы завяли;
Фашист брехней живет;
Фашистской гадине висеть на перекладине;
Хорошо, когда фашист бит, еще лучше, когда убит.

Паремии призывают к бдительности:
Против фашистской лжи ухо востро держи;
Я фашистскому зверю ни в чем не верю;
Под фашистскую дудку плясать – житья не видать;
Фашиста пощадить – себя погубить.

Профессия солдата пользовалась в советские времена большим почетом, что наглядно демонстрируют указанные пословицы. Постоянную армию образовал еще Петр I, но военная обязанность для всего мужского населения была введена лишь в 1874 году.

В России начала двадцатого века и СССР была сохранена воинская обязанность. В 1925 году принимается закон «Об обязательной военной службе», восстанавливается ежегодный призыв в армию на срок для красноармейцев 2 года, для младшего командного состава авиации и краснофлотцев – 3 года. Вторая мировая война и победа в ней СССР укрепили авторитет военных. Они получили ряд льгот как военные ветераны, что воспринималось одобрительно обществом, как справедливая награда для защитника родины. Однако распад СССР и экономический кризис значительно осложнили положение не только ветеранов, но материальное обеспечение военных вообще. 1993 год принес отмену воинской обязанности, которая существовала в СССР. Были введены новые законы. «14 июня 2006 года Государственная дума России приняла поправки в закон „О воинской обязанности и военной службе", устанавливающие для граждан мужского пола, призванных в срок с 1 октября 2007 года, срок службы в армии по призыву 18 месяцев, а с 1 января 2008 – 12 месяцев, и одновременно отменяющие целый ряд существовавших ранее отсрочек от призыва, существенно сократившие количество «военных кафедр» в гражданских вузах и ужесточившие требования к их выпускникам»[16].

В 2011 году Россия на цели национальной обороны предназначила около 1,5 трлн. рублей, что составило более 14% от всех расходов бюджета. Власти современной России установили около тридцати праздников, связанных с вооруженными силами, чтобы, как кажется, подчеркнуть особое значение армии в сохранении независимости и безопасности страны[17].

Как видно из сказанного, современная Россия стремится укрепить авторитет своей армии, возрождая, тем самым, пошатнувшееся у россиян из-

---

[16] *Воинская обязанность в России*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C2%EE%E8%ED%F1%EA%E0%FF_%EE%E1%FF%E7%E0%ED%ED%EE%F1%F2%FC_%E2_%D0%EE%F1%F1%E8%E8

[17] В отличие от прошлого отмечаются не только памятные даты, связанные с историей СССР, но и прежние исторические победы русских войск, например: 18 апреля отмечается День победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере (Ледовое побоище, 1242 год); 9 августа – День первой в российской истории морской победы русского флота под командованием Петра Первого над шведами у мыса Ганфут (1714 год); 21 сентября – День победы русских полков во главе с великим князем Дмитрием Донским над монголо-татарскими войсками в Куликовской битве (1380 год) и другие. Многие праздники посвящены отдельным видам войск (День пограничника, День инженерных войск, День Военно-Морского Флота, День разведчика и другие). Вместо очень популярного и за пределами СССР Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота (23 февраля) был установлен День защитника Отечества, который неофициально воспринимается как „день всех мужчин".

-за распада СССР, экономического кризиса, чувство патриотизма и национальной гордости. Однако, память о войне в Афганистане, Чечне и участие русских войск в других военных конфликтах, наверное, еще продолжительное время будут мешать успешному выполнению этой государственной задачи.

7. Оценочный характер паремий

Представленные изречения отражают различные важнейшие факты общественно-политической жизни России после 1917 года. Многим из них свойственно доктринерство и схематизм. Пословицы, с одной стороны, разоблачают прошлое, но, с другой – утверждают существующий порядок, хотя известно, что условия жизни в советское время были труднейшими. Однако экспрессивность пословиц лишена малейшего пессимизма. Они выражают оптимистический настрой. Хотя многие изречения воспринимаются сегодня иронически и вызывают улыбку своим неоправданным оптимизмом в отношении к благосостоянию, счастью и благополучию, в отношении к беззаботной и веселой жизни в новых исторических условиях, поскольку они отражают существенные явления и события, происходящие в советское время. Это не только «неоправданный оптимизм»: в советских пословицах отображена языковая картина мира, но лишь пропагандистов, идеологов коммунизма, которые постепенно привыкая к двоемыслию, сознательно провозглашали ложь, называя действительностью то, что было лишь утопией.

Такие паремиологические единицы имеют национальную специфику, символизируя определенный фрагмент послереволюционной действительности. Они воспроизводят своеобразную панораму советской эпохи, хотя и нередко в гиперболизированной форме. Венгерский исследователь И. Пачаи справедливо подчеркивает, что «картины, нарисованные в пословицах, связаны как с ментальностью, так и с языком определенного народа. Данные тексты, содержащие определенные суждения, соответствуют оценочно-образной деятельности языкового коллектива, жизнь которого определяется конкретными географическими и историко-общественными факторами» (Пачаи 2002: 147). Паремии отражают нравственную и ментальную специфику сознания определенного социума в сложившейся новой исторической обстановке. Представленный корпус паремий отличается идеологическим зарядом и это относится к различным тематическим группам.

На основе проделанного анализа паремиологического фонда, который складывался после 1917 года как массовое пропагандистское явление, можно составить достаточно определенный портрет русского человека той поры. Ядро этого фонда касается коммунистических деятелей, партийных лозунгов, трудовой дисциплины. Возникает перед нами скорее идеальный образ колхозника, агронома, партийного и государственного деятеля,

целеустремленного работника, человека, преданного идеалам коммунизма и колхозному делу. В противоположность такому облику соответствующие пословицы передают неуважительное отношение к ленивым, трусливым и неприспособленным к новой жизни.

Рассмотренные нами изречения находятся в оппозиции к традиционным старинным пословицам и поговоркам. Сфера их распространения является достаточно узкой, и сегодня они воспроизводятся в речи редко, находясь на периферии языка. Многие из них приобрели статус историзмов и теперь воспринимаются уже как выражения с архаичными значениями. Следует однако заметить, что отдельные изречения и сегодня воспроизводятся, особенно в публицистике, в ироническом значении или же являются объектом перифрастического переименования.

В паремиях той поры отражена языковая картина мира, в центре которой находится советский человек. Рассмотренные паремии представляют своеобразные ценностные ориентации значительной части советского социума. Они, отражая послереволюционный этап развития общества, дают представление о его приоритетах. Реалии советской действительности отражают изречения с различными компонентами.

Паремийные изречения содержат воззрения и оценки простых людей, преимущественно из рабочей и крестьянской среды. Оценочное значение репрезентируется в таких паремиях очень отчетливо. Итак, оценочность входит в значение паремий. Она имеет как пейоративный, так и положительный характер. Одни паремии однозначно представляют позитивную оценку, другие – негативную. Одни высмеивают и вышучивают такие различные человеческие пороки и недостатки, как плутовство, пьянство, праздную жизнь, обман, щегольство; другие же хвалят трудолюбие, бережливость, разумность и порядочность. Данный разряд паремий, связанных с социальным устройством послереволюционной России, хранится в паремиологическом фонде русского языка, оттеняя специфику того времени.

Не подлежит сомнению, что паремийные изречения, созданные в советскую эпоху служили пропагандистским целям. Их посредством власть манипулировала сознанием простого населения, представляя нереальное как самое реальное, ожидаемое – как действительное. Паремии по содержанию незамысловаты, они скорее примитивны своей тематикой и адресованы соответствующему контингенту людей – народным массам.

X. Перестройка как процесс языковых изменений Демифологизация лексики

Перестройка (1985–1991) стала последней стадией существования Советского Союза, поэтому изменения в области русского языка в указанный период носят следы стремительных перемен и предсказаний будущих революционных перемен во всех областях жизни граждан СССР. Инициатором процесса перестройки считается М.С. Горбачев, который в марте 1985 года занял пост Генерального секретаря ЦК КПСС. В течение 1985–1986 годов Горбачев на две трети обновил состав Политбюро. Были сменены 60% секретарей областных комитетов и 40% членов партии. «8 апреля 1986 года состоялся визит Горбачева в Тольятти, где он посетил Волжский автозавод. В своем выступлении в Тольятти Горбачев впервые употребляет слово *перестройка* для обозначения общественно-политического процесса. Термин был подхвачен СМИ и стал лозунгом начавшейся новой эпохи в СССР»[1].

Перестройка была направлена на изменение социально-экономического строя и политического курса СССР, на внедрение гласности, демократизации и формирование нового типа мышления. Условно перестройку можно разделить на три этапа:

1. Первый этап (март 1985 – январь 1987) – начальный период перестройки, когда власти официально говорят о недостатках существующей политико-экономической системы СССР и стараются их исправить административными мерами (антиалкогольная кампания, борьба с коррупцией, замена старых брежневских партийных руководителей новыми деятелями (А.Н. Яковлев, Е.К. Лигачев, Н.И. Рыжков, Б.Н. Ельцин, А.И. Лукьянов и другие, которые в будущем сыграли значительную роль в истории страны).

2. Второй этап (январь 1987 – июнь 1989) – провозглашение политики гласности, смягчение политической цензуры и снятие запретов с того, что до сих пор считалось табу, улучшение отношений с Западом, создание частного предпринимательства совместно с зарубежными компаниями.

В конце 1986 года из ссылки в Горьком возвращаются А.Д. Сахаров и его жена Е.Г. Боннэр, а через три месяца освобождается из заключения 140

---

[1] *Перестройка*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Перестройка

диссидентов, которые начинают активно участвовать в политической жизни страны. Они в мае 1988 года организуют „Демократический союз", устраивают антикоммунистические митинги. В 1987–1988 годах публикуются такие ранее не печатавшиеся и запрещенные произведения как *Дети Арбата* А.Н. Рыбакова, *Жизнь и судьба* В.С. Гроссмана, *Реквием* А.А. Ахматовой, *Доктор Живаго* Б.Л. Пастернака, *Собачье сердце* М.А. Булгакова и многие другие. В 1987 году создаются первые негосударственные телеобъединения.

Однако, несмотря на положительные изменения в политическом плане (например, прекращение 15 февраля 1989 года военных действий в Афганистане), это было сложное время в истории СССР, именно тогда заметно ухудшается экономическое положение граждан. Взрыв на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 года осложняет экономические реформы, как и вспыхивающие первые межнациональные столкновения, которые обнажили сепаратистские настроения на национальных окраинах страны (например, в декабре 1986 года начинаются беспорядки в Казахстане, в августе 1987 года возникает Карабахский конфликт, в ноябре – декабре 1988 года в Азербайджане и Армении происходят массовые погромы, сопровождаемые насилием и убийствами мирного населения).

3. Третий этап (июнь 1989–1991) – заключительный этап перестройки, который характеризуется полной дестабилизацией страны во всех отношениях, нарастающим экономическим кризисом и постоянным товарным дефицитом, массовыми антикоммунистическими настроениями, требованием не столько „совершенствовать социализм", сколько сменить его на демократический строй и капиталистические рыночные отношения в области экономики.

В какой-то степени это было связано с политическими переменами 1989 года в Польше, которые произошли в результате заключения договора между реформаторским крылом Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) и умеренной частью политической оппозиции, вышедшей из общественно-политического движения „Солидарность", сформировавшегося в годы 1980–1981. Этот договор был заключен между сторонами в ходе работы „круглого стола". В ноябре 1989 года была частично разрушена Берлинская стена, что в результате через год (3 октября 1990 года) привело к официальному присоединению ГДР и Западного Берлина к ФРГ. В итоге больших перемен не только приходит в упадок Советский Союз, но и существенно изменилась вся Восточная Европа.

15 марта 1990 года III Съезд народных депутатов принял поправки к Конституции СССР, допускающее многопартийность и ввел институт президентства в СССР. Первым президентом стал Горбачев. Это привело к новому падению авторитета партии, потому что Горбачев был теперь лидером государства не как глава партии, а как президент, кроме того, он был избран не всем населением, а только депутатским корпусом, что отрицательно

повлияло на его положение и политический авторитет среди широких масс. В стране стали формироваться десятки политических партий, что усилило всеобщий хаос и полностью уничтожило существовавшее до сих пор формальное единство КПСС. На выборах съезда народных депутатов РСФСР в феврале 1990 года большинство оппозиционных организаций объединилось в блок (позднее движение) Демократическая Россия. Он получил около трети голосов, и при решительной поддержке независимых депутатов председателем российского парламента стал Б.Н. Ельцин, который успешно победил Горбачева в дальнейшей борьбе за власть. «В декабре 1991 года Борис Ельцин втайне от президента СССР Горбачева провел с Президентом Украины Леонидом Макаровичем Кравчуком и главой белорусского парламента Станиславом Станиславовичем Шушкевичем переговоры о создании Содружества Независимых Государств. 8 декабря 1991 года в Вискулях президенты Украины, Белоруссии и России подписали Беловежское соглашение. Оно было подписано вопреки референдуму о сохранении СССР, который прошел 17 марта 1991 года. [...] По мнению противников Ельцина, Беловежское соглашение разрушило СССР и вызвало ряд кровопролитных конфликтов на постсоветском пространстве»[2].

Окончательно распад СССР был утвержден 21 ноября 1990 года в Париже, где была подписана «так называемая „Хартия для новой Европы”, провозгласившая фактический конец полувекового противостояния двух систем и начало новой эры „демократии, мира и единства”. Весной 1991 года были распущены Организация Варшавского договора и СЭВ. Были выведены в „поле” советские войска из Польши, Чехословакии и Венгрии»[3].

26 декабря 1991 года был провозглашен распад СССР. В его результате независимость получило 15 республик СССР, которые стали самостоятельными государствами.

Перестройка привела к значительным переменам на уровне языка. В новейшей истории русского языка перестройка обозначает новый стиль выражения. Язык перестройки характеризуется свободой выбора слов, отказом от языковых табу и изменением характера использования эвфемизмов. На тему языковых процессов в перестроечный период имеются важные и ценные разыскания А.Д. Дуличенко, которые ученый изложил в своей монографии *Русский язык конца XX столетия* (Дуличенко 1994). Различные вопросы функционирования языка в перестроечное время представлены также в трудах И. Коженевской-Берчиньской (см., напр.: Korzeniewska-Berczyńska 1991; 1992; 1996б).

---

[2] *Ельцин, Борис Николаевич*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Ельцин_Борис_Николаевич

[3] *Перестройка*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Перестройка

О степени изменения в области лексики свидетельствуют различного типа лексикографические источники. Лексику того периода специально кодифицирует СП = *Словарь перестройки*, под ред. В. Максимова[4] (Санкт--Петербург 1992). Его авторы воспользовались иллюстративным материалом, извлеченным из периодической печати, в частности, из газет «Россия», «Правда», «Литературная газета» и журналов «Звезда», «Новый мир», «Нева», «Огонек», «Крокодил». Словарь базируется также на публицистических текстах М. Горбачева, А. Солженицына, Б. Ельцина, А. Собчака и других.

Словарные фонды рассматриваемого периода представлены также в ТСРЯ-ХХ = *Толковый словарь русского языка конца ХХ века. Языковые изменения*, под ред. Г.Н. Скляревской[5] (Санкт-Петербург 1998). В нем содержится лексика, которую составители извлекли из материалов центральной прессы, публицистических текстов А. Сахарова, Д. Волкогонова, а также из художественных произведений С. Довлатова, В. Кунина и других авторов. Лексика конца ХХ века отражена еще в другом словаре под названием *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца ХХ столетия*, под ред. Г.Н. Скляревской (ТССРЯ-ХХ), который был опубликован в 2001 г. в Москве[6].

В нашем анализе остановимся на констатации важнейших языковых процессов и тех изменений, которыми изобиловала перестройка.

1. Словообразовательное гнездо с доминантным словом *перестройка*

В рассматриваемый период значительно повысилась словообразовательная активность ряда слов, начиная с самого динамичного понятия *перестройка*. В перестроечный период пробуждается обывательское, гражданское самосознание россиян. Начинаются процессы, связанные с переоценкой прошлого.

Следует отметить, что до половины 80-х годов ХХ столетия это слово не проявляло малейшей деривационной активности, в чем убеждают

---

[4] Отметим авторов-составителей словаря: В.И. Максимов, С.С. Волков, Ю.Л. Ермолаева, В.Н. Маглыш, И.Г. Долгалева, Т.А. Петрущенкова, Е.Н. Вакулова.

[5] Составители данного словаря: Е.Ю. Ваулина, Т.И. Гайкович, А.В. Зеленин, Т.В. Кормилицина, Т.А. Корованенко, В.Д. Луков, Г.Н. Скляревская, Н.Г. Стулова, Н.В. Трифонова, А.А. Шушков.

[6] Данный словарь создан тем же авторским коллективом, который составил ТСРЯ--ХХ. В *Предисловии* Г.Н. Скляревская отмечает концептуальную новизну словаря, что дает право «говорить не о втором, исправленном и дополненном издании, а о новом, оригинальном лексикографическом произведении» (ТССРЯ-ХХ 2001: V).

материалы МАС-2. И только в период Горбачева словообразовательный процесс приобретает эксплозивный характер, что наиболее полно проиллюстрировал в своей статье А. Дуличенко (Дуличенко 1995: 193). Преобладают при этом суффиксальная, префиксальная и префиксально-суффиксальная деривации, хотя производные слова образуются также путем сложения, напр.: *перестроечник*, *перестройщик*, *перестроечный*, *доперестроечный*, *предперестроечный*, *постперестройка*, *по-перестроечному*, *антиперестройка*, *контрперестройка*, *антиперестроечник*, *антиперестройщик*, *антиперестроечный*, *контрперестроечный*, *противоперестроечный*, *полуперестройка*, *лжеперестройка*.

Для сравнения, в СП (1992) приводятся для слова *перестройка* следующие производные единицы:

антиперестроечник и *антиперестройщик* – тот, кто является противником перестройки;

антиперестроечные силы – общественные группы, деятельность которых направлена против перестройки;

доперестроечный – относящийся ко времени до перестройки, т.е. до апреля 1985 г.;

перестроечный – связанный с перестройкой;

перестройщик – участник, сторонник перестройки;

новостройка.

Последнее слово в этом ряду расширяет свои семантические возможности в связи с тем, что его традиционное значение (‘Новое здание или строительство новых домов, заводов и т.п.’) стали мотивировать также социально-исторические факторы, о чем свидетельствует приведенная в СП дефиниция термина *новостройка* «Нов. Перен. Об очередном этапе радикальных преобразований в политической и общественной жизни Союза ССР и России на основе реальностей, возникших после и в результате провала антиконституционного путча 19–21 августа 1991 года в Москве».

В свою очередь, в ТССРЯ-XX (2001) фиксируются, произведенные от слова *перестройка*, следующие образования:

антиперестроечник – противник перестройки;

антиперестроечный – направленный против перестройки, противодействующий ей;

контрперестроечный – прил. к контрперестройка;

контрперестройка – система действий, мероприятий, направленных против перестройки;

перестроечник – приверженец, сторонник перестройки; перестройщик;

перестройщик – перестроечник;

перестроечный – прил. к перестройка;

по-перестроечному – как свойственное перестройке, обусловлено перестройкой.

В связи с анализом этого своеобразного словообразовательного гнезда, которое возглавляет слово *перестройка*, внимания заслуживают также контаминированные образования типа *горбостройка*, *катастройка*[7] или же *порностройка*, где первым компонентом являются соответственно слова *Горбачев*[8], *катастрофа*, *порнография*, вторым же – *перестройка*.

На волне трансформационных процессов термин *перестройка* беспрерывно находился в речевом употреблении, вызывая в демократических кругах положительные реакции и эмоции. Появилась надежда на коренные изменения во всех областях жизни, поэтому в годы 1985–1989 среди россиян эти новшества приветствовались и оценивались с большим одобрением и энтузиазмом. Голоса критики не были слышны, разве что они появлялись у отдельных оппонентов. Со временем, возлагаемое народом доверие было надорвано, что породило критику и отразилось также в области производных слов. Последние образуются в разные моменты перестройки и как таковые, судя отчасти по словарным материалам, оттеняют ее своеобразные этапы.

В рассматриваемую проблематику вписывается следующая констатация польского исследователя: «Анализ бурных полемик, происходящих в современной советской публицистике, позволяет отметить факт, что некоторые горячие сторонники гласности и перестройки настойчиво создают образ нового врага, который определяется как: *враг перестройки*, *противник перестройки*, *антиперестройщик*, *русофил*» (Коженевска-Берчиньска 1993: 55).

Спустя годы, русские стали относиться к перестройке с определенной долей иронии и даже иногда сарказма, поэтому так легко синонимами перестройки стали слова *катастройка* и *порностройка*. Вместо обещанных грандиозных перемен Россия на долгие годы погрузилась в хаос, унизительную бедность, стала миром утраченных иллюзий и сломанных моральных устоев (отсюда *порностройка*), тупого подражания западной псевдокультуре.

Не случайно в популярном анекдоте основные достижения горбостройки определяются как: – *прихватизация* экономики (*прихватизация* от слова *прихватить*, здесь выступает оно как синоним *своровать*); – *разэлектрификация* всей страны – слово *разэлектрификация* воспринимается как антоним электрификации[9], что подчеркивает хищническое и безразличное

---

[7] Данный термин своеобразно преломляется в сатирическом произведении А. Зиновьева *Катастройка. Повесть о перестройке в Партграде* (Зиновьев 1990; см. также: Literatura rosyjska... 1998: 170–179).

[8] В морфологической структуре данного имени собственного содержится корень *горб-*, который в контаминированной форме *горбостройка* вызывает определенные ассоциации: то, что дается с большим трудом, что требует огромных усилий.

[9] Отметим, что электрификация всей страны стала важнейшей экономической задачей коммунистов. Ленин считал, что «Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» (*ГОЭЛРО*. Режим доступа: http://setstolica.ru:8080/index.php/

отношение новой политической элиты к благосостоянию народных масс; – всеобщая безграмотность населения – это отражает разочарование новой системой образования, которая не оправдала возлагаемые на нее надежды, а заметно снизила уровень приобретаемых учениками знаний.

Перестройка-горбостройка стала для русских одной из более мрачных страниц их истории. Они потеряли могучее государство, утратили свой высокий политический и экономический статус в мире.

2. Словообразовательный потенциал слова *демократ*

К разряду не менее активных в словообразовательном аспекте слов относится термин *демократ*. До перестройки здесь намечалось несколько производных слов, среди которых приводятся: *демократия*, *демократизм*, *демократический*, *демократичность*, *демократичный*. По данным А. Дуличенко, после перестройки их количество значительно возросло, превышая 70 единиц (Дуличенко 1995: 194).

Показательна в этом отношении информация, которую можно извлечь из ТССРЯ-XX:

демократ – член демократической партии; сторонник демократии, демократического устройства жизни всей страны;

демократизатор – иронически о том, кто или что способствует демократизации общества или внедряет ее силой;

демократизация – переустройство государства, общества на демократических основах;

демократизированный – такой, в котором произошли демократические преобразования (о государстве, обществе, властных структурах и т.п.);

демократизировать – осуществить/осуществлять демократизацию;

демократизироваться – преобразоваться/преобразовываться на демократических (или более демократичных) основах;

демократизм – признание демократии; система взглядов, идей, действий, отвечающих демократии;

демократически – нареч. к демократический;

демократический – прил. к демократия, демократ; свойственный демократу, демократам;

демократия – государственный строй и организация всей жизни общества, основанные на признании народа источником власти; противоп. тоталитаризм;

ГОЭЛРО). План электрификации был разработан государством в 1920 году и выполнен в 1931 году. Выработка электроэнергии в 1932 году по сравнению с 1913 годом увеличилась не в 4,5 раза, как планировалось, а почти в 7 раз.

демократка – резиновая дубинка (предмет вооружения ОМОН, милиции;
демократура – 1. диктатура, власть демократов; диктатура, осуществляемая под лозунгами развития демократии. 2. собир. демократы, стоящие у власти;
антидемократ – противник демократии;
антидемократический – противоречащий демократии; направленный против демократических реформ;
недемократ – тот, кто не является членом демократической партии; тот, кто не разделяет демократических идей;
недемократический – не являющийся демократическим, не основанный на принципах соблюдения демократии;
недемократично – нареч. к недемократичный;
недемократичный – не основанный на принципах равноправия, народовластия.

Пользуясь СП, данный разряд слов можно пополнить выражениями:
демократический социализм;
демократический централизм,
а также контаминированными образованиями:
бандократия – привилегированная прослойка мафии, пользующаяся властью; *партократия* – собир. неодобр. партийные функционеры, ответственные работники КПСС, имеющие реальную власть.

Словообразовательное гнездо, связанное со словом *демократ*, в перестроечное время имеет свои особенности. Одни слагаемые этого гнезда относятся к традиционным смыслам и вызывают положительные ассоциации (*демократ*, *демократизация*, *демократизм*), другие же, причем не только с противоположными компонентами *анти-* или *не-* явно противоречат демократическим процессам и реформам, т.е. они вопреки демократии, ср. напр.: *демократка*, *демократура*.

3. Термины, отражающие новые понятия и реалии

В словарный состав и в употребление с началом перестройки активно вошли слова, отражающие новые понятия и реалии, а также слова, которые в перестроечный период актуализировали свое значение. Показательны в этом отношении весьма динамические группировки такой лексики, напр.:

Производные названия от имени Горбачев:
горбачевец – сторонник политики Горбачева;
горбачевский – связанный с Горбачевым, его политикой;
антигорбачевский – враждебный президенту СССР Горбачеву; направленный против политики, проводимой им;
горбачевщина – политика компромиссов, центризма;
горбимания – чрезвычайное увлечение за рубежом Горбачевым как политическим деятелем, определенная „мода” на него;

Горбачушка – прозвище Р. Горбачевой.

Производные наименования от имени Ельцин:
Ельцинист – сторонник политики Ельцина;
ельцинский – связанный с Ельциным, его политикой;
проельцинский – направленный в поддержку Ельцина и его политики;
антиельцинец – тот, кто враждебно относится к Президенту России Ельцину; противник проводимой им политики;
антиельцинский – враждебный президенту России Ельцину; направленный против проводимой им политики;
ельцинизм – неодобр. в речи оппозиции: экономическая, социальная, культурная политика, проводимая Ельциным и правительством; приверженность политическим взглядам Ельцина.

Активизируются лексемы, связанные с брежневским периодом стагнации:
застой – условно называемое состояние советского общества в 70-е – начале 80-х годов, когда у руководства КПСС и государства стоял Л.И. Брежнев. Это состояние характеризуется продолжающимся использованием административно-командных методов управления во всех сферах общественной жизни, снижением темпов экономического и социального развития, производственной и трудовой дисциплины, уровня благосостояния народа; застойные годы; ср. Стагнация;
застойщина – период, характеризующийся экономическим упадком, отсутствием развития и кризисным состоянием всего общества;
застойный – относящийся к застою;
застойщик – сторонник административно-командной системы, которая была свойственна временам застоя; см. Антиперестроечник, антиперестройщик.

Показательны названия, связанные с путчем 1991 года:
путч – попытка государственного переворота, организованного группой заговорщиков (восьмеркой) 19–21.08.91, а также сам переворот;
путчист – участник путча;
восьмерка – восемь руководящих членов Государственного комитета по чрезвычайному положению: Бакланов, Крючков, Павлов, Пуго, Стародубцев, Тизяков, Язов, Янаев; государственный переворот;
государственный переворот – события 19–21 августа 1991 года, связанные с созданием Государственного комитета по чрезвычайному положению и действиями его членов; путч;
гэкачепист или *гекачепист* – член Государственного комитета по чрезвычайному положению, созданного во время августовского путча.

Представленный материал отражает наиболее динамические процессы в языке, хотя картина лексических нововведений и актуализированных значений в перестроечный период на много шире и богаче.

4. Сложносокращенные образования

Словарь русского языка последних десятилетий пополнился рядом сложносокращенных образований, среди которых преобладают аббревиатуры различного типа, преимущественно звуковые и буквенные, напр.:

бич – бездомный; образовано от словосочетания: бывший интеллигентный человек;

бомж – человек, лишенный постоянного места жительства, не имеющий прописки, бездомный. Образовано от словосочетания: без определенного места жительства;

гэбист (*гебист*) – работник органов государственной безопасности; кагебист;

МРОТ – минимальный размер оплаты труда;

СМИ – средства массовой информации или масс-медиа;

СНГ [эс-эн-гэ] – Содружество независимых государств.

Многие аббревиатуры проявляют словообразовательную активность, т.е. являются мотивирующими для ряда производных слов. Например, от слова *бомж* образованы с помощью соответствующих суффиксов слова:

бомжара – разг. к бомж;

бомжатник – пристанище бомжей;

бомжатский – связанный с жизнью бомжей; характерный для них;

бомжевать – быть бомжом; вести образ жизни бомжа;

бомжировать – вести себя, как бомж, подобно бомжу;

бомжиха и *бомжовка* – разг. женск. к бомж;

бомжонок – бездомный ребенок (обычно убежавший из семьи, из детского дома, интерната и т.п.

В свою очередь, родственными связями, и следовательно, отношениями производности объединяются слова:

гэбешник (*гебешник*) – разг. гебист;

гэбешница (*гебешница*) – сотрудница органов государственной безопасности;

гэбистский (*гебистский*) и *гэбешный* (*гебешный*) – относящийся к органам государственной безопасности, гэбисту, гэбистам; связанный с их деятельностью;

гэбист (*гебист*), *гэбистка* (*гебистка*) – сотрудница органов государственной безопасности.

Рассмотренные примеры дают общее представление о специфике сложносокращенных образований, отражающих новые понятия и реалии постсоветского периода.

5. Семантические и стилистические инновации в словоупотреблении

Активно вошли также в употребление единицы с приставкой *де*-, вводящей в семантику противоположный смысл, который представлен вторым компонентом, напр.: *десталинизация* – устранение последствий сталинизма;

деидеологизация – ослабление или устранение влияния идеологических факторов при рассмотрении международных или внутригосударственных проблем; отказ от навязывания кому-либо определенных идеологических взглядов, стереотипов;

демонополизация – ликвидация монопольного, исключительного права на производство, продажу чего-л. или на владение чего-л.;

денационализация – преобразование государственной собственности в кооперативную, акционерную или частную; разгосударствление;

депатриотизация – ослабление патриотического воспитания или отказ от него;

децентрализация – упразднение или ослабление централизации;

деполитизация – устранение односторонней политической ориентации;

департизация – устранение решающего влияния одной партии, в данном случае КПСС;

десакрализация – разрушение, развенчивание навязываемых официальной идеологией представлений о непогрешимости партийно-правительственных деятелей и структур;

десоветизация – ликвидация или преобразование Советов как органов власти;

декоммунизация – устранение коммунистической идеологии, отказ от нее;

деколлективизация – отказ от коллективных форм хозяйствования (колхозов, совхозов) на селе.

В СП отмечены сложные слова с первой составной частью *нео*-, напр.:

необольшевизм – новые политические течения, различной ориентации, допускающие возможность неконституционных действий, насильственных, свойственных большевизму методов решения политических проблем;

неосталинист – сторонник реставрации сталинских порядков.

Показательны также образования с приставкой *анти*-, напр.:

антиармейский – направленный против армии;

антисоюзный – направленный против нахождения в составе Союза ССР;

антисталинский – направленный на разоблачение деятельности И.В. Сталина и проводившейся им политики.

Многие слова приобрели новое значение по сравнению с их традиционной семантикой, напр.:

афганец, *афганка* – участник, участница войны в Афганистане, в действиях которой принимал участие контингент войск Советской Армии с декабря 1979 по февраль 1989 года (традиционное значение касается коренного жителя Афганистана);

Чернобыль – 1. (нов.) авария на Чернобыльской атомной электростанции 26 апреля 1986 года, а также ее последствия; 2. (перен.) атомная электростанция, эксплуатация которой может повлечь за собой крупную аварию; 3. (перен.) о катастрофе большого масштаба (т.е. в отвлечении от исходного значения – наименования города на Украине);

чернобылец – (нов.) 1. тот, кто пострадал в результате аварии на Чернобыльской атомной электростанции 26 апреля 1986 года; 2. тот, кто принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции (прямой словарный смысл связан с жителем украинского города);

раскольники – данное слово (вопреки традиционному толкованию: сторонники религиозно-общественного движения, которое возникло в России в XVII веке и было направлено против официальной церкви) получило новый смысл: участники или сторонники раскола партии (КПСС), т.е. нарушения ее единства и выделения группировок, фракций.

В условиях перестройки изменился прежний статус части лексики, изменениям подверглись также многие характеристики и коннотативные свойства слов, их стилистическая принадлежность и т.д. (Korzeniewska-Berczyńska 1992).

В результате исторических, трансформационных процессов отдельные слова, связанные тесно с советским периодом, получили – особенно в демократических кругах – коннотации пейоративного характера, напр.: *Октябрь*, *большевик*, *коммунист*, *социализм*, *коммунизм*, *парторг* – лицо в различных звеньях парторганизации, *товарищ* в значении: член партии.

Эта особенность касается также целых выражений:

Развитой (реальный) социализм – (ирон.) концепция строительства первой фазы коммунистической формации, создающей непосредственные предпосылки перехода к коммунизму; социально-экономический строй в СССР 70-х – начала 80-х годов;

Светлое будущее; *Все для человека*;

Новый человек (подробнее см.: глава V; 7).

Те и другие пропагандистские концепции, воззвания и лозунги компрометировались, они не выдержали испытания временем, не оправдали себя, отсюда сегодня к ним ироническое, неодобрительное отношение.

Пейоративную оценку приобрели также слова типа:

аппаратчик – (разг. неодобр.) номенклатурный сотрудник органов управления;

сталинист – последователь сталинизма;

сталинизм и *сталинщина* – (уничиж.) система философских, политических, экономических, социальных взглядов И.В. Сталина;

брежневизм и *брежневщина* – (пренебр.) теория и практика деятельности Л.И. Брежнева как руководителя КПСС и Советского государства, приведшая к застою.

Иронический характер имеет также выражение *хомо советикус* (*homo sovieticus*) (подробнее об этом в: глава V; 7). Данное понятие популяризировал А. Зиновьев в своей одноименной повести (Zinowjew 1984)[10].

---

[10] В польской литературе это понятие было подвергнуто анализу в ряде публикаций, см., напр.: Tischner 1992; Klimowicz 1996: 77–80; Parniewski 1995; Suchanek 1999.

В русском языке функционируют также другие пренебрежительные определения человека данного типа, среди которых выделяется: *совок* – неодобрительно о советском человеке. По мнению Г. Гусейнова «*совок* это „псевдочеловек” и мутант. Его академическое наименование звучит homo sovieticus, сокращенно – *gomosos*. Литературный псевдоним – шариков [герой романа Михаила Булгакова Собачье сердце]» (цит. по: Klimowicz 1996: 80).

Приведем заодно производные слова, отмеченные в СП:

шариковы – (неодобр.) те, для кого характерны агрессивное поведение, иждивенчество. Примитивные инстинкты, отрицание норм морали. (По имени героя повести М.А. Булгакова *Собачье сердце* – фантастического существа, полученного в результате эксперимента по превращению собаки в человека.);

шариковщина – (неодобр.) образ мыслей и поведение, характерные для шариковых;

шариковский – (неодобр.) присущий шариковым, характерный для шариковых. В лингвистических разработках упоминаются также такие определения, как: *коммуняга*, *рашенок*, *совчеловек*, *гомо аплодисментус*. Последний неологизм принадлежит Капустину (см.: Korzeniewska-Berczyńska 1992: 70). Все это неодобрительные названия, определяющие советский тип личности с ее своеобразным менталитетом.

В контексте рассматриваемой проблематики, необходимо отметить и тот факт, что в период перестройки языковые изменения осуществляются также в противоположном направлении, поскольку часть возвращенной лексики прошла эволюционный путь с неодобрительной оценки на положительную, напр.:

банкир – владелец банка, член правления банка;

губернатор – глава администрации региона России, являющегося самостоятельным субъектом Федераци;

предприниматель – тот, кто имеет свое дело, владеет предприятием или занимается какой-либо экономической деятельностью, приносящей личный доход;

фермер – арендатор или владелец фермы, кто располагает частной собственностью и ряд других терминов и определений.

Таковы основные тенденции, которые наметились и получили развитие в перестроечный период.

6. Деидеологизация и десоветизация лексики

Перестройка в русском языке обозначает фактически деидеологизацию и десоветизацию словарного состава (см.: Миронюк 1995). Данный процесс охватил лексику с политическими и партийными коннотациями в различных областях жизни, в том числе в области ономастики. Об этом

свидетельствуют динамические процессы реставрации прежних исторических топонимических названий, что достаточно отражено в главе VII настоящего исследования. Идеологически окрашенные топонимы стали заменяться другими названиями. Вспомним лишь отдельные примеры: *Екатеринбург* вместо *Свердловск*, *Волгоград* вместо *Сталинград*, *Новокузнецк* вместо *Сталинск*, *Луганск* вместо *Ворошиловград*, *Мариуполь* вместо *Жданов*, *Самара* вместо *Куйбышев*, *Владикавказ* вместо *Орджоникидзе*, *Белогорск* вместо *Краснопартизанск* и др.

В процессе десоветизации ведущую роль выполняет публицистика, которая ломает различные стереотипы – языковые, культурные, ментальные и др. Перестройка привела к значительным переменам, что наиболее показательно на лексическом уровне. Она обозначает также новый, индивидуализированный стиль выражения и отказ от языковых табу.

Н.С. Валгина на эту тему пишет следующее: «Примерно с конца 80-х годов в русской речевой коммуникации резко увеличилась доля речи публичной. Кроме того, в силу известных политических, культурно-идеологических причин, порожденных распадом тоталитарной государственной системы, в книжную письменную речь – не спонтанную, совершающуюся в официальных рамках, – врываются речевые явления, прежде принадлежащие исключительно устной форме функционирования языка. Это городское просторечие, уголовно-лагерный жаргон и даже инвективная речь». И далее: «Эти процессы детабуизации инвективной (обсценной) лексики, наблюдаемые в последнее время в печати, в электронных СМИ, в конечном счете обусловлены эпохой гласности, снятием запрета на обсуждение интимной жизни популярных людей, на публикации эротического содержания. В связи с этим возрастает актуальность проблемы для всего общества в целом и, в частности, для „ревнителей" чистоты русской речи» (Валгина 2003: 121).

Прослеживается либерализация языка. Во все его дискурсы широко проникает жаргонная и сниженная лексика. Исследователи (см., напр.: Бушев 2007) отмечают вульгаризацию речи, ее наполнение разговорными, жаргонными и нередко нецензурными элементами типа: *чмо*, *шпана*, *шалашовка*, *болван*, *гад*, *бардак*, *беспредел*, *блат*, *жлоб*, *клево*, *ксива*, *липа*, *олух*, *мент*, *сука*, *тусоваться*, *за бугор*, *наводить марафет* и т.д. Повсюду в речь вторгаются просторечные слова, можно сказать, что сленгизмы и жаргонизмы повсеместны. Последние также отмечены в СП, напр.: *катала* – игрок, пользующийся нечестными, мошенническими приемами в карточной игре; шулер, *катран* – место, где нелегально ведутся азартные игры, собираются крупные карточные игроки и каталы; тайный игорный дом.

Характерна также другая тенденция. Наблюдается широкое употребление различных заимствований, напр.: *приватизация*, *маркет*, *менеджмент*, *депозит*, *ваучер*, *инвестиции*, *трансфер*, *экстремизм*, *миллениум*, *холдинг*, *депозит*, *лизинг*, *хит*, *брифинг*, *кастинг*, *маркетинг*, *менеджер*, *мэр*,

маклер и др. «Распад Советского Союза означал, в частности, и разрушение большей части преград, стоявших на пути к общению с западным миром. Активизировались деловые, научные, торговые, культурные связи, расцвел зарубежный туризм; обычным делом стала длительная работа наших специалистов в учреждениях других стран, функционирование на территории России совместных русско-иностранных предприятий. Очевидным образом это означало интенсификацию общения носителей русского языка с носителями иных языков, что является важным условием не только для непосредственного заимствования лексики из этих языков, но и для приобщения носителей русского языка к интернациональным (а чаще созданным на базе английского языка) терминологическим системам, например, в таких областях, как вычислительная техника, экономика, финансы, коммерция, спорт, мода и др.»[11] Сейчас часто русские определения заменяются иностранными синонимами, ср.: *консенсус* вместо *согласие*; *презентация* вместо *представление*; *офис* вместо *кабинет*; *рэкет* вместо *вымогательство*; *киллер* вместо *убийца*; *корупция* вместо *взяточничество* и т.д.

Конец XX века ознаменован кардинальными изменениями в жизни России, о чем Н.С. Валгина сказала следующее: «Изменение государственности, отказ от прошлых социальных, экономических, политических и духовных основ общественной жизни значительно ускорили, в каких-то случаях обнаружили, вывели на поверхность эволюционно подготовленные процессы в языке и прежде всего в его словарном составе, который в настоящее время, в конце XX столетия, в буквальном смысле переживает неологический бум» (Валгина 2003: 75).

Кроме появления большого количества новых слов, для данного периода характерны, с одной стороны, процессы архаизации советизмов, с другой же, процесс деархаизации, т.е. процесс возвращения в активное употребление устаревших слов, отодвинутых в советское время на периферию лексической системы русского языка.

В конце XX века происходит активизация достаточно больших групп лексики, что подтверждают, в первую очередь, лексикографические материалы: например, словарь под ред. Кузнецова (БТС) и словари под ред. Г.Н. Скляревской (ТСРЯ-XX и ТССРЯ-XX). По словам М. Журек, ТСРЯ-XX «пытается отразить реакцию русского языка на грандиозные по масштабам события, случившиеся в России на исходе XX столетия» (Żurek 2002: 68). Словари отражают переход части слов из пассива в разряд актуальных и употребительных (напр.: *лицей*, *лицеист*, *биржа*, *аукцион*, *богослужение*, *Рождество*, *святки*, *масленица*), а также обратный процесс, т.е. уход лексики советского периода на периферию (ср.: *исполком*, *марксизм-ленинизм*,

---

[11] Л. П. Крысин, *О русском языке наших дней.* Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm

райком, *комсомол*, *соцстраны*, *соцсоревнование*, *передовик*). Основное место отводится кодификации новой лексики (*банкомат*, *мониторинг*, *факс*, *тусовка*, *совок*, *фанат*) и отражению семантических сдвигов в словах. М. Журек рассматривает, в частности, слово *номенклатура*, которое в словаре получило следующее толкование: «совокупность работников, занимающих должности, утвержденные вышестоящими инстанциями, в СССР – партийно-комсомольскими органами». Это слово имеет негативную оценку; оно сопровождается пометой *неодобрительно*. Прежнюю *номенклатуру* определяют советской, партийной, комсомольско-партийной, государственно-бюрократической, гэбешной и т.п. После перестройки ее называют новой. Небезынтересны также в этом контексте производные слова: *номенклатурный*, *мафиозно-номенклатурно-технократический*; *неономенклатура*, *номенклатуризм*, *номенклатурщик*, *номенклатурно-криминальный* и т.п. Такое определение новой политической и экономической „элиты" свидетельствует об отрицательном и полном недоверия отношении к ней общества.

Итак, нынешняя номенклатура отличается от прежней номенклатуры периода функционирования КПСС тем, что «это уже не совокупность управляющих работников партийных органов, но работников, вступивших в открытое прямое владение бывшей государственной собственностью» (Żurek 2002: 70). Как справедливо заметил главный редактор общественно-политического журнала «Смысл» Максим Шевченко, новый правящий класс в России невозможно назвать элитой, так как «Элита берет на себя ответственность за исторический процесс. Ощущает собственную идентичность в диалоге с историей и со временем. Советский и постсоветский правящий класс не был готов к этой роли. Он стремился лишь к контролю над ресурсами, понимая в качестве таковых страну, население, идеологию и информационное пространство. Поэтому слово „элита", на мой взгляд, к нему не применимо. [...] Советская номенклатура сдала огромную империю без всякого сопротивления. Лишь с неким поскуливанием со стороны тех, кому ничего не досталось. Основная же масса, входящая в высшие эшелоны (члены ЦК, кандидаты в члены ЦК, некоторые функционеры из Политбюро) просто перезаключила контракт на владение страной. Ранее условия контракта были не совсем удобны, ведь номенклатура была связана некими обязательствами перед населением. В новом же контракте, который был подписан с мировыми элитами, всякая ответственность снималась [...] своей номенклатурной природе они не изменили»[12].

В период перестройки и постсоветский период, произошли коренные изменения в различных сферах жизни – экономике, идеологии, культуре. Перестройка повлекла за собой существенные изменения в области языка

---

[12] М. Шевченко, *Подлинная элита не будет сформирована в ближайшие годы*. Режим доступа: http://www.politcom.ru/article.php?id=4879

и, прежде всего, изменения в лексическом корпусе. Параллельно с новыми явлениями появились новые слова, другие стали освобождаться от различных ограничений, в том числе, от прежней идеологической нагрузки.

Перестройка закончила советскую эпоху, поэтому анализ, отдельных связанных с ней языковых явлений, завершает наши исследования в области языкового монументализма. Новое время в постсоветской России принесет, наверное, новые интересные научные труды в области языкознания, ведь, как написал еще в 1855 году П.А. Вяземский: «Язык есть исповедь народа: / В нем слышится его природа, / Его душа и быт родной»[13].

[13] П.А. Вяземский, *Англичанке*. Режим доступа: http://www.rvb.ru/19vek/vyazemsky/01text/01versus/208.htm

Вместо заключения

Русский язык подвергался в XX столетии по крайней мере дважды своеобразным потрясениям и коренным изменениям. Те осуществлялись преимущественно на лексико-семантическом и словообразовательном уровнях. Первый из этих взрывов был связан с революцией 1917 года, второй – с перестройкой половины 80-х – начала 90-х годов XX столетия. Между этими переломными событиями имеется почти 70 лет господствования марксистско-ленинской идеологии, которая доминировала, пожалуй, во всех областях жизни.

В послереволюционные годы партия стремились всячески привить массам, а особенно молодежи, коммунистическую идеологию. Важнейшим средством к достижению этой цели были партийные лозунги и изречения. Пробуждению коммунистического самосознания служило также искусство, в том числе литература. В процессе формирования и воспитания человека им отводилось важное место в государственной доктрине образования. В советской литературе встречаем много примеров, написанных по заказу партии, сочинений, в которых положительный герой почти всегда коммунист. Партия навязывала народу не только идеализированный образ политических и общественных деятелей, в первую очередь вождей революции, но и искаженный образ жизни в СССР. Советская литература превратилась в идеальный инструмент коммунистической пропаганды. Достаточно вспомнить изобильный список произведений, составляющих лениниану[1], а также сталиниану[2]. Способствовал этому языковой монументализм, который теснейшим образом был связан с общественно-политическими и культурными преобразованиями эпохи.

Особенно наглядно сталинское стремление к увековечению революционных преобразований социализма в монументальных, гиперболизированных формах проявилось в архитектуре тридцатых годов, которая, как и другие виды искусства, должна была «продемонстрировать силу и мощь советской власти, а также преимущества социализма перед другими формами правления»[3]. Столица СССР прославилась так называемыми „ста-

---

1 *Лениниана*. Режим доступа: http://www.surbor.su/enicinfo.php?id=7250

2 *Сталиниана*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Сталиниана

3 С. Варган, *Советская архитектура: стандартный монументализм*. Режим доступа: http://www.luxurynet.ru/architecture/1943.html

линскими высотками” – это жилые здания на Котельнической набережной и Кудринской площади, главное здание МГУ, гостиницы «Украина» и «Ленинградская», здание МИДа, а также административно-жилое здание у станции метро «Красные ворота»[4].

Монументальные постройки должны были производить на зрителя определенный эффект. Ему необходимо было почувствовать силу и мощь государства, которое их возвело, а при этом свою незначительность перед силой новой власти. Подобную роль играли и коммунистические лозунги, а также всякого рода политические воззвания.

Сразу после Октябрьской революции лишь немногие писатели смогли увидеть и понять зловещую суть новой действительности, опасность для последующих поколений, которую заключал в себе коммунизм. К числу такого рода художников принадлежал, например, Е. Замятин – автор первой европейской антиутопии *Мы* (время создания: 1920–1921 годы; первое изд. на русском языке – 1952 год в Нью-Йорке, в СССР впервые вышло лишь в 1988 году). Замятин представил образ ужасающего будущего, в котором люди полностью подвластны государству и его руководителю – Благодетелю. Жители Единого государства лишены всяких гражданских прав, у них нет даже имен, а только номера. Каждая, даже сексуальная (розовые талоны) сфера их жизни регулируется государством. Всякая попытка нарушения установленных законов грозит смертью. Люди не знают своего прошлого. В Едином государстве отсутствует искусство, чувства, любовь, семья.

Замятин, доводя до крайности тенденции, которые увидел в советской России времен военного коммунизма, довольно точно предугадал беды, которые обрушатся на граждан после укрепления власти партии большевиков, сталинские репрессии, превратившие всю страну в один сплошной лагерь (см., напр.: Stepnowska 2001: 80–96).

Как и Замятин, М. Булгаков еще в 1919 году в статье *Грядущие перспективы* указал будущее России в самых мрачных красках, считая, что за революцию большевиков должны будут заплатить страданием и непосильным трудом следующие поколения. Он написал: «Нужно будет платить за прошлое неимоверным трудом, суровой бедностью жизни. Платить и в переносном, и в буквальном смысле слова. Платить за безумство мартовских дней, за безумство дней октябрьских, за самостийных изменников, за развращение рабочих, за Брест, за безумное пользование станком для печатания

---

[4] В Польше примером такого рода сооружения является Дворец культуры и науки в Варшаве, построенный в 1952–1955 годах по инициативе самого Сталина, как подарок Польше от советского народа. Многие годы это было самое высокое здание в Варшаве. Со временем оно стало для многих поляков „символом советского господства” в стране. В настоящее время в нем помещается, в частности, Музей коммунизма.

денег... за все! И мы выплатим. И только тогда, когда будет уже очень поздно, мы вновь начнем кой-что созидать, чтобы стать полноправными, чтобы нас впустили опять в версальские залы. Кто увидит эти светлые дни? Мы? О нет! Наши дети, быть может, а быть может, и внуки, ибо размах истории широк и десятилетия она так же легко „читает”, как и отдельные годы. И мы, представители неудачливого поколения, умирая еще в чине жалких банкротов, вынуждены будем сказать нашим детям: – Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию!»[5].

Как показало будущее, Россия заплатила огромную цену за революционный эксперимент 1917 года. Никакие общественные преобразования, монументальные постройки, громкие политические лозунги, самая жесточайшая цензура не могли приостановить стремления человека к свободе и демократии. Запрещенные книги после перестройки постепенно вернулись в списки русской литературы, а их авторы стали классиками двадцатого века. Потомки по-настоящему оценили их талант и мужество оставаться собой даже в самые мрачные годы тоталитаризма.

В представленной книге рассмотрены основные тенденции развития русского языка в послереволюционный период 1917 г. в области пополнения лексического корпуса новыми словами и словообразовательных процессов, а также изложены вопросы, связанные с идеологизацией антропонимов, топонимов, паремий и различных тематических разрядов лексики. Представлен лингвокультурологический анализ динамики советской языковой картины мира и связанных с ней процессов идеологизации лексики. Затронута также проблема языковых изменений в постсоветский период, в том числе деидеологизация различных слоев лексики.

Язык революционной эпохи и начала 20-х годов XX века характеризуется активными процессами архаизации, неологизации, заимствования и жаргонизации литературного языка.

После Октября 1917 г. лексика активно пополнялась за счет сокращений, а также идеологем. Слова типа *красный*, *советский*, *октябрь*, *враг* и многие другие стали приобретать значительное количество коннотативных созначений. Отмечая резкие повороты в истории русского языка, необходимо подчеркнуть, что в первые годы после Октябрьской революции особенно ощутимо «расшатывание литературных норм», в 20-х – начале 30-х годов XX века наблюдается увеличение диалектизмами (Бельчиков 2003: 170).

В советский период существенную часть словарного состава в ономасиологической группе номинаций составляли имена собственные с идеологической мотивацией. В русском именнике стали появляться новые имена, связанные с фамилиями революционных деятелей, различными терминами

---

[5] М. Булгаков, *Грядущие перспективы*. Режим доступа: http://lib.ru/BULGAKOW/perspect.txt

и нарицательной лексикой, напр.: *Маркс*, *Энгельс*, *Владлен*, *Вилор*, *Коммунар*, *Партизан*, *Атеист*, *Гранит*, *Сталь* и многие другие.

В книге представлено становление и развитие советской топонимики. В советский период образовались разнообразные символические топонимы с участием основы *красн-* и основы *совет-*. Главной тенденцией было присвоение общественно-политических названий. Обильно появлялись названия с политической коннотацией. Старинные названия нередко заменялись на политические. Появляются идеологизированные названия по советской модели.

В культурно-лингвистическом пространстве отмечены различные роли женщины. На протяжении XX столетия в разные его периоды эти социальные роли менялись. Весьма показательны в этом плане наименования лиц по профессии и социальному статусу в послереволюционное время.

В послереволюционную эпоху произошла сплошная идеологизация лексического состава русского языка, что отражено также в толковых и энциклопедических словарях. На основе сравнения лексикографических разработок лексем из различных тематических разрядов мы проследили специфику функционирования идеологического языка в советский и постсоветский периоды истории России.

В связи с данной темой отметим несколько итоговых положений и тенденций, ссылаясь на словарные материалы. В таких словарных разработках как МАС, БАС, а также очередных выпусках Словаря Ожегова регулярно встречаются шаблонные дефиниции, насыщенные идеологическими элементами. Их немало содержит, к примеру, еще и 20-е издание Словаря Ожегова с 1988 года. Пишет об этом, в частности, в своей статье Д. Пазио (Pazio 1995). Критические отзывы о словарных разработках, в которых недостаточно представлена лексика, содержатся в ряде других публикаций (см., напр.: Fałowski 1990; Bajor 1998).

Постепенно русская лексикография освобождается от этой тенденции, возобновляя при этом лексические фонды разных тематических кругов, в том числе политические и религиозные (Korzeniewska-Berczyńska 1992). Заметны, например, изменения по данному вопросу в ОШ с 1993 года и очередных его выпусках.

Лексико-семантические изменения в словарном корпусе русского языка осуществляются постоянно, однако с наибольшей интенсивностью происходят в переломные исторические периоды.

Бодуэн де Куртенэ еще в начале XX столетия, когда редактировал 3-е издание Словаря Даля[6], дополняя одновременно его фонды, отметил следую-

---

6 Данное издание было опубликовано в годы 1903–1909; 4-е (Даль-4), которым пользуемся, было его воспроизведением и вышло в свет в 1912 году. Отметим, что Словарь Даля содержит более 200 тыс. слов. Бодуэн де Куртенэ обогатил его состав 20 тыс. лексем.

щее: «Вследствие происшедших глубоких потрясений совершились не только быстрые перемены в разных областях жизни и мировоззрения вообще, но точно также быстрые перемены в понимании значения некоторых слов. Если и в обыкновенное мирное время значение слов постоянно меняется и разнообразится [...] то тем необходимее далеко идущее изменение значений слов в только что пережитое и еще до сих пор переживаемое «революционное», «контрреволюционное» и вообще крайне анархическое время. У различных враждующих между собою «партий» одни и те же слова получают различные, иногда диаметрально противоположные значения и вызывают различное настроение. А раз словарь претендует на относительную полноту, он должен по возможности принимать в соображение и это разнообразие [...]. Это пополнение редакция и имела в виду, внося в словарь новые определения и новые примеры» (Даль-4: I, VIII–IX).

В *Предисловии* к словарю ОШ-4 с 1997 года Шведова отметила: «Существенным моментом является то, что этот словарь полностью освобожден от тех навязывавшихся извне идеологических и политических характеристик и оценок именуемых понятий, которые в той или иной степени присутствовали в предыдущих изданиях (в меньшей степени – в 21-м) и от которых ни авторы, ни редактор не в силах были освободиться. [...] Вся масса слов, принадлежащих к идеологической и политической понятийным сферам, получила в новой книге адекватное собственно филологическое описание» (ОШ-4: 4).

БТС под ред. С.А. Кузнецова, который включает около 130 тыс. слов, содержит в *Предисловии* следующее пояснение о лексическом фонде: «Кроме общеупотребительных слов в Словаре приведена основная терминология современной науки и техники, а также слова, обозначающие явления и реалии производственной, культурной и общественной жизни русского народа. При этом значительные пласты лексики (экономические, исторические, философские, политические понятия, термины науки и искусства) получили в Словаре более точные толкования, лишенные идеологической нагрузки. В Словарь включены также слова и значения, которые по разным причинам не были представлены в толковых словарях ранее» (БТС: 3).

Важным лексикографическим источником является *Словарь перестройки* с 1992 года (СП) под ред. В.И. Максимова. Данный лексикон отмечает лексику периода общественно-политической трансформации и коренных изменений в жизни России. Словник включает около тысячи словарных статей. Их образуют отдельные слова (термины) или выражения. Помета *новое* обозначает, что слово регистрирует новое явление (напр.: *горбачевец*, *бич*, *бомж*) или обозначает понятия и факты, которые раньше находились под запретом (ср., напр.: *массовые репрессии*, *застой*). Словарь отмечает семантические изменения в структуре слов, подтверждение чему находим в толковании таких ключевых понятий, как *перестройка* и *гласность*. Их

традиционная семантика принципиальным образом не совпадает с новыми смыслами, что подробно изложено в нашей статье (Wierzbiński 2002). Небезынтересно отметить, что в рассматриваемый период существенным образом усилилась словообразовательная активность лексики. Эту особенность мы проиллюстрировали рядом примеров в последней главе настоящей книги.

Существенный интерес с точки зрения рассматриваемого вопроса представляет также *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия* (ТССРЯ-XX) под ред. Г.Н. Скляревской (2001). В нем представлена лексика за годы 1985–1997. Лексика русского языка распределена в нем на собственно новые (1), актуализированные (2), возвращенные и переосмысленные (3), а также слова, ушедшие в пассив (4).

Можно заключить, что в современных словарях пересмотрены толкования многих философских, религиозных, исторических и политических понятий.

В перестроечный период многие слова получили новое содержание, напр.: *перестройка*, *гласность*. Эти слова связаны с обновлением общества во всех сферах жизни и его всех государственных структур. Они называют радикальные демократические преобразования в общественно-политической жизни, ее либерализацию, т.е. предоставление свобод во всех ее сферах. Они обозначают новое политическое мышление, отказ от идеологических стереотипов. Перестройка обозначает качественное преобразование на новых началах. Она обозначает политический плюрализм, т.е. многообразие взглядов, идей, мнений, политических партий и следовательно отказ от монополии партии. В результате перестроечных процессов изменилась политическая система из монопартийной в многопартийную, что обозначает существование многих официально действующих партий[7].

В свою очередь, гласность сняла многие запреты, в том числе и контроль за содержанием печатных изданий. Гласность раскрепостила часть лексики, которая раньше, по крайней мере, – официально –, не существовала, как напр.: *застой*, *сталинщина*, *массовые репрессии*. Многие слова и выражения получили статус новых наименований, напр.: *деидеологизация*, *новое политическое мышление*. Различные пласты лексики получили новую окраску. Так слово *бизнесмен* в стилистическом плане было раньше разговорным, а стало нейтральным. У ряда слов и выражений появились новые оценочные элементы:

---

[7] В политической и общественной жизни современной России наиболее деятельное участие принимают следующие партии: Единая Россия; Демократическая партия России; Российская политическая партия Мира и Единства; Коммунистическая партия Российской Федерации; Союз правых сил; Либерально-демократическая партия России; Яблоко; Патриоты России; Справедливая Россия; Зеленые; Правое дело; Народный Союз; Гражданская сила; Партия социальной справедливости; Партия возрождения России.

слово *частник* имело оттенок пренебрежения, презрения, а стало нейтральным, в то время как слова и выражения типа *октябрь*, *партаппарат*, *развитой социализм* получили негативный оттенок и скорее сопровождаются коннотацией иронии.

С перестройкой многие лексемы советского периода подверглись переоценке. Это наблюдается в случае исторического советизма *большевик* и его дериватов. В постсоветский период такие лексемы стали функционировать в отрицательном смысловом значении. В оборот вошли слова, которые ранее обозначали явления, характерные для дореволюционной или зарубежной действительности, как напр.: *лицей*, *гимназист*, *гимназия*, *президент*, *маркетинг*, *фермер*. В изобилии появились в языке жаргонные, разговорные и просторечные слова типа *катран*, *тусовка*, *тусоваться*.

Словообразовательная система языка реагирует на актуальные социополитические процессы. Новые слова выступают как маркеры новых социальных реалий. Деструктивные явления в современном обществе нередко обозначаются новообразованиями с префиксом *де-*: *десталинизация* и др. Посредством такой лексики моделируется в обществе соответствующая картина мира.

В монографии представлено состояние русского языка в XX веке. В ней проводятся наблюдения над словоупотреблением и выявляются смысловые модификации языковых единиц. Нами был рассмотрен как состав речевых средств, так и принципы и приемы их употребления, способы организации таких средств. Была отмечена также активность в языке ключевых идеологем.

В работе продемонстрированы различные фрагменты языковой картины советской эпохи, в том числе аббревиатуры и сложносокращенные слова. Мы проследили трансформацию ряда словарных статей, рассмотрев их во временном срезе.

Уместно здесь будет перефразировать слова Р.А. Будагова, которые применительно к нашему объекту изучения сведутся к мысли о том, что лингвист не в состоянии „угнаться” за всеми индивидуальными употреблениями, его задача – определить общие линии развития описываемого явления (Будагов 1971б: 5). Автор настоящей монографии стремился к осуществлению данной задачи, осознавая, что многостороннее рассмотрение языковой картины послереволюционной России и советского общества не может быть полностью реализовано в рамках одной монографии, поэтому в работе указываются также возможные пути и направления для дальнейших научных поисков.

Условные сокращения

1. Словари и справочники

АМ = Колосова (ред.) 1963 – *Атлас мира*, ред. Л.Н. Колосова, Москва 1963.

БАС = *Словарь современного русского литературного языка*, т. 1–17, Москва–Ленинград 1950–1965.

БАС-2 = *Словарь современного русского литературного языка в 20 томах*, 2-е изд., перераб. и доп., т. 1–6, Москва 1991–1996.

БСЭ = *Большая Советская Энциклопедия*, 2-е изд., гл. ред. Б.А. Введенский, Москва 1950–1958.

БТС = Кузнецов (ред.) 2003 – *Большой толковый словарь русского языка*, гл. ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2003.

Даль-4 = *Толковый словарь живого великорусскаго языка Владиміра Даля*. Четвертое исправленное и значительно дополненное издание подъ редакціею проф. И.А. Бодуэна-де- -Куртенэ, С.-Петербургъ–Москва 1912.

Даль-7 = Даль В., *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 1–4, 7-е изд., Москва 1978–1980.

МАС = *Словарь русского языка в четырех томах*, Москва 1957–1961.

МАС-2 = Евгеньева (ред.) 1981–1984 – *Словарь русского языка в 4-х т.*, гл. ред. А.П. Евгеньева, 2-е изд., испр. и дополн., Москва 1981–1984.

О-9 = Ожегов С.И., *Словарь русского языка*, под ред. Н.Ю. Шведовой, 9-е изд., испр. и дополн., Москва 1972.

ОШ-4 = Ожегов, Шведова 1997 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., *Толковый словарь русского языка*, 4-е изд., дополн., Москва 1997.

СП = Максимов (ред.) 1992 – *Словарь перестройки*, под общей ред. В.И. Максимова, Санкт-Петербург 1992.

СРФ-С = Бирих, Мокиенко, Степанова 1998 – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И., *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*, Санкт- -Петербург 1998.

ТСРЯ-XX = Скляревская (ред.) 1998 – *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*, под ред. Г.Н. Скляревской, Санкт-Петербург 1998.

ТССРЯ-XX = Скляревская (ред.) 2001 – *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия*, под ред. Г.Н. Скляревской, Москва 2001.

ЭС – *Энциклопедический Словарь в трех томах*, глав. ред. Б.А. Введенский, Москва 1953–1955.

IAS = *Ilustrowany atlas świata*, Warszawa 1999.

R-PSSS = Chlebda W., Mokijenko W., Szuleżkowa S., *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*, Łask 2003.

2. Другие сокращения

азерб. – азербайджанский
белор. – белорусский
греч. – греческй
венг. – венгерский
груз. – грузинский
др.-евр. – древнееврейский
женск. – женский (род)
ирон. – ироническое
крымскотат. – крымскотатарский
лат. – латинский
молд. – молдавский
нареч. – наречие
нем. – немецкий
неодобр. – неодобрительное
нов. – новое
осет. – осетинский
перен. – переносное (значение)
переор. – переориентированное
полит. – политика
польск. – польский
пренебр. – пренебрежительное
прил. – прилагательное
публ. – публицистика
разг. – разговорное
рел. – религия
румын. – румынский
словацк. – словацкий
собир. – собирательное
соц. – социальное
тадж. – таджикский
укр. – украинский
уничиж. – уничижительно
фин. – финский
франц. – французский

Библиография

1. Основная и специальная литература

Акимова 1990 – Акимова Г.Н., *Новое в синтаксисе современного русского языка*, Москва 1990.

Акуленко 1980 – Акуленко В.В., *Интернациональные элементы в лексике и терминологии*, Харьков 1980.

Александрова 1967 – Александрова О.И., *Новообразования в поэтическом творчестве Маяковского*, «Ученые записки Горьковского пединститута» 1967, вып. 62, с. 84–104.

Алексеев (ред.) 1983 – *Новое в лексике русского языка*, ред. Д.И. Алексеев, Куйбышев 1983.

Алексеев 2009 – Алексеев А.В., *Концепт «терпимость» в историческом аспекте*, [в:] *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сборник научных статей*, вып. 8, т. 1, Москва 2009, с. 179–183.

Алексеенко 1996 – Алексеенко М., *Фразеология как средство выражения национальной ментальности*, „Acta Polono-Ruthenica” 1996, nr 1, с. 201–205.

Алефиренко 2002 – Алефиренко Н.Ф., *Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры*, Москва 2002.

Алефиренко 2005 – Алефиренко Н.Ф., *Спорные проблемы семантики: монография*, Москва 2005.

Алефиренко 2006 – Алефиренко Н.Ф., *Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова*, Волгоград 2006.

Алефиренко 2009 – Алефиренко Н.Ф., *Когнитивно-синергетическая методология современного лингвистического постмодернизма*, „Przegląd Rusycystyczny” 2009, nr 2, с. 7–17.

Алефиренко 2010 – Алефиренко Н.Ф., *Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. Учебное пособие*, Москва 2010.

Алпатов 1997 – Алпатов В.М., *150 языков и политика 1917–1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства*, Москва 1997.

Аникин 1988 – Аникин В.П., *Долгий век пословицы (предисловие)*, [в:] *Русские пословицы и поговорки*, Москва 1988.

Антонов 1984 – Антонов С., *М. Зощенко. Становление стиля*, «Литературная учеба» 1984, № 6.

Апресян 1995а – Апресян Ю.Д., *Лексическая семантика*, Москва 1995.

Апресян 1995б – Апресян Ю.Д., *Избранные труды: в 2-х т.*, Москва 1995.

Апресян 1995в – Апресян Ю.Д., *Образ человека по данным языка: попытка системного описания*, «Вопросы языкознания» 1995, № 1, с. 37–67.

Арутюнова 1972 – Арутюнова Н.Д., *О синтаксических типах художественной прозы*, [в:] *Общее и романское языкознание*, Москва 1972, с. 189–199.

Арутюнова 1998 – Арутюнова Н.Д., *Язык и мир человека*, Москва 1998.

Арутюнова, Левонтина (ред.) 1999 – *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке*, ред. Н.Д. Арутюнова, И.В. Левонтина, Москва 1999.

Архангельский 1964 – Архангельский В.Л., *Устойчивые фразы в современном русском языке*, Ростов-на-Дону 1964.

Архипов 1990 – Архипов И.К., *Человеческий фактор в языке*, [в:] *Лексическая, категориальная и функциональная семантика. Межвузовский сборник научных трудов*, Ленинград 1990, с. 3–10.

Балахонова 1983 – Балахонова Л.И., *Об одном неологизме Маяковского*, «Русская речь»1983, № 4, с. 14–17.

Баранов, Казакевич 1991 – Баранов А.Н., Казакевич Е.Г., *Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре)*, Москва 1991.

Бедный – *Демьян Бедный*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Демьян_Бедный

Безансон 1984 – Безансон А., *Русское прошлое и советское настоящее*, Лондон 1984.

Белинков – Белинков А., *Сдача и гибель советского интеллигента. Период появления в самиздате: 1966–1974*. Режим доступа: http://antohttlogy.igrunov.ru/authors/belinkov/sdacha_and_gibel.html

Бельчиков 1965 – Бельчиков Ю.А., *О развитии лексики в советскую эпоху*, «Русский язык в школе» 1965, № 6, с. 3–9.

Бельчиков 1993 – Бельчиков Ю.А., *«Что было выражено словом, то было и в жизни...»*, «Русская речь» 1993, № 3, с. 30–35.

Бельчиков 2003 – Бельчиков Ю.А., *Русский язык. XX век*, Москва 2003.

Бердяев 1990 – Бердяев Н.А., *Истоки и смысл русского коммунизма*, Москва 1990.

Близнакова 2004 – Близнакова И., *Стратегии речевого поведения по отношению к женскому полу в славянском культурном пространстве (на примере русского, польского и болгарского языков)*, [в:] *Восток – Россия – Запад: проблемы межкультурной коммуникации. Международный сборник научных трудов*, ред. Е.Е. Стефанский, Самара 2004, с. 39–42.

Болдырев 2000 – Болдырев Н.Н., *Когнитивная семантика*, Тамбов 2000.

Борисова 2003 – Борисова Т., *Стилистическое использование портретного описания при создании стереотипного персонажа*, [в:] *Південний архів. Філологічні науки. Збірник наукових праць*, випуск XXIII, Херсон 2003, с. 23–28.

Бочаров 2000 – Бочаров А.Г., *Гроссман Василий Семеныч*, [в:] *Русские писатели 20 века. Биографический словарь*, гл. ред. и сост. П.А. Николаев, Москва 2000, с. 215–217.

Брагина 1973 – Брагина А.А., *Неологизмы в русском языке*, Москва 1973.

Брагина 1981 – Брагина А.А., *Лексика языка и культура страны: Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте*, Москва 1981.

Будагов 1971а – Будагов Р.А., *Язык, история и современность*, Москва 1971.

Будагов 1971б – Будагов Р.А., *История слов в истории общества*, Москва 1971.

Будагов 1974 – Будагов Р.А., *Слово и его значение*, Ленинград 1974.

Будаев, Чудинов 2007 – Будаев Э.В., Чудинов А.П., *Зарубежная политическая лингвистика*, Екатеринбург 2007.

Будаев, Чудинов 2008 – Будаев Э.В., Чудинов А.П., *Метафора в политической коммуникации*, Москва 2008.

Булгаков – Булгаков М., *Грядущие перспективы*. Режим доступа: http://lib.ru/ BULGAKOW/ perspect.txt

Булыгина, Шмелев 1997 – Булыгина Т.В., Шмелев А.Д., *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*, Москва 1997.

Бушев 2007 – Бушев А.Б., *Языковая динамика и социодинамика: некоторые феномены в современном русском языке*, [в:] *Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: в 2 т.*, т. 1, Волгоград 2007, с. 624–630.

Вайс 2008 – Вайс Д., *Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде*, перевела Л.В. Быкова, «Политическая лингвистика» 2008, вып. (1) 24, Екатеринбург, с. 16–22.

Вайскопф 2000 – Вайскопф М., *Писатель Сталин*, Москва 2000.

Валгина 2003 – Валгина Н.С., *Активные процессы в современном русском языке*, Москва 2003.

Варган – Варган С., *Советская архитектура: стандартный монументализм.* Режим доступа: http://www.luxurynet.ru/architecture/1943.html

Вариант… – *Вариант известной сказки Пушкина*. Режим доступа: http://rus.ruvr.ru/2011/02/25/46218962.html

Васильев 2007 – Васильев Л.М., *Общие проблемы лингвистики: теория и методы*, Уфа 2007.

Ватман – *Ватман*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Ватман

Ватолина 1992 – Ватолина Н.Н., *Наброски по памяти*, Москва 1992.

Вашик, Бабурина 2004 – Вашик К., Бабурина Н., *Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века*, Москва 2004.

Введенская, Колесников 1981 – Введенская Л.А., Колесников Н.П., *От собственных имен к нарицательным*, Москва 1981.

Вежбиньски 2010 – Вежбиньски Я., *Тематические разряды лексики в политическом дискурсе*, [в:] *La lengua y literatura rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas (II Congreso Internacional, Granada, 8–10 de septiembre de 2010)*, t. 2, red. R. Guzmán Tirado, L. Sokolova, I. Votyakova, Granada 2010, с. 2011–2015.

Вежбицкая 1993 – Вежбицкая А., *Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны*, «Вопросы языкознания» 1993, № 4, с. 107–125.

Вежбицкая 1997 – Вежбицкая А., *Язык. Культура. Познание*, Москва 1997.

Вежбицкая 1999 – Вежбицкая А., *Семантические универсалии и описание языка*, Москва 1999.

Вежбицкая 2001а – Вежбицкая А., *Понимание культур через посредство ключевых слов*, пер. с англ. А.Д. Шмелева, Москва 2001.

Вежбицкая 2001б – Вежбицкая А., *Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики*, Москва 2001.

Верещагин, Костомаров 1990 – Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*, изд. 3 перераб. и дополн., Москва 1990.

Водовозов 1961 – Водовозов Н.В., *Пословицы и поговорки русского народа* (*Предисловие*), [в:] Соболев А.И., *Народные пословицы и поговорки*, под ред. Н.Н. Велецкой, Москва 1961.

Воинская... – *Воинская обязанность в России.* Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C2%EE%E8%ED%F1%EA%E0%FF_%EE%E1%FF%E7%E0%ED%ED%EE %F1%F2%FC_%E2_%D0%EE%F1%F1%E8%E8

Вопросы языка... 1971 – *Вопросы языка современной русской литературы*, Москва 1971.

Воркачев 2001 – Воркачев С.Г., *Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании*, «Филологические науки» 2001, № 1, с. 64–72.

Воркачев 2007 – Воркачев С.Г., *Лингвокультурная концептология. Становление и перспективы*, «Известия РАН. Серия литературы и языка» 2007, № 2, с. 13–22.

Воробьева 1982 – Воробьева Т.Б., *Тропеические неологизмы В. Маяковского*, [в:] *Стилистика художественной литературы*, Москва 1982, с. 199–216.

Воронина – Воронина О.А., *Гендер.* Режим доступа: http://www.owl.ru/content/gender

Воронцова 1996 – Воронцова В.Л., *Активные процессы в области ударения*, [в:] *Русский язык конца XX века (1985–1995)*, отв. ред. Е.А. Земская, Москва 1996, с. 305–325.

Вострякова 2001 – Вострякова Н.А., *Понятие коннотации в современной лингвистике*, [в:] *Разноуровневые характеристики лексических единиц: сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конф.*, Смоленск, 19–20 мая 2001 г., Смоленск 2001, ч. 1, с. 35–42.

Вторая... – *Вторая мировая война: Женщины на войне (Часть 13)*. Режим доступа: http://bigpicture.ru/?p=202547

Выжлецов 1996 – Выжлецов Г.П., *Аксиология культуры*, Санкт-Петербург 1996.

Вяземский – Вяземский П.А., *Англичанке.* Режим доступа: http://www.rvb.ru/ 19vek/vyazemsky/01text/01versus/208.htm

Гак 1983 – Гак В.Г., *Новые слова и новые словари*, [в:] *Новые слова и словари новых слов*, Ленинград 1983.

Гапова – Гапова Е., *Ни в одном обществе женщины не обладают теми же возможностями, что и мужчины.* Режим доступа: http://www.gender.by/gapowa.html

Гаспаров 2002 – Гаспаров М.Л., *Литературный интертекст и языковой интертекст*, «Известия АН. Серия литературы и языка» 2002, т. 57, № 4.

Гвоздарев 1977 – Гвоздарев Ю.А., *Основы русского фразеобразования*, Ростов-на-Дону 1977.

Геллер 1997 – Геллер М.Я., *История Российской империи*, Москва 1997. Режим доступа: http://www.krotov.info/history/11/geller/ind_gell.html

Геллер, Некрич 2000 – Геллер М.Я., Некрич А.М., *Утопия у власти*, Москва 2000.

Гончаров 1983 – Гончаров Б.П., *Экспрессивно-оценочные неологизмы Маяковского*, «Научные доклады высшей школы. Филологические науки» 1983, № 4, с. 3–9.

Горбачевич 1990 – Горбачевич К., *Русский язык. Прошлое. Настоящее. Будущее*, Москва 1990.

Горбачев 1987 – Горбачев М., *Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира*, Москва 1987.

Горшко – Горшко Е., *Гендерная проблематика в языкознании.* Режим доступа: http://www.owl.ru/library/043t.htm

ГОЭЛРО – *ГОЭЛРО.* Режим доступа: http://setstolica.ru:8080/index.php/ГОЭЛРО

Григорьев 2006 – Григорьев А.А., *Концепт и его лингвокультурологические составляющие*, «Вопросы философии» 2006, № 3, с. 64–76.

Грузберг 2003 – Грузберг Л.А., *Концепт*, [в:] *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, Москва 2003.

Гудков 2003 – Гудков Д.Б., *Теория и практика межкультурной коммуникации*, Москва 2003.

Гуревич 2004 – Гуревич С.М., *Газета: вчера, сегодня, завтра, Учебное пособие для вузов*, Москва 2004.

Гусейнов 2003 – Гусейнов Г., *Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х*, Москва 2003.

Демьянков 1994 – Демьянков В.З., *Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода*, «Вопросы языкознания» 1994, № 4, с. 17–33. Также: Режим доступа: http://www.infolex.ru/Cogni.html

Демьянков 1996 – Демьянков В.З., *Стереотип.* Режим доступа: http://www.infolex.ru

Демьянков 2001 – Демьянков В.З., *Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке*, «Вопросы филологии» 2001, № 1, с. 35–46.

Дейк ван 1989 – Дейк ван Т.А., *Язык. Познание. Коммуникация*, Москва 1989.

Добренко 1993 – Добренко Е., *Метафора власти*, Москва 1993.

Доценко 1997 – Доценко Е.Л., *Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита*, Москва 1997.

Дубичинский, Самойлов 2000 – Дубичинский В.В., Самойлов А.Н., *Словари русского языка*, Харьков 2000.

Дубровская 2000 – Дубровская О.Г., *Лингвокультурологический аспект сопоставительного исследования русских и английских пословиц об уме и глупости*: Дис. ... канд. филол. наук, Тюмень 2000.

Дуличенко 1994 – Дуличенко А.Д., *Русский язык конца XX столетия*, München 1994.
Дуличенко 1995 – Дуличенко А.Д., *Русский язык конца XX столетия: некоторые тенденции развития*, „Przegląd Rusycystyczny” 1995, z. 3–4, c. 189–204.
Душенко 1996 – Душенко К.В., *Русские политические цитаты от Ленина до Горбачева. Что, кем и когда было сказано*, Москва 1996.
Душечкина 2007 – Душечкина Е.В., *Культурная история имени: Светлана*, [в:] *Имя: Семантическая аура*, отв. ред. Т.М. Николаева, Москва 2007, с. 323–360.

Ельцин – *Ельцин Борис Николаевич*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Ельцин_Борис_Николаевич
Ермакова 1997 – Ермакова О.П., *Тоталитарное и посттоталитарное общество в семантике слова*, [в:] *Najnowsze dzieje języków słowiańskich: Русский язык*, ред. E. Širjaev, Opole 1997, c. 122–157.
Ершов 1973 – Ершов Л.Ф., *Из истории советской сатиры*, Ленинград 1973.
Ефимов 1985 – Ефимов И., *Эзопов язык и цензура*, «Континент» 1985, № 44, с. 376–380.

Женское движение... *Женское движение в России и СССР*. Режим доступа: http://www.bse39.medtour.info/podrobno/zhenskoe_dvizhenie_v_rossii_i_sssr~26243.htm
Жидков 2003 – Жидков В.С., *Искусство и картина мира*, Санкт-Петербург 2003.
Жоль 1984 – Жоль К.К., *Мысль, слово, метафора*, Москва 1984.

Залялеева 2002 – Залялеева А.Р., *Сопоставительный анализ английских и русских пословиц и поговорок с компонентами «мужчина» и «женщина»*, «Ученые записки Казанского государственного университета», т. 143: *Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика*, Казань 2002, с. 137–141.
Зар 1961 – Зар В.С., *Индивидуальные словообразования в поэмах Вл. Маяковского «В.И. Ленин» и «Хорошо»*, [в:] *Сборник студенческих научных работ Пржевальского пединститута* 1961, вып. 1, с. 9–20.
Земская 1992 – Земская Е.А., *Словообразование как деятельность*, Москва 1992.
Земская (ред.) 1996 – *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*, гл. ред. Е.А. Земская, Москва 1996.
Земская 2004 – Земская Е.А., *Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь*, Москва 2004.
Земцов 1989 – Земцов И., *Реальность и грани перестройки. Справочник*, Лондон 1989.
Зись 1995 – Зись А.Я., *На подступах к общей теории искусства*, Москва 1995.
Змарзер 1997 – Змарзер В., *Паремия русского и польского языков как объект лексикографического описания*, „Przegląd Rusycystyczny” 1997, nr 3–4, c. 235–241.
Змарзер 1998 – Змарзер В., *К понятию паремиологической системы*, „Przegląd Rusycystyczny” 1998, nr 3–4, c. 71–79.
Зусман 2003 – Зусман В., *Концепт в системе гуманитарного знания*, «Вопросы литературы» 2003, № 2, с. 3–29.
Зырянов 1974 – Зырянов И.В., *Поэтика русской частушки*, Пермь 1974.

Иванова, Садуов 2008 – Иванова С.В., Садуов Р.Т., *Политическая коммуникация как образец речевого манипулирования (о способах классификации манипулятивных уловок)*, «Политическая лингвистика» 2008, вып. (2) 25, Екатеринбург, с. 52–59.
Ивашко 1980 – Ивашко В.А., *Как выбирают имена*, Минск 1980.
Исламова – Исламова Д., *Гендерные стереотипы или «Молчи, женщина, твой день 8-ое марта»*. Режим доступа: http://www.gender.iatp.org.ua
История... 1953 – *История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс*, Ленинград 1953.

Какорина 1992 – Какорина Е.В., *Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени (Трансформация семантико-стилистической сочетаемости)*, Москва 1992.

Калугина 1996 – Калугина Т., *Постмодернистская парадигма как защитный механизм культуры*, «Вопросы искусствознания» 1996, № 1.

Камалова 2009 – Камалова А., *Методология современной российской лингвистики*, „Przegląd Rusycystyczny" 2009, nr 2, с. 18–29.

Капустин 1990 – Капустин М., *Конец утопии? Прошлое и будущее социализма*, Москва 1990.

Карасик 2004 – Карасик В.И., *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Москва 2004.

Карасик 2009 – Карасик В.И., *Языковые ключи*, Москва 2009.

Караулов 1991 – Караулов Ю.Н., *О состоянии русского языка современности*, Москва 1991.

Караулов 2006 – Караулов Ю.Н., *Русский язык и языковая личность*, изд. 5-е, стереотип., Москва 2006.

Карцевский 2000 – Карцевский С.И., *Из лингвистического наследия*, Москва 2000.

Касьянова 2007 – Касьянова Л.Ю., *Неосемантизмы в русском языке конца XX – начала XXI века*, [в:] *Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: в 2 т.*, т. 1, Волгоград 2007, с. 464–469.

Катакомбная... – *Катакомбная церковь*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA %E0 %F2%E0%EA%EE%EC%E1%ED%E0%FF_%F6%E5%F0%EA%EE%E2%FC

Катречко С.И., *Ментальность России и менталитет Западной Европы: сравнительный анализ*. Режим доступа: http://www.philosophy.ru/library/ksl/katr_003.html

Кацев 1988 – Кацев А.М., *Языковое табу и эвфемия*, Ленинград 1988.

Киклевич 2007 – Киклевич А., *Притяжение языка. Том 1: Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика*, Olsztyn 2007.

Кирилина 1998 – Кирилина А.В., *Развитие гендерных исследований в лингвистике*, «Филологические науки» 1998, № 2, с. 51–58.

Кирилина 1999 – Кирилина А.В., *Гендер: лингвистические аспекты*, Москва 1999.

Кирилина – Кирилина А., *О применении понятия гендер в русскоязычном лингвистическом описании*. Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/filologich_nauki_3.htm

Кобрина – Кобрина Н.А., *О способах комбинаторной реализации некоторых категориальных значений*. Режим доступа: http://www.phil.pu.ru/depts./02/anglistikaXXI_02/45

Ковалев 2003 – Ковалев Г.Ф., *Этнос и имя*, Воронеж 2003.

Кожевникова 1997 – Кожевникова Н., *Полемика с высокими словами в советской литературе второй половины 50-х – начала 60-х гг. XX в.*, „Stylistyka" 1997, t. VI, c. 227–242.

Коженевска-Берчиньска 1992 – Коженевска-Берчиньска И., *К вопросу о антитоталитарном языке публицистики Солженицына. Социолингвистический анализ*, „Studia i Materiały Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie. Filologia rosyjska" 1992, nr 41, c. 125–133.

Коженевска-Берчиньска 1993 – Коженевска-Берчиньска И., *К вопросу о семантике советизмов. Социолингвистический анализ*, „Studia i Materiały Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie. Filologia rosyjska" 1993, nr 49, c. 51–56.

Коженевска-Берчиньска 1996 – Коженевска-Берчиньска И., *Новации в языковой картине мира российского человека. На основе современных публицистических текстов*, Olsztyn 1996.

Коженевска-Берчиньска 2001 – Коженевска-Берчиньска И., *Образ человека в континууме публицистики*, Olsztyn 2001.

Коженевска-Берчиньска 2006 – Коженевска-Берчиньска И., *Мосты культуры. Диалог поляков и русских*, Минск 2006.

Колесников 1993 – Колесников Н.П., *Феминизмы на газетной полосе*, [в:] *Единицы лексики и фразеологии и их речевая реализация*. *Межвузовский сборник*, Ростов-на-Дону 1993, с. 10–16.

Колесов 2002 – Колесов В.В., *Философия русского слова*, Санкт-Петербург 2002.
Коллективизация – *Коллективизация*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%EE%EB%EB%E5%EA%F2%E8%E2%E8%E7%E0%F6%E8%FF
Колхоз – *Колхоз*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%EE%EB%F5%EE%E7
Комарная 2002 – Комарная С.А., *Мит и язык*, Москва–Санкт-Петербург 2002.
Комлев 2003 – Комлев Н.Г., *Слово в речи: Денотативные аспекты*, Москва 2003.
Коновалова 1997 – Коновалова Л.И., *Имена существительные в русском языке, обозначающие профессию женщин*, [в:] *История русского языка. Словообразование и формообразование*, ред. Г.А. Николаев, Казань 1997, с. 72–79.
Копнина 2007 – Копнина Г.А., *Речевое манипулирование: Учебник*, Москва 2007.
Корниенко 2007 – Корниенко В.С., *Специфика гендерных исследований в лингвистике*, [в:] *Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: в 2 т.*, т. 1, Волгоград 2007, с. 858–862.
Костомаров 1994 – Костомаров В.Г., *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*, Москва 1994.
Котюрова (ред.) 2000 – *Стереотипность и творчество*, ред. М.П. Котюрова, Пермь 2000.
Коул, Скрибнер 1977 – Коул М., Скрибнер С., *Культура и мышление*, Москва 1977.
Красных, Гудков, Захаренко, Багаева 1997 – Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В., *Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации*, «Вестник МГУ. Сер. 9. Филология» 1997, № 3, с. 62–75.
Красных 2002 – Красных В.В., *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология*, Москва 2002.
Красных 2003 – Красных В.В., *«Свой» среди «чужих»: миф или реальность?*, Москва 2003.
Крикманн 1984 – Крикманн А., *Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы*, [в:] *Паремиологические исследования*, ред. Г.Л. Пермяков, Москва 1984.
Крысин 1980 – Крысин Л.П., *Жизнь слова*, Москва 1980.
Крысин (ред.) 2000 – *Русский язык сегодня*, ред. Л.П. Крысин, Москва 2000.
Крысин 2004 – Крысин Л.П., *Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*, Москва 2004.
Крысин – Крысин Л.П., *О русском языке наших дней.* Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm
Кубрякова 1996 – Кубрякова Е.С., *Концепт*, [в:] Кубрякова Е.С., *Краткий словарь когнитивных терминов*, Москва 1996, с. 90–93.
Кубрякова 2004 – Кубрякова Е.С., *Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистки*, «Известия РАН. Серия литературы и язык» 2004, № 3, с. 3–12.
Кузнецов 1986 – Кузнецов А.М., *От компонентного анализа к компонентному синтезу*, Москва 1986.
Купина 1995 – Купина Н.А., *Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции*, Екатеринбург–Пермь 1995.
Купина 1996 – Купина Н.А., *Тоталитарное мышление по данным русских словарей и текстов советского времени*, [в:] *Вопросы лингвистики и лингводидактики. Материалы конференции МАПРЯЛ – Краков 23–24 IV 1996*, Kraków 1996, с. 15–19.
Купина 2000 – Купина Н.А., *Языковое строительство: от системы идеологии к системе культуры*, [в:] *Русский язык сегодня*, ред. Л.П. Крысин, Москва 2000.
Курганов 1968 – Курганов И.А., *Женщины и коммунизм*, Нью-Йорк, 1968. Режим доступа: http://www.a-z.ru/women/texts/kurganr-3.htm
Куренная (ред.) 1995 – *Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-литературная проблема*, под ред. Н.М. Куренной, Москва 1995.
Кусков 1993 – Кусков С., *Палимпсест постмодернизма как сохранение следов традиции*, «Вопросы искусствознания» 1993, № 2–3.

Кутенева 2008 – Кутенева Т.А., *Смысловая динамика лексем пропаганда и агитация в русском языке*, «Политическая лингвистика» 2008, вып. (1) 24, Екатеринбург, с. 106–114.

Лабащук 2004 – Лабащук М., *Когнитивная функция языка*, „Przegląd Rusycystyczny" 2004, z. 4, с. 71–80.

Лагановска 2004 – Лагановска К., *Образ женщины в художественном мире В. Борхерта*, «Respectus Philologicus» 2004, № 6, с. 147–153.

Лайонз 2003 – Лайонз Дж., *Лингвистическая семантика: введение*, перевод с англ., под ред. И.Б. Шатуновского, Москва 2003.

Ларин 1977 – Ларин Б.А., *История русского языка и общее языкознание*, Москва 1977.

Ларин 1999 – Ларин С., *Язык тоталитаризма*, «Новый мир» 1999, № 4, с. 200–205.

Лассан 1995 – Лассан Э., *Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ*, Вильнюс 1995.

Лассан 2011 – Лассан Э., *Лингвистика ставит диагноз... Очерк «духа эпохи» в свете данных лингвистического анализа*, Вильнюс 2011.

Латынина 1991 – Латынина А., *За открытым шлагбаумом*, Москва 1991.

Левин 1971 – Левин В.Д., *Литературный язык и художественное повествование*, [в:] *Вопросы языка современной художественной литературы*, Москва 1971, с. 9–97.

Лениниана – *Лениниана*. Режим доступа: http://www.surbor.su/enicinfo.php?id=7250

Леонтьев 1974 – Леонтьев А.А., *Психология общения*, Тарту 1974.

Леонтьев, Шахнарович (ред.) 1983 – *Психолингвистические проблемы семантики*, отв. ред. А.А. Леонтьев, А.М. Шахнарович, Москва 1983.

Липатов 1997 – Липатов А.В., *Славянская общность: историческая реальность и идеологический миф*, „Slavia Orientalis" 1997, nr 1, с. 9–21.

Лисовский 2000 – Лисовский С.Ф., *Политическая реклама*, Москва 2000.

Лихачев 1993 – Лихачев Д.С., *Концептосфера русского языка*, [в:] *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология*, Москва 1997, с. 280–287.

Лосев 1995 – Лосев А.Ф., *Философия имени*, Москва 1995.

Лотман 1972 – Лотман Ю.М., *Анализ поэтического текста*, Ленинград 1972.

Люкшин 2000 – Люкшин Ю., *Пословица как текст*, „Studia Rossica" XI, Warszawa 2000.

Люкшин 2001 – Люкшин Ю., *Пословица как текст в модели перевода*, [в:] *Rosyjsko-polski słownik paremiologiczny*, red. J. Lukszyn, Warszawa 2001, с. 17–25.

Магдесян 2007 – Магдесян А., *Мир этносов в коллективном сознании и подсознании русскоговорящих (по материалам социологического опроса)*, [в:] *Kategorie semantyczne w tekście*, red. P. Czerwiński, E. Straś, Katowice 2007, с. 158–186.

Макарова 1961 – Макарова Г.И., *О характере неологизмов В.В. Маяковского*, «Научные записки Днепропетровского университета» 1961, т. 74, вып. 18, с. 81–95.

Макарова, Гареева 2002 – Макарова Г.И., Гареева Л.А., *Некоторые тенденции развития языково-культурной политики национальных республик России (пример Республики Татарстан)*, [в:] *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*, red. A. Pstyga, K. Szcześniak, Gdańsk 2002, с. 248–252.

Маслова 2004 – Маслова В.А., *Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой*, Москва 2004.

Маслова 2007а – Маслова В.А., *Лингвокультурология*, Москва 2007.

Маслова 2007б – Маслова В.А., *Введение в когнитивную лингвистику*, Москва 2007.

Маяковский – Маяковский В., *Лозунги 1929–1930 годов / Стихотворения.* Режим доступа: http://www.vmayakovsky.ru/book/126/

Мегентесов 1993 – Мегентесов С., *Семантический перенос в когнитивно-функциональной парадигме*, Краснодар 1993.

Мечковская 1996 – Мечковская Н.Б., *Социальная лингвистика*, Москва 1996.

Минаева 1986 – Минаева Л.В., *Слово в языке и речи*, Москва 1986.

Миронюк 1995 – Миронюк Л., *Русский язык «до» и «после» перестройки*, „Przegląd Rusycystyczny” 1995, z. 3–4, c. 205–211.

Мишатина 2007 – Мишатина Н.Л., *Лингвометодический подход к понятию «концепт»*, [в:] *Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов [Текст]: материалы Второй Международной научной конференции, г. Волгоград, 24–26 апр. 2007 г.,: в 2 т.*, т. 1, Волгоград 2007, с. 847–852.

Мокиенко 1999 – Мокиенко В.М., *В глубь поговорки*, Санкт-Петербург 1999.

Москвин 1999 – Москвин В.П., *Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка*, Волгоград 1999.

Мышкина 2007 – Мышкина Н.Л., *Синергетическая лингвистика: перспективы и проблемы развития*, [в:] *Семантические, грамматические и когнитивные категории языка*, ред. В.Л. Ибрагимова, Уфа 2007, с. 26–32.

Надель-Червиньска 2006 – Надель-Червиньска М., *Новая лексика в русских толковых словарях конца XX – начала XXI веков*, Katowice 2006.

Населенные... – *Населенные пункты по алфавиту*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Населённые_пункты_по_алфавиту

Нахимова 2007 – Нахимова Е.А., *Прецедентные имена в массовой коммуникации*, Екатеринбург 2007.

Недобух 1999 – Недобух А.С., *Формирование межкультурной компетенции*, «Лингвистический вестник», вып. 1, Ижевск 1999, с. 75–76.

Неизвестный 1989 – Неизвестный Э., *О синтезе искусств*, «Вопросы философии» 1989, № 7, с. 73–85.

Некрич 1995 – Некрич А., *На пути к оси Москва–Берлин*, [в:] Геллер М., Некрич А., *Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней в 3-х книгах*, кн. 1-я, Москва 1995, с. 346–391.

Нещименко (ред.) 1994 – *Язык. Культура. Этнос*, ред. Г.П. Нещименко, Москва 1994.

Никитина 2000 – Никитина С.Е., *О частотных словарях и культурно-языковых картинах мира*, [в:] *Русский язык сегодня*, ред. Л.П. Крысин, Москва 2000.

Николина 2006 – Николина Н.А., *Языковая и речевая рефлексия в пьесах А.Н. Островского*, «Русский язык в школе» 2006, № 3, с. 62–68.

Никольская 1993 – Никольская Т.Е., *Эволюция системы русских личных имен и культура*, [в:] *Русская культура и мир*, Нижний Новгород 1993, с. 220–223.

Новая... – *Новая экономическая политика*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Новая_экономическая_политика

Норман 1998 – Норман Б., *Речевая масс-культура носителя языка: от цитаты до фразеологизма*, „Przegląd Rusycystyczny” 1998, z. 3–4.

Об организации... – *Об организации использования тракторного парка.* Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3933.htm

Ожегов 1953 – Ожегов С.И., *К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху*, «Вопросы языкознания» 1953, № 2, с. 72–81.

Ожегов 1974 – Ожегов С.И., *Лексикология. Лексикография. Культура речи*, Москва 1974.

Основные... – *Основные этапы здравоохранения в России.* Режим доступа: http://medvuz.info/load/ozz_obshhestvennoe_zdorove_i_zdravookhranenie/osnovnye_ehtapy_razvitija_zdravookhranenija_v_rossii/36-1-0-628

Павловец 2008 – Павловец М.Г., *Сказка К. Чуковского «Муха-Цокотуха» в культурном контексте эпохи нэпа*, [в:] *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сборник научных статей*, вып. 7, т. 1, Москва 2008, с. 132–137.

Павловец 2008 – Павловец Т.В., *Роль звуковых повторов в организации ономастического пространства текста (на материале повести А. Платонова «Котлован»*, [в:] *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сборник научных статей*, вып. 7, т. 1, Москва 2008, с. 192–195.

Пайпс 2002 – Пайпс Р., *Коммунизм*, Москва 2002.

Палиевский 1974 – Палиевский П.В., *О художественном вкусе*, [в:] *Пути реализма. Литература и теория*, Москва 1974, с. 217–220.

Пачаи 2002 – Пачаи И., *Специфика русской культурной зоны в русской народной речи и фольклоре*, Ньиредьхаза 2002.

Пашков 2009 – Пашков А.В., *Частушка и русский стих 10–20-х гг. XX в.*, [в:] *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сборник научных статей*, вып. 8, т. 1, Москва 2009, с. 152–156.

Пелепейченко 2002 – Пелепейченко Л., *Межуровневая переходность пословиц и поговорок*, [в:] *Південний архів. Філологічні науки: Збірник наукових праць*, випуск XVI, Херсон 2002, с. 63–66.

Переименованные... – *Переименованные города*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Переименованные_города

Перестройка – *Перестройка*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Перестройка

Пермяков 1988 – Пермяков Г.Л., *Основы структурной паремиологии*, Москва 1988.

Петренко 1988 – Петренко В.Ф., *Психосемантика сознания*, Москва 1988.

Писаренко 2009 – Писаренко В.И., *О когнитивной лингвистике и семантике термина когнитивный*, [в:] *Актуальные проблемы современной лингвистики*, Москва 2009, с. 201–205.

Покровская 2001 – Покровская Е.А., *Русский синтаксис XX века: лингвокультурологический анализ*, Ростов-на-Дону 2001.

Покровская 2007 – Покровская Е., *Этапы развития русского языка XX века в контексте парадигм культуры*, [в:] *Kategorie semantyczne w tekście*, red. P. Czerwiński, E. Straś, Katowice 2007, с. 208–224.

Полюшкова 2005 – Полюшкова А., *Как все начиналось*, Альманах «Лаборатория рекламы, маркетинга и PR» 08.08.2005. Режим доступа: http://www.advertology.ru/article17460.htm

Попова, Стернин 1999 – Попова З.Д., Стернин И.А., *Понятие концепта в лингвистических исследованиях*, Воронеж 1999.

Попова, Стернин 2001 – Попова З.Д., Стернин И.А., *Очерки по когнитивной лингвистике*, Воронеж 2001.

Постовалова 1988 – Постовалова В.И., *Картина мира в жизнедеятельности человека*, [в:] *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира*, Москва 1988, с. 8–32.

Потехина 2009 – Потехина Е., *История русского литературного языка: теория и манипуляции*, „Przegląd Rusycystyczny” 2009, nr 2, с. 63–91.

Почепцов 1998 – Почепцов Г.Г., *Теория и практика коммуникации*, Москва 1998.

Протченко 1985 – Протченко И.Ф., *Лексика и словообразование русского языка советской эпохи (социолингвистический аспект)*, Москва 1985.

Прохоров 2004 – Прохоров Ю.Е., *В поисках концепта*, Москва 2004.

Развитие грамматики... 1964 – *Развитие грамматики и лексики современного русского языка*, Москва 1964.

Рахилина 1998 – Рахилина Е.В., *Когнитивная лингвистика: история, персоналии, идеи, результаты*, [в:] *Семиотика и информатика*, вып. 36, Москва, с. 274–323.

Религия... – *Религия в СССР*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Религия_в_СССР

Ржевский 1951 – Ржевский Л., *Язык и тоталитаризм*, München 1951.

Романенко 2003 – Романенко А.П., *Советская словесная культура: образ ритора*, Москва 2003.

Романов, Шахнарович 1999 – Романов А.А., Шахнарович А.М., *Человек играющий / Homo Ludens: Язык, личность, социум*, Москва–Тверь 1999.

Рудяков 1998 – Рудяков А.Н., *Лингвистический функционализм и функциональная семантика*, Симферополь 1998.

Русский язык... 1968 – (академическая коллективная монография) *Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского языка*, Москва 1968.

Рябов – Рябов О.В., *Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии.* Режим доступа: http://www.ivanovo.ac.ru/alumni/olegria/myth_woman.htm

Савенкова 2002 – Савенкова Л., *Образ бездельника в русской паремиологии*, [в:] *Південний архів. Філологічні науки: Збірник наукових праць*, випуск XVI, Херсон 2002, с. 87–90.

Сальман 2007 – Сальман Е.А., *Советизм: поиски терминологического соответствия*, [в:] *Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: в 2 т.*, т. 1, Волгоград 2007, с. 396–401.

Седакова 1995 – Седакова И.А., *О советизмах в современной русской речи*, [в:] *Знакомый незнакомец*, Москва 1995, с. 225–235.

Седых 2004 – Седых А.П., *Языковая личность и этнос*, Москва 2004.

Селиванова 2002 – Селиванова Е.А., *Основы лингвистической теории текста и коммуникации*, Киев 2002.

Селищев 1928 – Селищев А.М., *Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)*, 2-е изд., Москва 1928 (новейшее издание – Москва 2009).

Сеничкина 2006 – Сеничкина Е.П., *Эвфемизмы русского языка: Спецкурс*, Москва 2006.

Сепир 1997 – Сепир Э., *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва 1997.

Серебренников 1988 – Серебренников Б.А., *Как происходит отражение картины мира в языке?*, [в:] *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира*, Москва 1988, с. 88–107.

Серио 2008 – Серио П., *Деревянный язык, чужой язык и свой язык. Поиск настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов*, перевела К.Л. Филатова, «Политическая лингвистика» 2008, вып. (2) 25, Екатеринбург, с. 160–167.

Симмонс 2008 – Симмонс Э.Дж., *Политический контроль и советская литература*, перевела С.Я. Колтышева, «Политическая лингвистика» 2008, вып. (1) 24, Екатеринбург, с. 156–163.

Синявский 1989 – Синявский А., *Основы советской цивилизации*, Париж 1989.

Слонимский 1981 – Слонимский М., *Михаил Зощенко в воспоминаниях современников*, Москва 1981.

Слышкин 2000 – Слышкин Г.Г., *От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*, Москва 2000.

Снитко 1999 – Снитко Т.Н., *Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах*, Пятигорск 1999.

Соколов 2004 – Соколов Б.В., *Сталин. Власть и кровь*, Москва 2004.

Соловьев 1991 – Соловьев В., *Философия искусства и литературная критика*, Москва 1991.

Сорокин 1992 – Сорокин П.А., *Человек. Цивилизация. Общество*, Москва 1992.

Сорокин 1995 – Сорокин Ю.А., *Речевые маркеры этнических и институциональных портретов и автопортретов (Какими мы видим себя и других)*, «Вопросы языкознания» 1995, № 6, с. 43–53.

Сорокин, Кулешова 1995 – Сорокин Ю.А., Кулешова О.Д., *Дж. Оруэлл и принципы его новоязыка с лингвистической точки зрения*, [в:] *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность*, под ред. Ю.Н. Караулова, Москва 1995, с. 80–90.

Список храмов... – *Список храмов, упраздненных советской властью.* Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EF%E8%F1%EE%EA_%F5%F0%E0%EC%EE%E2_%F3%EF%F0%E0%E7%E4%ED%B8%ED%ED%FB%F5_%F1%EE %E2%E5%F2%F1%EA%EE%E9_%E2%EB%E0%F1%F2%FC%FE

СССР: Трактор... – *СССР: Трактор механизация сельского хозяйства*. Режим доступа: http://www.savok.org/sobytiya/884-traktor-mexanizaciya-selskogo-xozyajstva.html

СССР. Физическая культура... – *СССР. Физическая культура и спорт. БАС.* Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/СССР.%20Физическая%20культура%20и %20спорт/

Срезневский 1959 – Срезневский И.И., *Мысли об истории русского языка*, Москва 1959.

Сталиниана – *Сталиниана.* Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Сталиниана

Степанов 1975 – Степанов Ю.С., *Методы и принципы современной лингвистики*, Москва 1975.

Степанов 1985 – Степанов Ю.С., *В трехмерном пространстве языка: Семантические проблемы лингвистики, философии, искусства*, Москва 1985.

Стернин 2000 – Стернин И.А., *Социальные факторы и развитие современного русского языка*, [в:] *Теоретическая и прикладная лингвистика*, вып. 2: *Язык и социальная среда*, Воронеж 2000, с. 4–16.

Стернин, Попова 2006 – Стернин И.А., Попова З.Д., *Семантико-когнитивное направление в российской лингвистике*, «Respektus Philologicus» 2006, № 10, под ред. В. Макаровой, с. 43–51.

Стриженко 1980 – Стриженко А.А., *Роль языка в системе средств пропаганды*, Томск 1980.

Сулименко 1994 – Сулименко Н.Е., *Антропоцентрические аспекты изучения лексики: Учебное пособие к спецкурсу*, Санкт-Петербург 1994.

Суперанская 1990 – Суперанская А.В., *Имя через века и страны*, Москва 1990.

Суперанская, Суслова 2008 – Суперанская А.В., Суслова А.В., *О русских именах*, 5-е изд., перераб., Санкт-Петербург 2008.

Супрун 1969 – Супрун А.Е., *Русский язык советской эпохи*, Ленинград 1969.

Супрун 2000 – Супрун В.И., *Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал*, Волгоград 2000.

Сухих – Сухих С.А., *Механизмы манипулятивной коммуникации.* Режим доступа: http://tpl1999.narod.ru/WebTPL2000/SukhikhTPL2000.htm

Сятковский 1984 – Сятковский С., *Социолингвистика, социология языка и социология языковой коммуникации*, «Русский язык за рубежом» 1984, № 2, с. 63–68.

Тарланов (ред.) 1995 – *Язык и этнический менталитет*, ред. З.К. Тарланов, Петрозаводск 1995.

Телия 1986 – Телия В.Н., *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*, Москва 1986.

Телия 1988 – Телия В.Н., *Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира*, [в:] *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира*, ред. Б.А. Серебренников, Москва 1988, с. 173–203.

Телия (ред.) 1999 – *Фразеология в контексте культуры*, ред. В.Н. Телия, Москва 1999.

Тимофеев 1992 – Тимофеев Л., *Мы живем в уголовную эпоху*, «Столица» 1992, № 27, с. 12–14.

Тихонов 1996 – Тихонов А.Н., *Пословицы, поговорки и другие изречения русского народа (Предисловие)*, [в:] Зимин В.И., Спирин А.С., *Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь*, Москва 1996.

Токарев 2003 – Токарев В.Г., *К вопросу о типологии культурных коннотаций*, «Филологические науки» 2003, № 3, с. 56–60.

Торопцев 1985 – Торопцев И.С., *Язык и речь*, Воронеж 1985.

Тракторист – *Тракторист*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%F0%E0%EA%F2%EE%F0%E8%F1%F2

Трубецкой 1995 – Трубецкой Н.С., *История. Культура. Язык*, т. 1–2, Москва 1995.

Тюпа 2008 – Тюпа В., *Кризис советской ментальности в 60-е годы*, „Przegląd Rusycystyczny” 2008, nr 2, с. 104–120.

Тягунова, Хруцкая 2002 – Тягунова М., Хруцкая Н., *Цитаты и пословично-поговорочные суждения в текстах русскоязычной прессы*, [в:] *Південний архів. Філологічні науки: Збірник наукових праць*, випуск XVI, Херсон 2002, с. 93–95.

Уфимцева 2002 – Уфимцева А.А., *Лексическое значение. Принципы семасиологического описания лексики*, Москва 2002.

Ушаков 1987 – Ушаков А., *Маяковский в борьбе за социально-действенное искусство*, „Slavia Orientalis” 1987, nr 3–4, с. 683–689.

Фатеева 1998 – Фатеева Н.А., *Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи*, «Известия РАН. Серия литературы и языка» 1998, т. 57.

Филин 1981 – Филин Ф.П., *Истоки и судьбы русского литературного языка*, Москва 1981.

Формановская 1982 – Формановская Н.И., *Русский речевой этикет: лингвистический анализ и методологические аспекты*, Москва 1982.

Формановская 1998 – Формановская Н.И., *Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения: Учебное пособие*, Москва 1998.

Фрумкина 2007 – Фрумкина Р.М., *Психолингвистика*, Москва 2007.

Хазагеров 2002 – Хазагеров Г.Г., *Политическая риторика*, Москва 2002.

Харрис 2001 – Харрис Р., *Психология массовых коммуникаций*, Санкт-Петербург 2001.

Харченко 1989 – Харченко В., *Переносные значения слова*, Воронеж 1989.

Хлебда 1994 – Хлебда В., *Пословицы советского народа. Наброски к будущему анализу*, «Russistik» (Berlin) 1994, № 1–2, с. 74–84. Также: Режим доступа: http://www.lingvotech.com/chlebda-94

Цивилева 2007 – Цивилева А.В., *Лексические средства создания образа советской России в региональных СМИ (на материале газет «Сталинградская правда», «Урюпинская правда», «Колхозная стройка» 30–40-х гг. XX века)*, [в:] *Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: в 2 т.*, т. 1, Волгоград 2007, с. 429–434.

Циладзе 2003 – Циладзе А., *Политическая мифология*, Москва 2003.

Чайковская 1998 – Чайковская А., *Новая тенденция текстового оформления русского личного имени в публицистике*, [в:] *Teksto analize ir interpretacija*, Šiauliai 1998, с. 181–185.

Червинский 2010а – Червинский П., *Идеологический компонент в толковании лексического значения (на материале обозначения лиц)*, [в:] *Z zagadnień semantyki i stylistyki tekstu*, pod red. A. Ginter, Łódź 2010, с. 13–21.

Червинский 2010б – Червинский П., *Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации*, Тернополь 2010.

Черкашина 2007 – Черкашина Э.А., *Концепт как лингвокультурная категория*, [в:] *Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: в 2 т.*, т. 1, Волгоград 2007, с. 862–866.

Чернявская 2006 – Чернявская В.Е., *Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие*, Москва 2006.

Черняк 2003 – Черняк Е.М., *Социология семьи*, изд. 2-е, перераб. и доп., Москва 2003. Режим доступа: http://stratonomik.ru/cgyjm/sociologija_sem'i_-_chernjak.html

Чудинов 2003а – Чудинов А.П., *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*, изд. 2-е, Екатеринбург 2003.

Чудинов 2003б – Чудинов А.П., *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации*, Екатеринбург 2003.

Чудинов 2007 – Чудинов А.П., *Политическая лингвистика. Учебное пособие*, 2-е изд., испр., Москва 2007.

Чудинов 2010 – Чудинов А., *Российская политическая метафорика в начале XXI века*, [в:] *Z zagadnień semantyki i stylistyki tekstu*, pod red. A. Ginter, Łódź 2010, c. 357–363.

Чурилина 2003 – Чурилина Л.Н., *Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: Автореф. дис. ... докт. филол. наук*, Санкт-Петербург 2003.

Шалина 2009 – Шалина Л.В., *Наименования лиц в фокусе современных антропологических исследований*, [в:] *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сборник научных статей*, вып. 8, т. 1, Москва 2009, с. 230–233.

Шапошников 1998 – Шапошников В., *Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении*, Москва 1998.

Шарифуллин 1990 – Шарифуллин Б.Я., *О лексике и фразеологии политизированного языка*, [в:] *Лексикология и фразеология: Новый взгляд*, Москва 1990.

Шатуновский 1996 – Шатуновский И.Б., *Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика)*, Москва 1996.

Шахмайкин – Шахмайкин А.М., *Проблема лингвистического статуса категории рода. Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония*, Москва 1996.

Шахнарович, Юрьева 1990 – Шахнарович А., Юрьева Н., *Психолингвистический анализ семантики и грамматики*, Москва 1990.

Шведова 1966 – Шведова Н.Ю., *Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание)*, Москва 1966.

Шевченко – Шевченко М., *Подлинная элита не будет сформирована в ближайшие годы*. Режим доступа: http://www.politcom.ru/article.php?id=4879

Шейгал 2004 – Шейгал Е.И., *Семиотика политического дискурса*, Москва 2004.

Шилова – Шилова Т.А., *Миф о русской женщине на страницах Интернета: к вопросу о гендерном аспекте этнической стереотипизации*. Режим доступа: http://www.mbm-zgr.narod.ru/vestn/m23.htm

Шкатова 1981 – Шкатова А., *Наименования лиц по профессии в современном русском языке*, Москва 1981.

Шмелев 2002 – Шмелев А.Д., *Русская языковая модель мира*, Москва 2002.

Шмелева, Шмелев 2002 – Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д., *Русский анекдот как текст и как речевой жанр*, «Русский язык в научном освещении» 2002, № 2 (4), с. 194–210. Также: Режим доступа: http://www.russian.slavica.org/article7489.html

Шмелькова 2008 – Шмелькова В.В., *Исторические изменения в лексике русского языка XX века*, [в:] *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сборник научных статей*, вып. 7, т. 1, Москва 2008, с. 206–210.

Шрейдер 1989 – Шрейдер Ю., *Сознание и его имитация*, «Новый мир» 1989, № 11.

Шумарина 2008 – Шумарина М.Р., *Язык революционной эпохи в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»*, [в:] *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сборник научных статей*, вып. 7, т. 1, Москва 2008, с. 211 –214.

Щерба 1991 – Щерба Л.В., *Из дискуссии 20-х годов о культуре речи*, «Русская речь» 1991, № 3, с. 47–52.

Юнг 1992 – Юнг К.Г., *Психологические типы*, Москва 1992.

Языковые особенности... 1975 – *Языковые особенности современной русской художественной литературы. Проза*, Москва 1975.
Якимович 1993 – Якимович А., *Безумие Запада и русская болезнь. Две парадигмы культуры*, «Вопросы искусствознания» 1993, № 1, с. 79–91.
Якимович 1996 – Якимович А., *Утопии XX века. К интерпретации искусства эпохи*, «Вопросы искусствознания» 1996, № 1, с. 181–191.
Якимович 1997 – Якимович А., *Парадигмы XX века*, «Вопросы искусствознания» 1997, № 2, с. 121–133.

Awdiejew, Habrajska 2004 – Awdiejew A., Habrajska G., *Komunikatywizm – paradygmat lingwistyki XXI wieku*, [в:] *Paradygmaty filozofii języka, literatury, teorii tekstu (pogranicza metodologiczne)*, pod red. A. Kiklewicza, Słupsk 2004, c. 105–124.
Anusiewicz 1995 – Anusiewicz J., *Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki*, Wrocław 1995.
Anusiewicz, Handke (ред.) 1994 – *Płeć w języku i kulturze*, red. J. Anusiewicz, K. Handke, seria: *Język a kultura*, t. 9, Wrocław 1994.

Bajor 1998 – Bajor K., *W sprawie słownika języka rosyjskiego drugiej połowy XX wieku*, [в:] *Beiträge zur Slavistik 37*: Slavistische Studien zum XII. Internationalen Slavistenkongreß in Krakau 1998. H. Jelitte (Hrsg.), Frankfurt am Main–Berlin–Bern–New York–Paris–Wien 1998, c. 259–264.
Baker, Glasser 2005 – Baker P., Glasser S., *Cień Kremla*, tłum. Władysław Jeżewski, Warszawa 2005.
Bal 1987 – Bal S., *Poetycka dywersja w nowomowie*, „Brulion" 1987, nr 2–3, c. 115–132.
Bartmiński (ред.) 1988 – *Etnolingwistyka*, red. J. Bartmiński, Lublin 1988.
Bartmiński (ред.) 1990 – *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Lublin 1990.
Bartmiński 2006 – Bartmiński J., *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin 2006.
Bartmiński 2007 – Bartmiński J., *Stereotypy mieszkają w języku. Studia etnolingwistyczne*, Lublin 2007.
Bartmiński, Panasiuk (ред.) 2001 – Bartmiński J., Panasiuk J., *Stereotypy językowe*, [в:] *Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Lublin 2001.
Bogusławski 1994 – Bogusławski A., *Sprawy słowa. Word Matters*, Warszawa 1994.
Bokszański, Piotrowski, Ziółkowski 1977 – Bokszański Z., Piotrowski A., Ziółkowski M., *Socjologia języka*, Warszawa 1977.
Broda 2007 – Broda M., *Mentalność, tradycja i bolszewicko-komunistyczne doświadczenie Rosji*, Łódź 2007.
Bruneteau 2005 – Bruneteau B., *Wiek ludobójstwa*, tłum. Beata Spieralska, Warszawa 2005.
Burek 2002 – Burek P., *Breżniewizm i gorbaczowizm w ujęciu A. Zinowiewa*, „Slavia Orientalis" 2002, nr 2, c. 257–278.
Bytniewski 1992 – Bytniewski P., *Język i kultura w koncepcji E. Sapira i B.L. Whorfa*, pod red. J. Anusiewicza i F. Nieckuli, seria: *Język a kultura*, t. II, Wrocław 1992.

Chlebda 1993 – Chlebda W., *Przysłowia narodu radzieckiego. Wstępne założenia przyszłej analizy*, [в:] *Literatura i słowo wczoraj i dziś. Piśmiennictwo rosyjskie a państwo totalitarne*, red. A. Semczuk, W. Zmarzer, Warszawa 1993, c. 231–236.

Chlebda 1995 – Chlebda W., *Fatum i nadzieja. Szkice do obrazu samoświadomości językowej dzisiejszych Rosjan*, Opole 1995.

Chlebda 2007 – Chlebda W., *Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków*, Opole 2007.

Cieśla 1999 – Cieśla D., *Narzędzia językoznawstwa kognitywnego – nie tylko dla językoznawców*, „Rubikon" 1999, nr 1.

Dobek-Ostrowska 2006 – Dobek-Ostrowska B., *Komunikowanie polityczne i publiczne*, Warszawa 2006.

Dopóki... 1953 – *Dopóki bić będą serca... Młodzież radziecka w Wielkiej Wojnie Narodowej. Opowiadania, wiersze, dokumenty 1941–1942*, tłum. zbior., Warszawa 1953.

Drawicz 1992 – Drawicz A., *Język zwycięzców. O sowieckiej nowomowie*, [в:] Drawicz A., *Spór o Rosję*, Warszawa 1992, c. 113–128.

Dubisz 2002 – Dubisz S., *Język, historia, kultura (wykłady, studia, analizy)*, Warszawa 2002.

Fałowski 1990 – Fałowski A., *Z badań nad rosyjskim i polskim słownictwem niecenzuralnym*, „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Językoznawcze" 1990, z. 101, c. 21 –28.

Fast 1988 – Fast P., *Etiuda egzystencjalna (O liryce osobistej Włodzimierza Majakowskiego)*, „Slavia Orientalis" 1988, nr 1, c. 91–101.

Gajda, Rymut, Żydek-Bednarczuk 2002 – Gajda S., Rymut K., Żydek-Bednarczuk U., *Język w przestrzeni społecznej*, Opole 2002.

Głowiński 1990 – Głowiński M., *Nowomowa po polsku*, Warszawa 1990.

Głowiński 1991 – Głowiński M., *Marcowe gadanie. Komentarze do słów 1966–1971*, Warszawa 1991.

Gos 2006 – Gos E., *Co to jest tekst precedensowy?* „Przegląd Rusycystyczny" 2006, nr 4, c. 78–84.

Grzegorczykowa 1990 – Grzegorczykowa R., *Pojęcie językowego obrazu świata*, [в:] *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Lublin 1990, c. 39–46.

Grzegorczykowa, Pajdzińska (ред.) 1996 – *Językowa kategoryzacja świata*, red. R. Grzegorczykowa, A. Pajdzińska, Lublin 1996.

Heller 1993 – Heller L., *Социалистический реализм как культурная парадигма*, [в:] *Slavica Helvetica. Schweizerische Beitrage zum XI. Internationalen Slavistenkongress in Bratislava, September 1993*, Hrsg. J.P. Locher, Bern–Berlin–Frankfurt am Main–New York–Paris–Wien 1993, c. 127–156.

Heller 1994 – Heller L., *Возвышенное в системе эстетических категорий ждановского социалистического реализма*, [в:] *Wiener Slawistischer Almanach, Band 34*, 1994, c. 81–114.

Horda, Mokijenko, Walter (ред.) 2007 – *Język. Człowiek. Dyskurs*, pod red. M. Hordy, W. Mokijenko, H. Waltera, Szczecin 2007.

Kaczmarek 1995 – Kaczmarek B., *Mózg, język, zachowanie*, Lublin 1995.

Kiklewicz 2006 – Kiklewicz A., *Język – Komunikacja – Wiedza*, Мінск 2006.

Klimowicz 1996 – Klimowicz T., *Przewodnik po współczesnej literaturze rosyjskiej i jej okolicach (1917–1996)*, Wrocław 1996.

Korzeniewska-Berczyńska 1991 – Korzeniewska-Berczyńska J., *Sowietyzacja języka rosyjskiego*, „Studia i Materiały Centrum Badań Radzieckich" 1991, z. 24.

Korzeniewska-Berczyńska 1992 – Korzeniewska-Berczyńska J., *O pewnych właściwościach rosyjskiego języka posttotalitarnego*, „Przegląd Rusycystyczny" 1992, z. 3–4, c. 65–72.

Korzeniewska-Berczyńska 1993 – Korzeniewska-Berczyńska J., *Od „Wielkiego Października" do „Wielkiej Wandei". Transformacje świadomości w socium i magia słów*, [w:] *Literatura i słowo wczoraj i dziś. Piśmiennictwo rosyjskie i państwo totalitarne. Materiały Konferencji Naukowej*, Warszawa 1993, c. 237–244.

Korzeniewska-Berczyńska 1994 – Korzeniewska-Berczyńska J., *Poszukiwanie drogi do świątyni i anomie demokracji zamiast sacrum. Z problematyki analizy socjolingwistycznej współczesnej publicystyki*, „Studia Rossica" II, Warszawa 1994, c. 181–188.

Korzeniewska-Berczyńska 1996a – Korzeniewska-Berczyńska J., *„Homo sovieticus" в зеркале польского и российского общественного сознания. Стереотипы. Мифы. Реальность*, „Acta Polono-Ruthenica" 1996, nr 1, c. 359–367.

Korzeniewska-Berczyńska 1996б – Korzeniewska-Berczyńska J., *Особенности перестроечной и постперестроечной мифологем (Из опыта анализа публицистического дискурса)*, „Specimina Philologiae Slavicae", t. 50: *Русский язык в переломне время: 1985–1995 гг.*, München 1996, c. 68–81.

Korzeniewska-Berczyńska 2008 – Korzeniewska-Berczyńska J., *Функции художественных цитат в публицистическом тексте*, „Acta Polono-Ruthenica XIII" 2008, c. 415–426.

Kroeber 1989 – Kroeber A.L., *Istota kultury*, Warszawa 1989.

Kuratczyk 2001 – Kuratczyk M., *Rosyjskie przysłowia z perspektywy prakseologicznej*, [в:] *Rosyjsko-polski słownik paremiologiczny*, red. J. Lukszyn, Warszawa 2001, c. 38–47.

Kurcz 1987 – Kurcz I., *Język a reprezentacja świata w umyśle*, Warszawa 1987.

Kurcz 1992 – Kurcz I., *Język a psychologia. Podstawy psycholingwistyki*, Warszawa 1992.

Lahusen 1992 – Lahusen Th., *Новый человек, новая женщина и положительный герой, или к семиотике пола в литературе социалистического реализма*, «Вопросы литературы» 1992, вып. 1, c. 184–205.

Langacker 1995 – Langacker R.W., *Wykłady z gramatyki kognitywnej*, Lublin 1995.

Langacker 1998 – Langacker R.W., *Wstęp do gramatyki kognitywnej*, tłum. O., W. Kubińscy, [в:] *Językoznawstwo kognitywne. Wybór tekstów*, pod red. W. Kubińskiego, R. Kalisza, E. Modrzejewskiej, Gdańsk 1998, c. 28–80.

Lehikoinen 1990 – Lehikoinen R., *Словарь революции – Революция в словаре? Аббревиатуры и иноязычная лексика в русском языке первого послереволюционного десятилетия*, Helsinki 1990.

Lukacs 1988 – Lukacs G., *Historia i świadomość klasowa*, Warszawa 1988.

Maćkiewicz 1999a – Maćkiewicz J., *Słowo o słowie. Potoczna wiedza o języku*, Gdańsk 1999.

Maćkiewicz 1999б – Maćkiewicz J., *Wyspa – językowy obraz wycinka rzeczywistości*, [в:] *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Lublin 1999.

Markunas 2002 – Markunas A., *К проблеме заглавных и малых букв в церковной лексике*, „Przegląd Rusycystyczny" 2002, nr 4, c. 116–127.

Mayenowa 1979 – Mayenowa M.R., *Poetyka teoretyczna. Zagadnienia języka*, wyd. 2 uzup. i popr., Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1979.

Miedwiediew 1990 – Miedwiediew R., *Rodzina Stalina*, tłum. T. Ostrowska, Warszawa 1990.

Mikeln 1990 – Mikeln M., *Stalin*, tłum. D.H. Tomaszewska, Warszawa 1990.

Michalewski 1993 – Michalewski K., *Neologizm, neosemantyzm, metafora*, „Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego" 1993, t. 37, c. 119–123.

Modrzejewska 1999 – Modrzejewska K., *Postać kobieca we francuskim dramacie XX wieku*, Opole 1999.
Montefiore 2004 – Montefiore S.S., *Stalin. Dwór czerwonego cara*, Warszawa 2004.

Nosowicz 2002 – Nosowicz J.F., *К вопросу об интернационализации терминов*, „Przegląd Rusycystyczny" 2002, z. 4, с. 107–115.

Olbrych, Szokalski (ред.) 1995 – *Włodzimierz Majakowski i jego czasy*, red. W. Olbrych, J. Szokalski, Warszawa 1995.
Ożdzyński 1993 – Ożdzyński J., *Pojęcie „kulturemu" jako podstawowej jednostki derywacji stylistycznej*, „Stylistyka" 1993, t. II, с. 173–185.

Parniewski 1981 – Parniewski W., *Majakowski – fascynacja i opór. Z dziejów recepcji w Polsce*, Łódź 1981.
Parniewski 1995 – Parniewski W., *Homo sovieticus (A. Zinowjew, M. Heller, J. Tischner)*, „Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria" 1995, z. 37, с. 135–151.
Pazio 1995 – Pazio D., *Obraz językowy ustroju społeczno-politycznego w „Słowniku języka rosyjskiego" S.I. Ożegowa*, „Przegląd Rusycystyczny" 1995, z. 1–2, с. 67–71.
Piotrowski, Ziółkowski 1976 – Piotrowski A., Ziółkowski M., *Zróżnicowanie językowe a struktura społeczna*, Warszawa 1976.
Pipes 2005 – Pipes R., *Rosja bolszewików*, tłum. W. Jeżewski, Warszawa 2005.
Puzynina 1992 – Puzynina J., *Język wartości*, Warszawa 1992.

Rycielska 2007 – Rycielska B., *Celownik rosyjski. Studium kognitywne*, Szczecin 2007.

Sapir 1978 – Sapir E., *Kultura, język, osobowość*, Warszawa 1978.
Searle 1999 – Searle J.R., *Umysł, język, społeczeństwo*, Warszawa 1999.
Siatkowski 1994 – Siatkowski S., *О социологических основах преподавания иностранных языков*, [в:] *Studia Rossica II: Związki interdyscyplinarne w badaniach rusycystycznych*, pod red. W. Skrundy, W. Zmarzer, Warszawa 1994, с. 235–243.
Siatkowski 2004 – Siatkowski S., *O paradygmatach naukowych*, [в:] *Paradygmaty filozofii języka, literatury i teorii tekstu (Pogranicza metodologiczne)*, pod red. A. Kiklewicza, Słupsk 2004, с. 135–146.
Siekierzycki 1997 – Siekierzycki E., *Лексика газетно-публицистического стиля русского языка 1950–1980 годов*, [в:] *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка*, Warszawa 1997, с. 199–202.
Smaga 1992 – Smaga J., *Narodziny i upadek imperium. ZSRR 1917–1991*, Kraków 1992.
Smoleń 1994 – Smoleń M., *Stracone dekady. Historia ZSRR 1917–1991*, Warszawa–Kraków 1994.
Sobkowiak 1998 – Sobkowiak B., *Komunikacja społeczna*, [в:] *Współczesne systemy komunikowania*, red. B. Dobek-Ostrowska, Wrocław, с. 56–83.
Stepnowska 2001 – Stepnowska T., *Heretycy i prawomyślni. Rosyjska proza fantastyczna po roku 1917 wobec koncepcji „nowego człowieka*", Łódź 2001.
Stepnowska, Wierzbiński 2002 – Stepnowska T., Wierzbiński J., *O języku Stalina. Dywersja werbalna*, „Beiträge zur Slavistik", t. XLVII: *Slovo v tekste, perevode i slovare*, Frankfurt am Main–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Wien 2002, с. 183–189.
Suchanek 1994 – Suchanek L., *Aleksander Zinowjew – «pieriestrojka», «katastrojka», gorbaczowizm*, [в:] *Pisarz i władza (od Awwakuma do Sołżenicyna)*, pod red. B. Muchy, Łódź 1994, с. 220–233.
Suchanek 1999 – Suchanek L., *Homo sovieticus. Świetlana przyszłość. Gnijący Zachód. Pisarstwo Aleksandra Zinowiewa*, Kraków 1999.

Szetela 1984 – Szetela M., *Объективный и субъективный аспекты в понимании языковой нормы*, „Przegląd Rusycystyczny” 1984, z. 3, c. 99–107.

Tabakowska 2000 – Tabakowska E., *Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu*, tłum. A. Pokojska, Kraków 2000.
Tabakowska (ред.) 2001 – *Kognitywne podstawy języka i językoznawstwa*, red. E. Tabakowska Kraków 2001.
Thom 1990 – Thom F., *Drewniany język*, tłum. I. Bielicka, Warszawa 1990.
Thom 1990 – Thom F., *Czas Gorbaczowa*, Warszawa 1990.
Timoszuk 2001 – Timoszuk M., *Funkcje antroponimów w przysłowiach i porzekadłach rosyjskich*, [в:] *Rosyjsko-polski słownik paremiologiczny*, red. J. Lukszyn, Warszawa 2001, c. 26–37.
Tischner 1992 – Tischner J., *Etyka solidarności oraz Homo sovieticus*, Kraków 1992.
Tokarski 2001 – Tokarski R., *Słownictwo jako interpretacja świata*, [в:] *Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Lublin 2001.
Tošović 2002 – Tošović B., *Русский язык в XX столетии*, [в:] *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*, red. A. Pstyga, K. Szcześniak, Gdańsk 2002, c. 152–165.

Walicki 1993 – Walicki A., *Zniewolony umysł po latach*, Warszawa 1993.
Wat 1991 – Wat A., *Świat na haku i pod kluczem*, Warszawa 1991.
Weinsberg 1983 – Weinsberg A., *Językoznawstwo ogólne*, Warszawa 1983.
Wierzbicka 2007 – Wierzbicka A., *Słowa i kultury. Różne słowa – różne sposoby myślenia? Model kultury a słownictwo języka*, [в:] *Słowa klucze. Różne języki – różne kultury*, Warszawa 2007, c. 16–34.
Wierzbiński 1999a – Wierzbiński J., *Stylistyczny fenomen języka artystycznego Michała Zoszczenki*, Łódź 1999.
Wierzbiński 1999б – Wierzbiński J., *Zmiany leksykalno-semantyczne w okresie pieriestrojki i głasnosti*, „Beiträge zur Slavistik”, t. XLVII: *Slovo v tekste, perevode i slovare*, Frankfurt am Main–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Wien 2002, c. 211–220.
Witosz 2001 – Witosz B., *Kobieta w literaturze. Tekstowe wizualizacje od fin de siecle'u do końca XX wieku*, Katowice 2001.

Zmarzer 2001 – Zmarzer W., *Systematyzacja paremii w słowniku dwujęzycznym*, [в:] *Rosyjsko-polski słownik paremiologiczny*, red. J. Lukszyn, Warszawa 2001, c. 8–16.

Żegleń 2000 – Żegleń U.M., *Wprowadzenie do semiotyki teoretycznej i semiotyki kultury*, Toruń 2000.
Żurek 2002 – Żurek M., *Фиксация слов в словарях и изменения в лексической системе языка*, [в:] *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*, red. A. Pstyga, K. Szcześniak, Gdańsk 2002, c. 67–70.

2. Словари, энциклопедии, справочники, материалы

Алексеев (ред.) 1977 – *Словарь сокращений русского языка*, ред. Д.Н. Алексеев, Москва 1977.
Андроников, Галицан, Кирьян, Перечнев, Плотников 1988 – Андроников Н.Г., Галицан А.С., Кирьян М.М., Перечнев Ю.Г., Плотников Ю.В., *Великая Отечественная война 1941–1945*, под общ. ред. М.М. Кирьяна, 2-е изд., доп., Москва 1988.
Аникин 1988 – Аникин В.П., *Русские пословицы и поговорки*, Москва 1988.
Апресян 2003 – Апресян Ю.Д., *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, вып. 3, Москва 2003.
Ахманова 1969 – Ахманова О.С., *Словарь лингвистических терминов*, 2-е изд., Москва 1969.

Ашукин, Ашукина 1966 – Ашукин Н.С., Ашукина М.Г., *Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения*, 3-е изд., перераб. и доп., Москва 1966.

Бакерина, Шестакова 2002 – Бакерина В.В., Шестакова Л.Л., *Краткий словарь политического языка*, Москва 2002.

Баранов, Караулов 1991 – Баранов А.Н., Караулов Ю.Н., *Русская политическая метафора: Материалы к словарю*, Москва 1991.

Баранов, Караулов 1994 – Баранов А.Н., Караулов Ю.Н., *Словарь русских политических метафор*, Москва 1994.

Бархударов (ред.) 1982 – *Орфографический словарь русского языка*, под ред. С.Г. Бархударова, 19-е изд., стереотип., Москва 1982.

Беликов 1981 – Беликов В.И., *Материалы по русскому словообразованию. Словник ненормативной лексики*, Харьков 1981.

Белянин, Бутенко 1994 – Белянин В.П., Бутенко И.А., *Живая речь. Словарь разговорных выражений*, Москва 1994.

Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000 – Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г., *Большой словарь крылатых слов русского языка*, Москва 2000.

Бирих, Мокиенко, Степанова 1998 – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И., *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*, Санкт-Петербург 1998. (СРФ-С)

Введенский (ред.) 1950–1958 – *Большая Советская Энциклопедия*, 2-е изд., гл. ред. Б.А. Введенский, Москва 1950–1958. (БСЭ)

Галочкин, Черняховский 1955 – Галочкин Н.М., Черняховский С.А., *Пословицы и поговорки. Сборник советских пословиц и поговорок*, Горький 1955.

Голиков, Кузнецов (ред.) 1977 – *Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия*, под ред. Г.Н. Голикова, М.И. Кузнецова, Москва 1977.

Грушко, Медведев 2002 – Грушко Е.А., Медведев Ю.М., *Энциклопедия русских имен*, Москва 2002.

Даль 1912 – *Толковый словарь живого великорусскаго языка Владиміра Даля*. Четвертое исправленное и значительно дополненное издание подъ редакціею проф. И.А. Бодуэна-де--Куртенэ, С.-Петербургъ–Москва 1912. (Даль-4)

Даль 1978–1980 – Даль В., *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 1–4, 7-е изд., Москва 1978–1980. (Даль-7)

Даль 2000 – Даль В.И., *Толковый словарь русского языка. Современная версия*. Составители: Е. Грушко, Ю. Медведев, Москва 2000.

Дуличенко 2000 – Дуличенко Л.В., *Словарь обидных слов. Наименование лиц с негативным значением*, Тарту 2000.

Душенко 1996 – Душенко К.В., *Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина. Что, кем и когда было сказано*, Москва 1996.

Душенко 1997 – Душенко К.В., *Словарь современных цитат*, Москва 1997 (изд. 2-е – Москва 2002).

Душенко 1998 – Душенко К.В., *Дешевых политиков не бывает. Афоризмы*, Москва 1998.

Евгеньева (ред.) 1981–1984 – *Словарь русского языка в 4-х т.*, гл. ред. А.П. Евгеньева, 2-е изд., испр. и дополн., Москва 1981–1984. (МАС-2)

Елистратов 1994 – Елистратов В.С., *Словарь московского арго: Материалы 1980–1994 гг.*, Москва 1994.

Ефремова 1996 – Ефремова Т.Ф., *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*, Москва 1996.

Ефремова 2000 – Ефремова Т.Ф., *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный, т. 1–2*, Москва 2000.

Жигулев 1965 – Жигулев А.М., *Русские народные пословицы и поговорки*, Москва 1965.

Жуков 2000 – Жуков В.П., *Словарь русских пословиц и поговорок*, изд. 7, стереотип., Москва 2000.

Захаренко, Красных, Гудков (ред.) 2004 – *Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь*, ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Москва 2004.

Зенович 2000 – Зенович Е.С., *Словарь иностранных слов и выражений*, Москва 2000.

Зимин, Ашурова, Шанский, Шаталова 1994 – Зимин Б.И., Ашурова С.Д., Шанский В.Н., Шаталова З.Н., *Русские пословицы и поговорки. Учебный словарь*, Москва 1994.

Зимин, Спирин 1996 – Зимин В.И., Спирин А.С., *Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь*, Москва 1996.

Квеселевич 2003 – Квеселевич Д.И., *Толковый словарь ненормативной лексики русского языка*, Москва 2003.

Коваленко (ред.) 1995 – *Новый словарь сокращений русского языка*, ред. Е.Г. Коваленко, Москва 1995. Также: Режим доступа: http://www.gramota.ru/slovari/types/17_20

Кожина 2003 – Кожина М.Н., *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, Москва 2003.

Колесников 1991 – Колесников Н.П., *Словарь неологизмов В.В. Маяковского*, под ред. Н.М. Шанского, Тбилиси 1991.

Колесников 2002 – Колесников Н.П., *Толковый словарь названий женщин*, Москва 2002.

Колосова (ред.) 1963 – *Атлас мира*, ред. Л.Н. Колосова, Москва 1963. (АМ)

Колпакова, Мельц, Шаповалова 1957 – Колпакова Н.П., Мельц М.Я., Шаповалова Г.Г., *Избранные пословицы и поговорки русского народа*, Москва 1957.

Комлев 1995 – Комлев Н.Г., *Словарь новых иностранных слов (с переводом, этимологией и толкованием)*, Москва 1995.

Котелова, Сорокин (ред.) 1971 – *Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов*, под ред. Ю.С. Сорокина и Н.З. Котеловой, Москва 1971.

Котелова (ред.) 1980 – *Новое в русской лексике. Словарные материалы – 77*, под ред. Н.З. Котеловой, Москва 1980.

Котелова (ред.) 1984 – *Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов*, под ред. Н.З. Котеловой, Москва 1984.

Котелова (ред.) 1987 – *Новое в русской лексике. Словарные материалы – 83*, под ред. Н.З. Котеловой, Москва 1987.

Котелова (ред.)1995 – *Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х)*, под ред. Н.З. Котеловой, Санкт-Петербург 1995.

Крысин 1998 – Крысин Л.П., *Толковый словарь иностранных слов*, Москва 1998.

Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996 – Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г., *Краткий словарь когнитивных терминов*, Москва 1996.

Кузнецов (ред.) 2003 – *Большой толковый словарь русского языка*, гл. ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2003. (БТС)

Кульпина, Вавжинчик (ред.) 2006 – *Названия женщин. Дополнительный словарь*, под ред. В. Кульпиной и Я. Вавжинчика, Warszawa 2006.

Лаппо (ред.) 1994 – *Города России. Энциклопедия*, под ред. Г.М. Лаппо, Москва 1994.
Левашов 1996 – Левашов Е.А., *Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1988*, Санкт-Петербург 1996.
Левашов (ред.) 1997 – *Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов*, под ред. Е.А. Левашова, Санкт-Петербург 1997.
Лопатин, Лопатина 2001 – Лопатин В.В., Лопатина Л.Е., *Русский толковый словарь*, 7-е изд., испр. и доп., Москва 2001.

Макловски, Кляйн, Щуплов 1997 – Макловски Т., Кляйн М., Щуплов А., *Жаргон – энциклопедия московской тусовки. Научное издание*, Москва 1997.
Максимов (ред.) 1992 – *Словарь перестройки*, под ред. В.И. Максимова, Санкт-Петербург 1992. (СП)
Мартынова, Митрофанова 1986 – Мартынова А.Н., Митрофанова В.В., *Пословицы, поговорки, загадки*, Москва 1986.
Международная... 1975 – *Международная художественная выставка 30 победных лет*, Москва 1975.
Мокиенко, Никитина 1998 – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., *Толковый словарь языка Совдепии*, Санкт-Петербург 1998 (2-е изд., испр. и доп., Москва 2005).
Муллагалиева 2006 – Муллагалиева Л.К., *Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации: Словарь*, Москва 2006.

Надель-Червинская, Червинский 1995 – *Большой толковый словарь иностранных слов*, сост. М.А. Надель-Червинская, П.П. Червинский, т. 1–3, Ростов-на-Дону 1995.

Ожегов 1972 – Ожегов С.И., *Словарь русского языка*, под ред. Н.Ю. Шведовой, 9-е изд., испр. и дополн., Москва 1972. (О-9)
Ожегов, Шведова 1997 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., *Толковый словарь русского языка*, 4-е изд., дополн., Москва 1997. (ОШ-4)

Петровский 1996 – Петровский Н.А., *Словарь русских личных имен*, 5-е изд., доп., Москва 1996.
Поспелов 1993 – Поспелов Е.М., *Имена городов: вчера и сегодня (1917–1922). Топонимический словарь*, Москва 1993.

Росси 1991 – Росси Ж., *Справочник по ГУЛАГу: В двух частях*, 2-е изд., доп., Москва 1991.
Руднев 1999 – Руднев В.П., *Словарь культуры XX века*, Москва 1999.
Русские детские... 1997 – *Русские детские писатели XX века: Библиографический словарь*, Москва 1997.
Русское культурное пространство... 2004 – *Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь*, вып. 1, Москва 2004 (И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных).
Рыбникова 1961 – Рыбникова М.А., *Русские пословицы и поговорки*, Москва 1961.

Скляревская (ред.) 1998 – *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*, под ред. Г.Н. Скляревской, Санкт-Петербург 1998. (ТСРЯ-XX)
Скляревская (ред.) 2001 – *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия*, под ред. Г.Н. Скляревской, Москва 2001. (ТССРЯ-XX)
Словарь... 1957–1961 – *Словарь русского языка в четырех томах*, Москва 1957–1961. (МАС)
Словарь... 1950–1965 – *Словарь современного русского литературного языка*, т. 1–17, Москва – Ленинград 1950–1965. (БАС)

Словарь... 1991–1996 – *Словарь современного русского литературного языка в 20 томах*, 2-е изд., перераб. и доп., т. 1–6, Москва 1991–1996. (БАС-2)

Соболев 1961 – Соболев А.И., *Народные пословицы и поговорки*, под ред. Н.Н. Велецкой, Москва 1961.

Советский... 1975 – *Советский Энциклопедический Словарь. Методические указания для абторов и редакторов*, Москва 1975.

Соколова 1969 – Соколова В.К., *Русские пословицы и поговорки*, Москва 1969.

Солженицын 1990 – Солженицын А.И., *Русский словарь языкового расширения*, Москва 1990.

Спирин 1985 – Спирин А.С., *Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения*, Ростов-на-Дону 1985.

Степанов 2004 – Степанов Ю.С., *Константы: словарь русской культуры*, изд. 3-е, испр. и доп., Москва 2004.

Суперанская 2005 – Суперанская А.В., *Современный словарь русских имен*, Москва 2005.

Суперанская 2006 – Суперанская А.В., *Словарь русских личных имен*, Москва 2006.

Суперанская, Гусев (ред.) 1987 – *Справочник личных имен народов РСФСР*, под ред. А.В. Суперанской, Ю.М. Гусева, 3-е изд., испр., Москва 1987.

Тихонов и др. 1995 – Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г., *Словарь русских личных имен*, Москва 1995.

Ушаков (ред.) 1934–1940 – *Толковый словарь русского языка*, под ред. Д.Н. Ушакова, Москва 1934–1940.

Фесенко 1955 – Фесенко А. и Т., *Русский язык при советах*, Нью-Йорк 1955.

Фролов (ред.) 1987 – *Философский словарь*, под ред. И.Т. Фролова, Москва 1987.

Хлебцова 1999 – Хлебцова О.А., *Русский язык в пословицах, поговорках, крылатых выражениях, афоризмах. Учебное пособие*, Москва 1999.

Энциклопедический... 1953–1955 – *Энциклопедический Словарь в трех томах*, гл. ред. Б.А. Введенский, Москва 1953–1955. (ЭС)

Эстетика 1989 – *Эстетика. Словарь*, Москва 1989.

Ярцева (ред.) 1990 – *Лингвистический энциклопедический словарь*, гл. ред. В.Н. Ярцева, Москва 1990.

Ярцева (ред.) 1998 – *Большой энциклопедический словарь. Языкознание*, гл. ред. В.Н. Ярцева, Москва 1998.

Chlebda, Mokijenko, Szuleżkowa 2003 – Chlebda W., Mokijenko W., Szuleżkowa S., *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*, Łask 2003. (R-PSSS 2003)

Dubisz, Porayski-Pomsta, Sękowska 2004 – Dubisz S., Porayski-Pomsta J., Sękowska E. (red.), *Słownik pojęć politycznych i społecznych krajów Europy Środkowej i Wschodniej*, Warszawa 2004.

Dunaj (ред.) 1996 – *Słownik współczesnego języka polskiego*, red. B. Dunaj, Warszawa 1996.

Dunaj (ред.) 1998 – *Słownik współczesnego języka polskiego*, t. 1–2, red. B. Dunaj, Warszawa 1998.

Ilustrowany... 1999 – *Ilustrowany atlas świata*, Warszawa 1999. (IAS)

Janowowa, Skarbek, Zbijowska, Zbiniowska 1991 – Janowowa W., Skarbek A., Zbijowska B., Zbiniowska J., *Słownik imion*, wyd. drugie popr. i rozszerz., Wrocław–Warszawa–Kraków 1991.

Kurczak (ред.) 2007 – *Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*, t. 6, red. J. Kurczak, Łódź 2007.

Lazari (ред.) 1995 – *Mentalność rosyjska. Słownik*, red. A. Lazari, Katowice 1995.

Lazari (ред.) 1999–2003 – *Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*, red. A. Lazari t. 1, Warszawa 1999; t. 2–5, Łódź 1999–2003.

Lukszyn (ред.) 2001 – Kuratczyk M., Lukszyn J., Petelczyc R., Timoszuk M., Zmarzer W., *Rosyjsko--polski słownik paremiologiczny*, red. nauk. J. Lukszyn, Warszawa 2001.

Polański (ред.) 1993 – *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*, pod red. K. Polańskiego, Wrocław –Warszawa–Kraków 1993.

Przygoda (ред.) 1980 – *Mały słownik imion i nazwisk rosyjskich*, pod red. M. Przygody, Zielona Góra 1980.

Stypuła 1974 – Stypuła R., *Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*, Warszawa 1974.

3. Художественные тексты

Благов – Благов Ю., *Выбор имени.* Режим доступа: http://festival.1september.ru:8081/articles/418882/

Булгаков 1989 – Булгаков М.А., *Собрание сочинений в пяти томах*, т. 2, Москва 1989.

Булгаков 2002 – Булгаков М.А., *Собрание сочинений в восьми томах*, т. 8, Санкт-Петербург 2002.

Булгаков 2007 – Булгаков М.А., *Собрание сочинений в восьми томах*, т. 7: *Мастер и Маргарита*, Москва 2007.

Есенин 1966 – Есенин С.А., *Собрание сочинений в 5 томах*, т. 3, Москва 1966.

Замятин 1990 – Замятин Е.И., *Избранные произведения в двух томах*, Москва 1990.

Зиновьев 1990 – Зиновьев А.А., *Катастройка. Повесть о перестройке в Партграде*, Lausanne 1990.

Зиновьев 1991 – Зиновьев А.А., *Мой дом – моя чужбина. Гомо советикус*, Москва 1991.

Зощенко 1983 – Зощенко М., *Избранное в двух томах*, Минск 1983.

Зощенко 1986–1987 – Зощенко М., *Собрание сочинений в трех томах*, Ленинград 1986–1987.

Ильф и Петров 1987 – Ильф И.А. и Петров Е.П., *Двенадцать стульев*, Москва 1987.

Маршак – Маршак С.Я., *В защиту детей*. Режим доступа: http://festival.1september.ru:8081/articles/418882/

Маяковский 1955–1961 – Маяковский В.В., *Полное собрание сочинений в тринадцати томах*, Москва 1955–1961.

Олеша – Олеша Ю., *Зависть*. Режим доступа: http://royallib.com/book/olesha_yuriy/zavist.html

Пастернак 1989 – Пастернак Б.Л., *Доктор Живаго*, Москва 1989.

Пильняк 1990 – Пильняк Б.А., *Романы*, Москва 1990.

Платонов 1989 – Платонов А.П., *Чевенгур*, Москва 1989.

Рыбаков 1988 – Рыбаков А.Н., *Дети Арбата*, Москва 1988.

Тендриаков –Тендриаков В.Ф., *Параня.* Режим доступа: http://knigosite.ru/library/books/41263

Literatura rosyjska... 1998 – *Literatura rosyjska „przywrócona" i najnowsza. Wypisy*, wyb. i oprac. W. Supa, Białystok 1998.

4. Работы автора по теме

В книге частично использован материал, который был представлен в следующих публикациях:

1. *Manifestowanie się nowomowy w tekstach Michaiła Zoszczenki*, „Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica" 1996, z. 35, c. 87–98. Расширенная версия представлена в монографии: J. Wierzbiński, *Stylistyczny fenomen języka artystycznego Michała Zoszczenki*, Łódź, Wyd. UŁ, 1999 (см.: Rozdz.VIII, *Kwestia nowomowy w utworach Zoszczenki*, c. 127–146).

2. *Kapitalina, Melor, Turbina – czyli prolegomena do mody imienniczej w porewolucyjnej Rosji*, „Przegląd Rusycystyczny" 2001, z. 3, c. 86–93.

3. *«Изобретательская семидневка» Владимира Маяковского: словообразовательный и семантический аспекты изучения неологизмов*, [в:] *Актуальные вопросы изучения русской литературы и культуры, русского языка и методики его преподавания в европейском контексте*, под ред. Я. Генцеля, Л. Иохим-Кушликовой и Ф. Листвана, Kraków 2001, c. 255–260. См. также расширенный вариант: *О специфике новообразований в произведениях Владимира Маяковского*, „Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica" 2003, z. 1, c. 135–144.

4. *Поэтика и семантическое пространство паремий советского времени*, „Stylistyka" 2003, t. XII, c. 279–293. Также: *Своеобразие паремиологических изречений, возникших в советский период*, [в:] *Język a rzeczywistość. Rusycystyczne studia konfrontatywne*, pod red. P. Czerwińskiego i H. Fontańskiego, Katowice 2005, c. 206–212.

5. *Zmiany leksykalno-semantyczne w okresie pieriestrojki i głasnosti*, "Beiträge zur Slavistik", t. XLVII: *Slovo v tekste, perevode i slovare*, Frankfurt am Main–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Wien: Lang, 2002, c. 211–220. Также: *Uwag kilka o słownictwie rosyjskim w okresie pieriestrojki*, [в:] *Pragmatyczne aspekty opisu języków wschodniosłowiańskich*, pod red. P. Czerwińskiego przy współpr. A. Charciarka, Katowice 2003, c. 77–83.

6. *Какое разнообразие ликов... или „Толковый словарь названий женщин"*, "Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen", Bd. 13: *Das Russische in zweisprachigen Worterbuchern*. Internationale Fachtagung, Magdeburg, 18.–22.5.2005, Renate Belentschikow (Hrsg.), Frankfurt am Main–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Wien: Lang, 2006, c. 271–281.

Monumentalizacja języka w Rosji XX wieku (Eksplikacja diachroniczna paradygmatów naukowych)

Streszczenie

W najgłębszym przekonaniu autora niniejszej monografii, będącej efektem wieloletnich przemyśleń i prac studyjnych, przyszedł właśnie czas na pełniejszą i bardziej wnikliwą ocenę sytuacji językowej radzieckiej przeszłości i historycznych doświadczeń narodu rosyjskiego. Przedmiotem badań jest tu w szczególności język rosyjski w warunkach popaździernikowych, w którym plan treści zdominowała ideologia marksistowska, natomiast plan formy – retoryka komunistyczna.

Określenie tytułowe, które nawiązuje do języka posągowego, fasadowego, wyolbrzymionego i przytłaczającego zarówno swoją ideologiczną treścią, jak i formą, jest tu swoistą metaforą. Monumentalizacja języka polega w ogólności na nadawaniu mu przez system totalitarny cech socrealistycznej wielkości, gigantomanii i na tworzeniu nadmiernie upolitycznionych struktur językowych.

Książka mieści się swoją tematyką w obszarze analiz ruszczyzny XX wieku i porusza szerokie spektrum zagadnień z zakresu rosyjskiej rzeczywistości językowo-kulturowej tegoż stulecia, czyli głównie w warunkach masowej kultury radzieckiej. Autor koncentruje się na kwestiach związanych z modelowaniem rzeczywistości po 1917 roku i z kształtowaniem języka rosyjskiego w warunkach popaździernikowych, a zwłaszcza jego słownictwa, będącego wyrazistym świadectwem mentalności epoki. Badania dotyczą zatem ideologiczno-retorycznego obrazu świata przedstawionego, głównie obrazu języka w porewolucyjnej Rosji, a więc sposobów, środków i technik jego manifestacji.

Badania mają charakter interdyscyplinarny. Analizy językowe zostały pogłębione o zjawiska i aspekty semiotyczne, kulturowe, psycho- i socjolingwistyczne w odniesieniu do różnych sytuacji komunikacyjnych. Bazę teoretyczną rozważań tej pracy stanowi również lingwistyka kognitywna, w oparciu o jej podstawowe założenia i pojęcia ukazane zostały najważniejsze fragmenty rosyjskiego językowego obrazu rzeczywistości. Jest to spojrzenie na język rosyjski XX wieku z dzisiejszej perspektywy, z perspektywy przełomu wieków i w kontekście przemian dokonujących się w Rosji.

Książka prezentuje najważniejsze kwestie związane z sytuacją językową i kulturową w XX-wiecznej Rosji. Znalazły one swój wyraz w poszczególnych rozdziałach pracy.

Wstęp. W tej części monografii w sposób holistyczny zakreślono podejmowaną tematykę badawczą. Na podstawie literatury teoretycznej przedstawiono równolegle wyjściowy aparat pojęciowy: językowy obraz świata, koncept, konceptualizacja, antropocentryzm.

Pojęcie językowego obrazu świata wiąże się z kognitywistycznym nurtem językoznawstwa. Do założeń tego wciąż dynamicznie rozwijającego się nurtu językoznawstwa nawiązuje również niniejsze opracowanie. Myślą przewodnią podejścia kognitywnego jest odniesienie czy też wręcz utożsamianie znaczenia językowego z konceptualizacją, co oznacza głównie metaforyczny i metonimiczny charakter naszego myślenia o rzeczywistości. Rzec można, iż jednostki językowe kryją w sobie z jednej strony bezpośredni, z drugiej zaś metaforyczny sposób postrzegania świata przez

człowieka. W sposób istotny wspiera tę dziedzinę wiedzy również intensywnie rozwijająca się w ostatnich latach lingwistyka polityczna.

Ta część pracy przybliża zręby aksjologicznego systemu w okresie radzieckim, a szczególnie w okresie porewolucyjnym z jego doktrynalnym podejściem klasowym, stereotypami myślenia i obrazem wroga. Rzecz w tym, że sowiecka władza totalitarna w urzeczywistnianiu swoich doktryn politycznych, społecznych i moralnych nader często wykorzystywała język do eksponowania w nim treści ideologicznych. Język był narzędziem służącym do kreowania przeciwnika politycznego, a w konsekwencji do zwalczania tegoż przeciwnika – często fikcyjnego, urojonego, mitycznego wroga ludu, szpiega, agenta, zdrajcy itp. To specjalna odmiana języka, bazującego na banalnych frazesach i schematach propagandowych.

We Wstępie przedstawiono też założenia metodologiczne, które ściśle korespondują z celami i zadaniami niniejszej pracy. Prezentowane słownictwo występuje jako świadectwo mentalności epoki oraz jako sposób interpretacji świata. Omawiane aktywne procesy i tendencje językowe zachodzące w porewolucyjnej Rosji w szerokim sensie odzwierciedlają z jednej strony językowy obraz świata użytkowników języka, z drugiej zaś – sposoby konceptualizacji (postrzegania przez nich) tejże rzeczywistości. W kolejnych rozdziałach przedstawiony został językowy obraz świata, który tworzą poszczególne kategorie jednostek leksykalnych oraz zdarzenia komunikacyjne, z uwzględnieniem sposobów konceptualizacji rozmaitych pojęć.

Rozdział I nosi tytuł *Paradygmaty kultury w dwudziestowiecznej Rosji w kontekście lingwistyki. Periodyzacja rozwoju języka rosyjskiego*. Zaprezentowano w nim, z uwzględnieniem tła historycznego i kulturowego, paradygmaty w nauce XX wieku w nawiązaniu do nauk humanistycznych, w tym do językoznawstwa.

Na początku zarysowano specyfikę dwóch podstawowych paradygmatów kultury, które wyróżnił w swoich opracowaniach A. Jakimowicz. Pierwszy, mający związek z ideałami humanizmu i oświecenia, określany jest mianem antropocentryzmu czy też antropohumanizmu. Drugi jest jego przeciwieństwem ze względu na swój charakter, gdyż cechuje go dysharmonia, irracjonalizm, destrukcja i nihilizm. Owe paradygmaty znajdują w koncepcji Jeleny Pokrowskiej przełożenie na rozwój języka w XX stuleciu. Badaczka dowodzi swego stanowiska, przytaczając rozliczne paralele i ekwiwalenty występujące w języku oraz dostrzegając analogiczne w tym względzie tendencje na różnych płaszczyznach języka – leksykalno-semantycznej, składniowej, stylistycznej.

Odnośnie do prezentowanych w rozdziale paradygmatów kultury w Rosji XX wieku na uwagę zasługują również spostrzeżenia tzw. Szwajcarskiej Szkoły z Lozanny na czele z Leonidem Hellerem, nawiązujące do wykładni socrealizmu w literaturze i sztuce.

Przedstawiono też paradygmat globalizacji z końca XX wieku w związku z zachodzącymi wraz z pieriestrojką procesami demokratyzacji i transformacją ustrojową. Wyróżniony paradygmat globalizacji odznacza się także swoją specyfiką etniczno-kulturową w nowych strukturach organizacji Federacji Rosyjskiej.

W rozdziale uwaga została skoncentrowana także na nowszych paradygmatach w lingwistyce, jak paradygmat kognitywno-semiologiczny oraz intensywnie kształtujący się paradygmat kognitywno-synergetyczny. Wyznaczają one *de facto* ramy metodologiczne współczesnych badań.

Ta część pracy uwzględnia periodyzację w rozwoju języka rosyjskiego XX wieku i zawiera ogólne spostrzeżenia na temat ideologizacji języka oraz występujących w nim tendencji w tym zakresie.

Rozdział II pt. *Tło społeczno-polityczne a sytuacja językowa. Agitacja i propaganda.* Język okresu radzieckiego należy rozpatrywać w kontekście historycznych przemian, w tym dramatycznych faktów z radzieckiej historii, będących następstwem rewolucji 1917 roku, jak wielki głód czy stalinowskie represje. Czasy stalinizmu cechował wszechobecny terror oraz strach. Kojarzą się też one z powszechną biedą, beznadzieją, różnymi podejrzeniami, prześladowaniami, zakazami i nakazami.

Po 1917 roku nastąpiły gruntowne przemiany światopoglądowe. Były to czasy, kiedy kwestie te rozstrzygała władza państwowa w postaci decyzji, dekretów i ustaw. Oficjalnie obowiązywał ateizm. W Związku Radzieckim panowała ideologia komunistyczna. Od dziesiątków lat funkcjonował system jednopartyjny. Struktury państwa, służby bezpieczeństwa i cenzura stały na straży stabilności reżimu. Wszechobecna była weryfikacja ideologiczna obywateli. Władza tolerowała, a niekiedy faworyzowała jedynie prawomyślnych i schlebiających jej. Społeczeństwo przechodziło wielopiętrową procedurę kwalifikacyjną. Wymuszano na nim absolutne posłuszeństwo, opierających się zwalczano bez najmniejszych skrupułów poprzez permanentne śledzenie, przesłuchiwanie, torturowanie i izolowanie. Szykanowani często przystawali na warunki ideologiczne. Przedstawiciele władzy byli mistrzami kamuflażu, manipulowali faktami i działali podstępnie, co budziło wśród podwładnych poczucie niepewności i zagrożenia. Komunistyczni przywódcy uważali, że spełniają wyjątkową misję dziejową. Obywatelom wpajano, że są otoczeni wrogim światem, co miało kształtować w nich powszechną nieufność wobec tegoż otoczenia. W socrealizmie obowiązywała formuła: ideowość, partyjność, ludowość. Na tak zarysowanym w monografii tle społeczno-politycznym przedstawiono działalność propagandową i agitacyjną rozlicznych publikatorów, głównie zaś ówczesnej prasy.

Po rozpadzie ZSRR, a więc w nowej sytuacji politycznej i społecznej, ma miejsce gruntowne mentalne, w tym obywatelskie oraz religijne przebudzenie i powrót do tradycyjnych korzeni prawosławia, do chrześcijaństwa, do sacrum.

Rozdział III nosi tytuł *Język ideologii sowieckiej*. W systemach totalitarnych język podporządkowany był polityce i spełniał istotną rolę środka propagandy, która nierzadko przybierała formy graniczące z fanatyzmem ideologicznym. W rozdziale wyeksponowano rozliczne przykłady świadczące o indoktrynacji i wyrafinowanej manipulacji językowej, którą realizował komunistyczny aparat władzy i oficjalna partyjna propaganda.

W tej części pracy przedstawiono zarówno leksykograficzne biogramy czołowych działaczy partyjnych (Lenina i Stalina) oraz związane z nimi konotacje ideologiczne, jak i definicje kluczowych pojęć w oparciu o rozmaite opracowania leksykograficzne. Przegląd ten inicjuje termin *идеология*, który generuje w swojej strukturze semantycznej przeciwstawne poglądy na świat oraz odmienne systemy wartości, poglądów, idei. Znajduje to swój wyraz w klasowym rozwarstwieniu społeczeństwa, czego dowodzą spolaryzowane określenia typu *марксистско-ленинская идеология* oraz *буржуазная идеология*. W kręgu analiz znajdują się ideologizmy typu *большевик*, *диктатура пролетариата*, *коммунизм*, *класс*. W przeglądzie uwzględniono również słownictwo sakralne (*Бог*, *Христос*, *религия etc.*), które w okresie porewolucyjnym zostało poddane bezwzględnej ideologicznej manipulacji. Agitacyjną działalność aparatu państwowego w porewolucyjnej Rosji odzwierciedlają słownikowe interpretacje rozlicznych określeń, czego przykładem jest objaśnienie terminu *атеизм* i związane z nim frazeologizmy *воинствующий атеизм*, *научный атеизм*. Ideologizacja objęła rozmaite dziedziny, w tym literaturę. Ilustrują to zjawisko utwory M. Zoszczenki, A. Płatonowa, M. Bułhakowa i wielu innych pisarzy.

Rozdział IV pt. *Drogi kształtowania się i rozwoju zasobu leksykalnego. Definicje słownikowe*. Język rosyjski w XX stuleciu przynajmniej dwukrotnie poddany został swoistym wstrząsom i gruntownym zmianom. Manifestują się one przede wszystkim na płaszczyźnie leksykalno-semantycznej i słowotwórczej. Pierwsza taka zmiana dokonała się w wyniku rewolucji 1917 roku, zaś druga ma związek z pieriestrojką, przypadającą na drugą połowę lat 80. i początek lat 90. Wypełnia te przełomowe wydarzenia ponad pół wieku, a dokładnie 70 lat ideologii marksistowsko-leninowskiej, która zdominowała wszystkie obszary życia.

Słownictwo w takich przełomowych okresach charakteryzuje się ogromną zmiennością: jedne wyrazy wychodzą z użycia, drugie zostają przesunięte na peryferie systemu słownikowego, trzecie zmieniają swoje znaczenie, zmieniają swoje konotacje, otrzymują odmienne zabarwienie stylistyczne, jeszcze inne wreszcie zostają wprowadzone do języka w drodze procesów słowotwórczych lub w drodze zapożyczeń.

Po rewolucji pojawiło się w zasobie leksykalnym języka rosyjskiego mnóstwo tzw. sowietyzmów, które bardzo szybko zadomowiły się w realiach radzieckich i stały się powszechne, np.: *красный* (jako symbol rewolucji), *субботник*, *пятилетка*, *коллективизация*, *комиссар*, *митинг* oraz różnego typu skrótowce, jak *комсомол*, *комсорг*, *колхоз*, *совхоз*, *партбюро*, *госплан*, *госбюджет*; *ФЭД* (nazwa marki aparatu fotograficznego od Феликс Эдмундович Дзержинский), *ЗИС* (marka limuzyny od nazwy fabryki Завод имени Сталина), *ЗАГС* (Отдел записи актов гражданского состояния).

Rozdział V pt. *Język haseł politycznych, odezw i cytatów*. Immanentną cechą języka minionej epoki były rozliczne formuły patriotyczne i apele rewolucyjne, hasła polityczne, zwroty propagandowe, wezwania oraz slogany sztandarowe, jak np.: *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!* (Marks, Engels); *Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма* (Marks, Engels); *Лучше меньше, да лучше* (Lenin). W celach propagandowych wszechobecna była militaryzacja haseł, por.: *Социалистическое отечество в опасности!*; *Все для фронта!* Wiele haseł, skonstruowanych wedle politycznej koniunktury, nawiązywało do odpowiedzialności obywatelskiej i obowiązku patriotycznego, por.: *Родина-мать зовет!* (z plakatu); *Учиться, учиться и [ешё раз] учиться* (Lenin). Charakterystycznym elementem ówczesnego języka były zarówno frazy nawiązujące do ideologii i systemu komunistycznego, jak i do przemian społecznych i politycznych. Wyrazista pod tym względem była retoryka stalinowska, por. np.: *Товарищи! Граждане! Братья и сестры!*; *Кадры решают все*; *Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей*. Wśród sloganów propagandowych nie brakuje haseł o wydźwięku ekonomicznym i socjalnym, np.: *Экономика должна быть экономной*; *Долой кухонное рабство!*; *Отходы – в доходы!*

Po transformacji ustrojowej zapoczątkowanej pieriestrojką w 1985 roku rozliczne hasła propagandowe pozyskały zabarwienie ironiczne, np.: *Все для человека*; *Развитой (реальный) социализм*; *Новый человек*. W nowych uwarunkowaniach historycznych i mentalnych dostrzec można krytyczny stosunek do minionej epoki, co dobitnie ilustruje metaforyczne sformułowanie *театр абсурда* na określenie sowieckiej rzeczywistości. Znamienne w tym kontekście jest też sformułowanie *гомо советикус* czy też określenie *гомосос* odnoszące się do człowieka, którego myślenie i postępowanie zostało ukształtowane przez system wartości ideologii komunistycznej (Zinowjew).

Rozdział VI nosi tytuł *Imiona własne nacechowane ideologicznie*. Przed rewolucją dzieciom nadawano przede wszystkim imiona chrzestne, które były odnotowywane w księgach parafialnych. Po 1917 roku w ramach laicyzacji i ateizacji życia publicznego odstąpiono od tej zasady. Imiona rejestrowano w cywilnych księgach metrykalnych w urzędach państwowych. Większość nowych imion była nacechowana ideologicznie i miała związek z marksistami, rewolucją, jej wodzem, symbolami, hasłami rewolucyjnymi, por.: *Мэлор* – od zestawienia słów: *Маркс*, *Энгельс*, *Ленин*, *Октябрьская революция*; *Лорикэрик* – od określeń: *Ленин*, *Октябрьская революция*, *индустриализация*, *коллективизация*, *электрификация*, *радиофикация* i *коммунизм*. Jako imiona funkcjonują nazwy *Ленин*, *Ленина*, *Нинель* oraz rozmaite typy skrótowców od Владимир Ильич Ленин: *Вил*, *Вилен*, *Вилена*, *Виленин*, *Виленина*, *Владлен*, *Владлена*, *Владилен*, *Владилена*.

Szereg imion powstało przez skrócenie wyrażeń, haseł i sloganów: *Роблен* (родился быть ленинцем), *Ревмир*, *Ревмира* oraz *Рем*, *Рема* (революция мировая), *Реввола* (революционная волна), *Ремизан* (революция мировая занялась), *Ревдит* (революционное дитя), *Дамир* (даешь мировую революцию), *Пятвчет* (пятилетку в четыре года). Tworzono również imiona dwu- i trójczłonowe: *Белач ночь*, *Серп-и-Молот*, *Догнат-Перегнат* (догнать и перегнать Америку). W charakterze imion występują też nazwy maszyn, urządzeń, pojazdów, będących symbolem postępu i przemian w porewolucyjnej Rosji, por.: *Комбайн*, *Трактор*, *Турбина*, *Дрезина*, *Дизель*. Znaczna ilość imion wywodzi się od nazw pospolitych, apelatywnych czy też terminologicznych, por.: *Искра*, *Звезда*, *Заря*, *Зарина*, *Победа*, *Свобода*, *Эра*, *Гений*, *Гвоздика*, *Альгебрина*, *Идея*, *Индустрий* i *Индустрия*, *Инициатива*. Imiona takie, urastające do roli

symboli i mające ścisłe nawiązania historyczne, są świadectwem swoich czasów oraz swoistej mentalności w porewolucyjnej Rosji.

Rozdział VII pt. *Sowietyzmy – toponimy* traktuje o porewolucyjnych trendach w rosyjskiej onomastyce toponimicznej. Przedstawiono w nim i omówiono charakterystyczne kierunki tworzenia nazw miejscowych oraz geograficznych: 1) związanych z twórcą państwa sowieckiego, Leninem: *Ленинград*, *Ленинск*, *Лениногорск*, *Ленинский*, *Ленинское*, *Ленино*, *Лениндар*, *Ленингори*, *Ленинкорань*, *Ленинабад*, *Ленинакан*, *Ульяновск*, *Ульяновка*, *Ленина пик*, *Ленинаканское плато*; 2) na cześć jego następcy, Stalina: *Сталинград*, *Сталиногорск*, *Сталинск*, *Сталин*, *Сталинири*, *Сталинисси*, *Сталинабад*, *Сталина пик*, *Сталина залив*; 3) związanych z całą plejadą działaczy rewolucyjnych i partyjnych, jak Siergiej Kirow, Kliment Woroszyłow, Andriej Żdanow, Walerian Kujbyszew, Grigorij Ordżonikidze, Jakow Swierdłow, Michaił Kalinin, Wiaczesław Mołotow, Nikołaj Jeżow, Feliks Dzierżyński, Grigorij Pietrowski, Aleksiej Rykow, por. nazwy miejscowe: *Киров*, *Кировск*, *Кировка*, *Кирово*, *Кировабад*, *Кировакан*, *Кировоград*, *Кировский*, *Кировское*, *Кировская площадь*; *Ворошиловград*, *Ворошиловск*, *Ворошилов*; *Жданов*, *Ждановск*, *Ждановское*; *Куйбышев*; *Орджоникидзе*; *Рыково*.

Nazwy takie urabiano także na bazie rozlicznych ideologizmów, por.: *Красноармейск*, *Краснопартизанск*, *Красный Луч*, *Красный Маяк*, *Красный Октябрь*, *Красной Армии залив*; *Первомайск*, *Первомайский*; *Комсомольск*, *Комсомолец*; *Пролетарск*, *Пролетарий*. Toponimy tworzono również dla upamiętnienia przodowników pracy socjalistycznej od ich nazwisk (*Стаханов*) czy dla uczczenia pisarzy proletariackich (*Горький*), piewców rewolucji (*Маяковский*). Toponimy takie pełniły funkcję symboli w całokształcie dokonujących się przemian. Wiele tych nazw po transformacji ustrojowej zostało zmienionych. Przywrócone zostało nazewnictwo historyczne.

Rozdział VIII zatytułowany *Gender a językowy obraz kobiety sowieckiej* nawiązuje poprzez materiał językowy do rodzaju działalności i szeroko rozumianej pracy wykonywanej przez kobiety w perspektywie historycznej. Rewolucja październikowa sprawiła, że zawody do tej pory zarezerwowane dla mężczyzn zaczęły wykonywać kobiety, a druga wojna światowa jeszcze ten proces wzmocniła. Liczył się udział kobiet w życiu ekonomicznym i przemysłowym kraju, w jego industrializacji. Stąd feminizmy typu *бетонщица*, *автокрановщица*, *арматурщица*, *паяльщица*, *электросварщица*, *экскаваторщица*, *асфальтировщица*, *фрезеровщица*, *забойщица*, *зарубщица*, *засмольщица*, *заварщица*, *закальщица*, *истопница*, *канавщица*, *литейщица*, *камазовка*, *арматурщица*, *развальцовщица*, *бамовка*. Kobiety pełniły różne funkcje związane z kolektywizacją, por. takie nazwy, jak *трактористка*, *комбайнерка*, *удабривательница*, *целинница*, *посевщица*, *боронильщица*. Wyraziste są też nominacje typu *большевичка*, *коммунистка*, *комсомолка*, *ленинка*, *чекистка*, *тимуровка*, *пионерка*, *партийка*, *агитаторша*, *активистка*, *атеистка*.

Wiele z tych nazw koreluje z miejscem pracy kobiet. Motywacja semantyczna podanego nazewnictwa kojarzy się z przedmiotami wykorzystywanymi podczas pracy bądź nasuwa asocjacje związane z ideologią i polityką. Podane nominacje wartościują i utrwalają obraz kobiety zwłaszcza po rewolucji, w latach nepu i kolektywizacji.

Okres pieriestrojki i transformacji ustrojowej sprzyjał zmianie ról społecznych kobiety i poszerzeniu jej statusu w obszarze biznesu, sportu, kultury itd., por.: *финансистка*, *бизнесменка*, *банкирша*, *яхтсменка*, *штангистка*, *фехтовальщица*, *парашютистка*, *планеристка*, *рапиристка*, *барабанщица*, *аккомпаниаторша*, *издательница*. Nowsze role kobiety odzwierciedlają również nazwy typu *бездомница*, *беспризорница*, *бичевка*, *бомжиха*.

Rozdział prezentuje językowy portret kobiety w oparciu o nazewnictwo wykonywanych zawodów i oryginalne rozumienie ról społecznych kobiety.

Rozdział IX nosi tytuł *Odzwierciedlenie językowego obrazu świata w paremiach*. W rozdziale tym zaprezentowany został materiał paremiologiczny z rodowodem radzieckim. Wyrażenia przysłowiowe poddano analizie w układzie tematycznym z uwzględnieniem jednostek kluczowych dla

semantyki tychże wyrażeń, jak np. *Ленин*, *ленинизм*, *ленинский*, *коммунизм*, *партия*, *колхоз*, *трактор*, *комбайн*, *пятилетка* i inne. W przestrzeni semantycznej znalazły się m.in. paremie: *Следуй ленинизму – придешь к коммунизму*; *От ленинской науки крепнут разум и руки*; *Власть советская пришла, жизнь по-новому пошла*. Paremie tego typu zawierają specyficzny kod semiotyczny nacechowany pierwiastkiem propagandowym, por. też kolejne przykłady: *Раньше жили – слезы лили, теперь живем – счастье куем*; *Где власть народа, там победа и свобода*; *За коммунистами пойдешь – дорогу в жизни найдешь*; *За партией идти – в счастьи жить и цвести*; *Набирайся силы у груди матери, ума – у Коммунистической партии*. Celom propagandowym podporządkowane były również paremie gloryfikujące pracę w kołchozie, np.: *В колхоз войдешь, богато заживешь*; *В колхозе поживать – добра наживать*; *Колхоз – сила наша: что ни дом – полная чаша*; *В колхоз вступил – сапоги купил*; *В колхозе Настя нашла свое счастье*; *Не хочешь тужить – в колхоз иди жить*; *У кого много трудодней, тот и живет веселей*.

Omawiane wyrażenia utrzymane są w odmiennej poetyce w porównaniu z tradycyjnymi przysłowiami i porzekadłami. Mieszczą się one w konwencji rewolucyjnych i partyjnych sloganów i mają charakter agitacyjno-propagandowy, często są patetyczne. Zawierają w sobie wyraźny ładunek ideologiczny. Z dzisiejszej perspektywy są to w większości wyrażenia nieaktualne i znajdujące się na marginesie użyteczności werbalnej. Rejestrują jednak znaczący fragment porewolucyjnej rzeczywistości językowej i zawierają szczególną wartość poznawczą i kulturową. Kiedyś miały z założenia konotacje pozytywne, dziś otrzymują zabarwienie pejoratywne lub ironiczne.

Rozdział X pt. *Pieriestrojka jako proces zmian językowych. Demitologizacja leksyki*. Zmiany językowe w największym stopniu manifestują się w okresach historycznych przełomów. Widocznym znakiem tych przemian była również transformacja ustrojowa w byłym ZSRR zapoczątkowana w połowie lat 80. minionego stulecia. Procesy demokratycznych przekształceń objęły wszystkie obszary życia społecznego, w tym również sferę języka. Przemiany w tym zakresie w rozmaitym stopniu rejestrują najnowsze leksykony.

Wyeksponowano w nich słownictwo, które wcześniej z różnych względów było pomijane. Znacznie wzbogacony został zestaw haseł słownikowych z zakresu nauki, techniki, religii, sztuki, polityki, historii, filozofii i ekonomii. W większym stopniu wprowadzono słownictwo sakralne, które stopniowo przełamuje dotychczasowe schematy interpretacyjne. Artykuły hasłowe mają teraz charakter bardziej filologiczny, mniej zaś polityczny, ideologiczny i propagandowy.

Wraz z pieriestrojką przyszedł czas na odmitologizowanie leksyki, przede wszystkim leksyki politycznej i partyjnej. Zmiany ustrojowe w życiu społecznym zweryfikowały słownictwo polityczne. Dzisiaj np. komunizm postrzegany jest jako utopijna ideologia i także doktryna społeczna oraz jako totalitarny ustrój społeczno-polityczny. Najnowsza leksykografia rosyjska sukcesywnie uwalnia słownictwo od konotacji ideologicznych i politycznych. Przełamany został też wcześniejszy puryzm w kwestii słownictwa nieobyczajnego, wstydliwego. Zasób leksykalny permanentnie wzbogaca się o nowe słownictwo, ale jednocześnie stale powraca na właściwe sobie miejsce leksyka z różnych względów spychana jeszcze do niedawna na margines języka bądź przedstawiana tendencyjnie.

Dynamizm przemian zachodzących w korpusie leksykalnym ilustrują rozliczne procesy słowotwórcze. Por. formy i modele słowotwórcze związane z kluczowym leksemem *перестройка*: *антиперестройка*, *контрперестройка*, *постперестройка*, *перестроечник*, *перестройщик*, *антиперестроечник*, *антиперестройщик*, *перестроечный*, *антиперестроечный*, *контрперестроечный*, *противоперестроечный*, *доперестроечный*, *предперестроечный*, *полуперестройка*, *лжеперестройка*, *по-перестроечному*, a także kontaminacje typu *горбостройка*, *катастройка*, *порностройка*. Równie imponująca aktywność słowotwórcza dotyczy terminu *демократ*, gdzie poza skodyfikowanymi wcześniej jednostkami, jak *демократия*, *демократизм*, *демократический*, *демократичность*, *демократичный* występują również: *демократизатор*,

демократизация, *демократизированный*, *демократизировать*, *демократизироваться*, *демократически*, *демократка*, *демократура*, *антидемократ*, *антидемократический*, *недемократ*, *недемократический*, *недемократично*, *недемократичный* czy też kontaminacje, jak *бандократия*, *партократия*. O charakterze procesów słowotwórczych świadczą również neosemantyzmy typu *афганец*, *афганка*, *Чернобыль*, *чернобылец*. Procesy językowe okresu pieriestrojki egzemplifikują w tej części pracy rozliczne przykłady wyekscerpowane przede wszystkim z najnowszych materiałów leksykograficznych.

Reasumując, książka porusza szerokie spektrum zagadnień z zakresu rosyjskiej rzeczywistości językowo-kulturowej XX wieku. Centrum zainteresowań stanowi przestrzeń językowa i kulturowa tego okresu w zbiorowej świadomości Rosjan w warunkach polaryzacji systemów społeczno-politycznych, gdzie oficjalnie akceptowano jedynie komunizm i gdzie panował stereotyp Rosji sowieckiej jako pozytywnych wartości, zaś świat kapitalistyczny postrzegano jako siłę zdecydowanie wrogą, złą.

W polu badań znalazły się różnorodne fragmenty rosyjskiego językowego obrazu świata minionego stulecia. Przedmiotem analiz stały się tendencje w rozwoju języka rosyjskiego po rewolucji 1917 roku, czyli w czasach kształtowania się nowej ery, której towarzyszyły burzliwe wydarzenia w rozmaitych obszarach życia.

Fakty językowe zostały rozpatrzone w monografii z perspektywy ich semantyki i zachodzących zmian w ich strukturze pod wpływem rozlicznych zjawisk ekstralingwistycznych.

Analizowany w książce materiał leksykalny wyekscerpowano z reprezentatywnego kanonu słowników bazujących w dużej mierze na tekstach publicystycznych i literackich. Ekscerpty pochodzą również ze specjalistycznej literatury naukowej, środków masowego przekazu oraz z Internetu. Przeprowadzono szereg porównań leksemów skodyfikowanych w rozlicznych słownikach, stwierdzając różnice w ujęciu semantyki słów oraz przyczyny zmian semantycznych.

Monumentalisation of Language in the 20th Century Russia (Diachronic Explication of Scholarly Paradigms)

Summary

This book is the effect of research conducted by the present author over a number of years. It is time a full and insightful study was carried out as regards the linguistics and historical experience of the Russian nation. The focus of investigation is here primarily the Russian language after the famous October, when the Marxist theory and communist rhetoric prevailed.

The term used in the title refers to the language pertaining to monuments and to the notion of hyperbolisation and overburdening due to both the ideological content and the form. It is deployed as a peculiar metaphor. The monumentalisation of language rests on the totalitarian system's attribution of hugeness to language and the creation of unduly political linguistic structures.

This book subscribes to the analysis of the Russian language in the 20th century and addresses a wide spectrum of notions from the Russian cultural and linguistic reality of this century, that is in the context of Soviet mass culture. The present author focuses on the issues central to the formation of reality after 1917 and on shaping the Russian language at the time, its vocabulary in particular, which represents the people's mentality at the time. The time concerns ideological and rhetorical picture of the world presented, mainly the view of language and its manifestation in Russia after the revolution.

This research shows an interdisciplinary orientation. Linguistic analyses were extended by issues relevant to semiotics, culture studies, sociolinguistic and psycholinguistics in reference to different communicative contexts. The theoretical basis is enriched by cognitive linguistics. Based on its primary assumptions and concepts, this work discusses the most important aspects of the Russian linguistic presentation of reality. This work shows a contemporary insight into the Russian language of the 20th century, offering a perspective from the turn of the century and in the context of ongoing changes in Russia.

The eight parts of this volume present the most crucial issues related to the linguistic and cultural situation in the 20th century Russia.

Introduction. In this part of the book, the scope of the work is presented. Against the backdrop of theoretical literature, the terminological apparatus is presented: the linguistic view of the world, a concept, conceptualisation and anthropocentrism.

The notion of the linguistic view of the world is related to cognitive linguistics, a fast-developing field of research, to which this work subscribes.. The central assumption of the cognitive approach is reference, or even equation, of linguistic meaning with conceptualisation, which coincides primarily with a metaphoric or metonymic perception of reality. It could be said that linguistic units entail both direct and metaphoric means of perceiving the world by a human. This linguistic discipline is actively supported by political linguistics.

This part of the work focuses on the axiological system holding in the Soviet time, primarily the time after the revolution, which was characterised by the doctrine of class system, stereotypes and the construal of the enemy. The Soviet totalitarian power, materialising its political, social and moral doctrines employed language much too frequently to display ideological content. Language was a tool used in constructing the political enemy and, as a consequence, to fight the enemy, frequently a fictitious, imaginary or mythical enemy of the state, a spy, an agent, etc. This was a special type of discourse, based on clichés and propaganda schemas.

Also, the introduction presents a number of methodological assumptions, which correspond to the goals of this work. The vocabulary presented is a testament to the people's mentality at the time and the means of the interpretation of the world they performed. The processes and linguistic tendencies in Russia after the revolution, in a broad sense, reflect, on the one hand, language users' view of the world and, on the other, the means of conceptualisation (perception) of this reality. The following chapters present the linguistic view of the world, which embraces various categories of lexical units and communicative events, including the ways of conceptualisation of various terms.

Chapter I entitled *Paradigms of culture in the 20th century Russia in the context of linguistics* addresses paradigms in research in the 20th century in reference to the humanities, including linguistics, together with historic and cultural background.

First, attention is paid to the characteristics of two basic cultural paradigms, which were distinguished by Jakimowicz. One of them is related to the idea of humanism and enlightenment and is dubbed anthropocentrism, while the other is its opposite, because it is characterised by disharmony, irrationalism, destruction and nihilism. These paradigms, according to Jelena Pokrowska, have a bearing on the development of language in the 20th century. She proves this claim on the basis of numerous similarities and equivalents in language and lists analogous tendencies on different levels of language: lexical-semantic, syntactic and stylistic.

As regards cultural paradigms in the 20th Century Russia presented in this chapter, relevant are also the observations made by representatives of the Swiss School, notably Leonid Heller. Those refer to socialist realism in literature and in art.

Another paradigm presented is that of globalisation at the end of the 20th century associated with pierestroika-related processes of democratisation and political transformation. The globalisation paradigm also displays ethnical and cultural specificity in the new structure of Russian Federation.

Attention is also paid to the latest paradigms in linguistics, such as the cognitive-semiotic one, as well as the intensively developing cognitive-synergic paradigm. Those determine the methodology of contemporary research.

This part of the work includes periods in the development of the Russian language in the 20th century and general observations as regards language ideology, as well as linguistic tendencies in this respect.

Chapter II is entitled *The socio-political background and linguistic situation. Agitation vs. Propaganda*. The language of the Soviet period should be recognised in the context of historical changes, including the dramatic facts from the Soviet history in the aftermath of the revolution in 1917, such as the famine or Stalin's repercussions. In the Stalinian time, terror and fear prevailed. This time is also associated with prevalent poverty, deprivation, suspicion, persecution, orders and restrictions.

After 1917 fundamental changes took place in people's world view. This was the time when the state power enforced them via official rules and laws. Atheism was officially enforced, and communist ideology prevailed. For decades, a single-party system had operated. The structure of the country, security system and censorship guarded the stability of the regime. Citizens were constantly invigilated ideologically. Those in power tolerated and favoured only people who conformed to their law. The society was hierarchically structured and classified. Obedience was demanded,

while rebels were ruthlessly subordinated by permanent spying, investigation, torture and isolation. The persecuted frequently gave in and conceded to ideological demands. Those in power excelled as camouflage and manipulation and acted by stealth, which instilled the feeling of uncertainty and danger in the subordinates. Communist leaders believed that they fulfilled a mission. Citizens were indoctrinated that they were surrounded by the hostile world, which was supposed to fill them with distrust towards it. Against this socio-political backdrop, propaganda and agitation techniques are presented, mainly on the basis of journalism of the time.

After the dissolution of the Soviet Union, that is in a new political and social situation, mental, social and religious enlightenment took place, with people returning to Eastern Orthodox Church and Christianity.

Chapter III is entitled *The language of Soviet ideology*. In totalitarian systems, language was controlled by politics and fulfilled the function of a propaganda vehicle, which frequently bordered on ideological fanaticism. The chapter includes numerous examples testifying to indoctrination and sublime linguistic manipulation materialised by the powerful and to the official party propaganda.

This part of the book presents both lexicographic biograms of the political leaders (Lenin and Stalin), together with their ideological connotations, and the definitions of key concepts, based on diversified lexicographic work. This overview opens with the term *идеология*, which generates in its semantic structure opposite viewpoints and diversified systems of values, ideas, *etc*. This manifests itself in the class system, as represented by polarised terms, such as *марксистско-ленинская идеология* and *буржуазная идеология*. Scholarly work is done on ideological terms, such as *большевик*, *диктатура пролетариата*, *коммунизм*, or *класс*. The survey includes also religious vocabulary (*Бог*, *Христос*, or *религия*), which was subject to ideological manipulation after the revolution. The agitation carried out in Russia by those in power at the time is also seen in dictionary definitions of various terms, as exemplified by the definition of the term *атеизм* and phrasemes related to it: *воинствующий атеизм*, or *научный атеизм*. Ideologisation pertained to various disciplines, including literature, as exemplified by the work of Zoszczenko, Platonow, Bulhakow and many others.

Chapter IV is entitled *The means of forming and developing vocabulary. Dictionary definitions*. The Russian language in the 20th century underwent major changes at least twice. Those are manifest mainly on the lexical-semantic level and the wordformation level. The first of such changes took place as a result of revolution in 1917, while the second one is related to pierestroika in the late 80s and at the beginning of 90s. This constituted over half a century, specifically 70 years of Marxist and Leninian ideology, which affected all spheres of human life.

Language at the time shows great diversity. Some words go out of use, others become marginalised in the lexical system, still others change their meanings and connotations as well as get new stylistic character, and still others are introduced into language via wordformation or borrowing.

After the revolution, the lexical range of the Russian language was enriched by Soviet vocabulary, the so-called Sovietisms, which became widely accepted in the Soviet reality, such as: *красный* (the symbol of revolution), *субботник*, *пятилетка*, *коллективизация*, *комиссар*, and *митинг*, as well as acronyms, such as: *комсомол*, *комсорг*, *колхоз*, *совхоз*, *партбюро*, *госплан*, *госбюджет*; *ФЭД* (the brand name of a camera based on Феликс Эдмундович Дзержинский), *ЗИС* (the make of a car based on a factory Завод имени Сталина), or *ЗАГС* (Отдел записи актов гражданского состояния).

Chapter V is entitled *The language of political slogans, retorts and quotations*. The language of the past century boasted innumerable patriotic clichés and revolutionary invocations, political slogans, propaganda terms and banner slogans, such as: *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!* (Marks and Engels; *Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма* (Marks and Engels); or *Лучше меньше, да лучше* (Lenin). For propaganda reasons, prevalent was the militarisation of slogans, cf.: *Социалистическое отечество в опасности!*; *Всё для фронта!* Many slogans,

constructed according to the political agenda, referred to civic responsibility and patriotic obligations, such as: *Родина-мать зовет!* (from a poster); *Учиться, учиться и [ешё раз] учиться* (Lenin). Distinctive elements of language at the time were phrases related both to the ideology and the communist system and to social and political changes. Salient in this respect is Stalinian rhetoric, cf.: *Товарищи! Граждане! Братья и сестры!*; *Кадры решают все*; *Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей*. Among propaganda slogans one can also find many of an economic and social nature, such as: *Экономика должна быть экономной*; *Долой кухонное рабство!*; *Отходы – в доходы!*

After the political transformation inspired by pierestroika in 1985, numerous propaganda slogans took on ironic character, such as: *Все для человека*; *Развитой (реальный) социализм*; *Новый человек*. In the new historical and metal context, one can observe a critical attitude towards the past century, which is epitomised by a metaphoric term *театр абсурда* in reference to the Soviet reality. Of crucial importance in this context is also the term *гомо советикус*, or the term *гомосос* used in reference to a person whose thinking and conduct was formed by the value system of communist ideology (Zinowjew).

Chapter VI is entitled *Ideologically loaded first names*. Before the revolution, children were named at christening, with all names being compiled in parochial books. After 1917, due to secularisation and atheism in the public life, this rule no longer obtained. Names were registered in lay governmental books. Most of new names were ideologically loaded and were related to the Marxist revolution, the leaders, symbols and revolutionary slogans: *Мэлор* – based on the words: *Маркс*, *Энгельс*, *Ленин* and *Октябрьская революция*; *Лорикэрик* – coming from: *Ленин*, *Октябрьская революция*, *индустриализация*, *коллективизация*, *электрификация*, *радиофикация* and *коммунизм*. First names were also based on names: *Ленин*, *Ленина*, or *Нинель* and diversitified types of acronyms: Владимир Ильич Ленин: *Вил*, *Вилен*, *Вилена*, *Виленин*, *Виленина*, *Владлен*, *Владлена*, *Владилен*, or *Владилена*.

A range of names were created by shortening phrases and slogans: *Роблен* (родился быть ленинцем), *Ревмир*, *Ревмира* and *Рем*, *Рема* (революция мировая), *Реввола* (революционная волна), *Ремизан* (революция мировая занялась), *Ревдит* (революционное дитя), *Дамир* (даешь мировую революцию), or *Пятвчет* (пятилетку в четыре года). Also, two-part and three-part names were formed: *Белач ночь*, *Серп-и-Молот* or *Догнат-Перегнат* (догнать и перегнать Америку). First names stemmed also from the names of machines, contraptions and vehicles which constituted symbols of revolutionary trends and changes in Russia after the revolution: *Комбайн*, *Трактор*, *Турбина*, *Дрезина*, or *Дизель*. A substantial number of names came from common names and terms: *Искра*, *Звезда*, *Заря*, *Зарина*, *Победа*, *Свобода*, *Эра*, *Гений*, *Гвоздика*, *Альгебрина*, *Идея*, *Индустрий*, *Индустрия*, or *Инициатива*. Such names, amounting to symbols and carrying historical connotations, epitomise their times and peculiar mentality of the people in Russia after the revolution.

Chapter VII entitled *Sovietisms – toponyms* addresses post-revolutionary patterns in Russian toponymic onomastics. The chapter presents and discusses standard means of forming place names: 1) related to Lenin, the father of the Soviet country: *Ленинград*, *Ленинск*, *Лениногорск*, *Ленинский*, *Ленинское*, *Ленино*, *Лениндар*, *Ленингори*, *Ленинкорань*, *Ленинабад*, *Ленинакан*, *Ульяновск*, *Ульяновка*, *Ленина пик* or *Ленинаканское плато*; 2) to honour Stalin and his followers: *Сталинград*, *Сталиногорск*, *Сталинск*, *Сталин*, *Сталинири*, *Сталиниссц*, *Сталинабад*, *Сталина пик* or *Сталина залив*; 3) related to an array of revolutionaries and party members, such as: Siergiej Kirow, Kliment Woroszyłow, Andriej Żdanow, Walerian Kujbyszew, Grigorij Ordżonikidze, Jakow Swierdłow, Michaił Kalinin, Wiaczesław Mołotow, Nikołaj Jeżow, Feliks Dzierżyński, Grigorij Pietrowski and Aleksiej Rykow, cf. place names, such as: *Киров*, *Кировск*, *Кировка*, *Кирово*, *Кировабад*, *Кировакан*, *Кировоград*, *Кировский*, *Кировское*, *Кировская площадь*; *Ворошиловград*, *Ворошиловск*, *Ворошилов*; *Жданов*, *Ждановск*, *Ждановское*; *Куйбышев*; *Орджоникидзе* and *Рыково*.

Names originated also in ideological notions, cf.: *Красноармейск*, *Краснопартизанск*, *Красный Луч*, *Красный Маяк*, *Красный Октябрь*, *Красной Армии залив*; *Первомайск*, *Первомайский*; *Комсомольск*, *Комсомолец*; *Пролетарск*, or *Пролетарий*. Toponyms were also formed to commemorate socialists, based on their surnames (*Стаханов*), or in the honour of proletariat writers (*Горький*), zealous supporters of the revolution (*Маяковский*). Toponyms like those fulfilled the function of symbols in the light of the ongoing changes. Many of these names were changed after the transformation of the system and substituted for historic names.

Chapter VIII entitled *Gender and a linguistic view of the Soviet woman* refers to the activities and broadly understood work performed by women in a historical perspective. The revolution caused professions hitherto typical of men to be available to women, while World War II strengthened this trend. Women's participation in economy and industralisation of the country was very important. This invited feminine terms such as: *бетонщица*, *автокрановщица*, *арматурщица*, *паяльщица*, *электросварщица*, *экскаваторщица*, *асфальтировщица*, *фрезеровщица*, *забойщица*, *зарубщица*, *засмольщица*, *заварщица*, *закальщица*, *истопница*, *канавщица*, *литейщица*, *камазовка*, *арматурщица*, *развальцовщица* or *бамовка*. Women performed various functions related with collectivism, cf: *трактористка*, *комбайнерка*, *удабривательница*, *целинница*, *посевщица* or *боронильщица*. Salient are also: *большевичка*, *коммунистка*, *комсомолка*, *ленинка*, *чекистка*, *тимуровка*, *пионерка*, *партийка*, *агитаторша*, *активистка* or *атеистка*.

Many of these names correspond to women's workplace names. The semantic motivation for the names above seems to depend on the tools used at work or on ideology and politics. These names evaluate and strengthen the image of a woman, after the revolution, at the time of "NEP" and collectivism.

The time of pierestroika and political transformation contributed to the changes in women's social roles and extending their roles in the sphere of business, sport, culture, *etc*.: *финансистка*, *бизнесменка*, *банкирша*, *яхтсменка*, *штангистка*, *фехтовальщица*, *парашютистка*, *планеристка*, *рапиристка*, *барабанщица*, *аккомпаниаторша*, or *издательница*. Women's new roles are also reflected by names such as: *бездомница*, *беспризорница*, *бичевка* or *бомжиха*.

This chapter discusses the linguistic representation of a woman on the strength of the names of professions and a new understanding of women's social roles.

Chapter IX has the title *Linguistic representation of the world in proverbs*. This chapter presents material of Soviet provenance. Proverbs are analysed according to their topics, together with the key words in the semantics of these expressions, such as: *Ленин*, *ленинизм*, *ленинский*, *коммунизм*, *партия*, *колхоз*, *трактор*, *комбайн* or *пятилетка*. The following came into being: *Следуй ленинизму – придешь к коммунизму*; *От ленинской науки крепнут разум и руки*; or *Власть советская пришла, жизнь по-новому пошла*. Such paremies include a specific semantic code characterised by propaganda, as the following examples demonstrate: *Раньше жили – слезы лили, теперь живем – счастье куем*; *Где власть народа, там победа и свобода*; *За коммунистами пойдешь – дорогу в жизни найдешь*; *За партией идти – в счастьи жить и цвести*; or *Набирайся силы у груди матери, ума – у Коммунистической партии*. Proverbs praising work in kolkhoz served propaganda purposes, such as: *В колхоз войдешь, богато заживешь*; *В колхозе поживать – добра наживать*; *Колхоз – сила наша: что ни дом – полная чаша*; *В колхоз вступил – сапоги купил*; *В колхозе Настя нашла свое счастье*; *Не хочешь тужить – в колхоз иди жить*; or *У кого много трудодней, тот и живет веселей*.

The expressions discussed represent poetics different from the poetics of traditional proverbs and sayings. They subscribe to revolutionary propaganda slogans. They are frequently very sublime and carry ideological load. From the present perspective, these expressions are out of use and obsolete. However, they account for a fragment of post-revolutionary linguistic reality, which is why they do have cultural and linguistic worth. While they used to carry positive connotations, they are pejorative or ironic.

Chapter X is entitled *Pierestroika as a process of linguistic change. Lexical demythologisation*. Linguistic changes are most pronounced at the time of historic changes. A clear indication of such changes was also the political transformation in the former Soviet Union, which began in 1980s. Democratic changes affected all spheres of social life, including the sphere of language. Changes in this respect are best represented in the new dictionaries.

They include vocabulary hitherto omitted for various reasons. The collection of entries from the field of science, religion, art., history, philosophy and economy has been greatly enriched. More religious vocabulary has been introduced and it transcends the well-entrenched interpretative schemas. Entries are more linguistic, and less political, ideological or propaganda-based.

Pierestroika was accompanied by the de-mythologising of lexicon, primarily that of political character. Political changes in social life verified political vocabulary. For instance, today communism is regarded as utopian ideology or doctrine or as a totalitarian socio-political system. The latest Russian lexicography gradually frees the vocabulary from ideological and political connotations. Linguistic taboos have also been broken. The vocabulary range is permanently extended by new vocabulary, and lexical items, so far marginalised (for various reasons) or tendentiously presented, are gradually restored to be in use again.

The dynamics of changes in the lexical corpus is illustrated my numerous wordformation processes (cf. the forms and wordformation models related to the key lexeme *перестройка*: *антиперестройка*, *контрперестройка*, *постперестройка*, *перестроечник*, *перестройщик*, *антиперестроечник*, *антиперестройщик*, *перестроечный*, *антиперестроечный*, *контрперестроечный*, *противоперестроечный*, *доперестроечный*, *предперестроечный*, *полуперестройка*, *лжеперестройка*, or *по-перестроечному*, as well as contaminations, such as *горбостройка*, *катастройка*, or *порностройка*). Equally impressive is the wordformation pattern of the term *демократ*, since, besides the earlier codified items, such as *демократия*, *демократизм*, *демократический*, *демократичность*, or *демократичный*, there are also: *демократизатор*, *демократизация*, *демократизированный*, *демократизировать*, *демократизироваться*, *демократически*, *демократка*, *демократура*, *антидемократ*, *антидемократический*, *недемократ*, *недемократический*, *недемократично*, or *недемократичный*, as well as contaminations, such as: *бандократия* or *партократия*. The nature of wordformation processes is also exemplified by neologisms such as *афганец*, *афганка*, *Чернобыль*, or *чернобылец*. The linguistic processes from the time of pierestroika constitute numerous examples extracted from the latest lexicographic materials.

To summarise, this book addresses a wide spectrum of issues from the Russian linguistic and cultural reality in the 20th century. The focus is on the linguistic and cultural space as perceived collectively by Russians in the context of polarising socio-political systems, at the time when it was only communism that was accepted and the stereotype of Soviet Russia was deemed as carrying positive values, while the capitalist world was regarded as being hostile and wrong.

The research focused on multifarious phenomena central to the Russian linguistic world of the past century. The analysis was devoted to the trends in the development of the Russian language after the revolution in 1917, that is at the time of the formation of the new era, which entailed dramatic events in various spheres of life.

Linguistic issues were discussed from the perspective of their semantics and structural changes in the light of extralinguistic phenomena.

The lexical material analysed in this book was taken from a representative range of dictionaries based, to a great extent, on journalistic and literary texts. The extracts came also from specialist scholarly work, mass media and the Internet. Comparative studies of codified lexemes were conducted, leading to conclusions about differences in the semantics of words and the reasons for semantic changes.

Translated by *Marta Dynel*

Предметный указатель[1]

1. Слова и выражения: термины, советизмы, идеологизмы, неологизмы, аббревиатуры

---

[1] Расположение материала в указателе алфавитное и представлено в 4-х тематических группах по первому компоненту. Тематические группы следующие: 1. Слова и выражения: термины, советизмы, идеологизмы, неологизмы, аббревиатуры; 2. Лозунги, воззвания, цитаты, пословицы, крылатые выражения, советские клише; 3. Имена собственные; 4. Топонимы.

2. Лозунги, воззвания, цитаты, пословицы, крылатые выражения, советские клише

3. Имена собственные

4. Топонимы

Указатель имен авторов

Od Redakcji

Jarosław Wierzbiński, językoznawca w Instytucie Rusycystyki Uniwersytetu Łódzkiego. Z uczelnią łódzką związany od 1976 r.

Urodził się w roku 1951 na kresach w okręgu Tarnopolskim. Podstawowy etap edukacji odbył w Lubniewicach. Maturę uzyskał w Gorzowie Wlkp. w 1971 r. W tymże roku podjął studia rusycystyczne na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu, które po I roku kontynuował jako stypendysta MNiSzW na Wydziale Filologii i Dziennikarstwa Uniwersytetu Rostowskiego.

Pracę magisterską o poetyce *Cichego Donu* M. Szołochowa napisał pod kierunkiem prof. Nikołaja I. Głuszkowa, recenzentem była doc. Natalia G. Połtawcewa. Studia ukończył w 1976 r. z wyróżnieniem wraz z rekomendacją na studia doktoranckie. Podjął je w Rostowie nad Donem w roku 1979 już jako pracownik ówczesnego Instytutu Filologii Rosyjskiej Uniwersytetu Łódzkiego.

Stopień naukowy doktora nauk humanistycznych otrzymał w 1984 r. na Uniwersytecie Rostowskim na podstawie rozprawy pt. *Relacje antonimiczno-synonimiczne w leksyce (na materiale utworów Antona Czechowa)*, której promotorem była prof. Ludmiła A. Wwiedienskaja. Recenzentami w przewodzie byli: prof. Tomas G. Chazagierow, prof. Jelena I. Dibrowa, doc. Walentyna J. Pastuchowa oraz Instytut Pedagogiczny w Taganrogu. Autoreferat pracy doktorskiej aprobatywnie opiniowali m.in.: prof. Galina A. Zołotowa, prof. Lew A. Nowikow, prof. Wiera A. Iwanowa.

W roku 2000 uzyskał na Wydziale Filologicznym UŁ stopień doktora habilitowanego na podstawie rozprawy nt. *Stylistyczny fenomen języka artystycznego Michała Zoszczenki* (Łódź, Wyd. UŁ, 1999). Recenzentami w przewodzie byli: prof. Stanisław Kochman, prof. Stanisław Siatkowski i prof. Kazimierz Bajor. Za książkę habilitacyjną otrzymał nagrodę pierwszego stopnia Rektora UŁ.

Początkowo zainteresowania naukowe J. Wierzbińskiego skupiały się na kwestiach związanych z poetyką utworów literackich M. Szołochowa. Następnie specjalizował się w zakresie funkcjonowania kategorii semantyki leksykalnej w utworach literackich A. Czechowa. Zaowocowały one rozprawą doktorską. Głównym i stałym polem działalności badawczej pozostają zagadnienia z zakresu semantyki i stylistyki tekstu, w szczególności tekstu literackiego. Wiele pogłębionych analiz poświęcił autor kryteriom tekstowości, zwłaszcza intertekstowości. Kolejnym obszarem poszukiwań naukowych stały się koncepty

językowego obrazu świata. Zainteresowania naukowe J. Wierzbińskiego skupiają się także wokół lingwistyki kognitywnej. Kilka prac studyjnych poświęcił problematyce paremiologicznej. W ostatnich latach skupił się na zagadnieniach ideologizacji języka w porewolucyjnej Rosji. Stały wątek badań stanowią również problemy teoretyczno-metodologiczne.

Publikacje J. Wierzbińskiego ukazują się zarówno w prestiżowym piśmiennictwie krajowym, jak też wydawnictwach periodycznych za granicą (Rosja, Białoruś, Ukraina, Litwa, Czechy, Bułgaria, Węgry, Niemcy, Hiszpania, Stany Zjednoczone).

Dorobek naukowy obejmuje ponad 120 pozycji, w tym: dwie monografie, skrypt, podręcznik, autoreferat rozprawy doktorskiej, 12 opracowań redakcyjnych (redakcja i współredakcja), ponad 70 artykułów naukowych, 8 artykułów recenzyjnych oraz ponad 20 mniejszych opracowań. Są to głównie szkice, tezy i komunikaty. Ponadto ma w swoim dorobku około 20 prac przekładowych z języka polskiego na rosyjski i odwrotnie.

Czołowe miejsce zajmują: wspomniana książka o idiolekcie Zoszczenki oraz niniejsze opracowanie o monumentalizacji języka w Rosji XX w. W aspekcie dydaktyki akademickiej ważny jest skrypt pt. *Morfemika. Morfonologia. Słowotwórstwo* (Tarnopol, Wyd. Studia Methodologica, 2009) oraz podręcznik pt. *Semantyka słowa. Kategorie semantyki leksykalnej* (Łódź, Wyd. Primum Verbum, 2011).

Od 2001 r. kieruje Katedrą Językoznawstwa. Z jego inicjatywy i pod jego redakcją powstała w Katedrze w ramach cyklu „Acta Universitatis Lodziensis" seria akademicka Folia Linguistica Rossica; dotychczas ukazało się 7 tomów, 8. znajduje się w druku. J. Wierzbiński zainicjował, organizował i współorganizował cykl konferencji międzynarodowych nt. *Problemy semantyki i stylistyki tekstu*, z których odbyły się 4 edycje w latach 2003, 2006, 2008 i 2011 z licznym udziałem slawistów z ośrodków krajowych oraz badaczy z Rosji, Ukrainy, Białorusi, Kazachstanu, Kirgizji, Litwy, Węgier i Niemiec.

Regularnie współpracuje ze slawistami w Moskwie, Kazaniu, Wołgogradzie, Rostowie nad Donem, Kijowie, Wilnie, Sofii, Wielkim Tyrnowie, Magdeburgu i Giessen. We współpracy z tymi ostatnimi opublikował kilka wartościowych pozycji, w tym 2 edycje (t. 39, 1999; t. 47, 2002) w prestiżowej serii Beiträge zur Slavistik w wydawnictwie Petera Langa (Frankfurt nad Menem) oraz opracowane z tymże Instytutem dwie edycje prac w ramach serii Folia Linguistica Rossica: t. 3. pt. *Semantyka i pragmatyka tekstu* (Łódź 2007) oraz t. 6. pt. *Język – komunikacja międzykulturowa – tekst i jego interpretacja* (Łódź 2010).

Jako nauczyciel akademicki, w ciągu swej ponad 35-letniej kariery uniwersyteckiej, J. Wierzbiński prowadził i prowadzi różne typy zajęć, ostatnio – wykłady kursowe i seminaria magisterskie oraz seminarium doktorskie.

Wypromował ponad 60. magistrów filologii rosyjskiej. Kieruje kolejnymi pracami magisterskimi. Ma swój udział w kształceniu kadry naukowej,

uczestnicząc w przewodach doktorskich w roli p.o. promotora i jako promotor. Pod jego kierunkiem powstają kolejne rozprawy doktorskie. Występował czterokrotnie jako recenzent w przewodach doktorskich na różnych uczelniach (Uniwersytet Warszawski 2001; Uniwersytet Śląski 2003 i 2011; Uniwersytet Łódzki 2010) oraz przewodach habilitacyjnych (Uniwersytet Poznański 2007, Uniwersytet Śląski 2009).